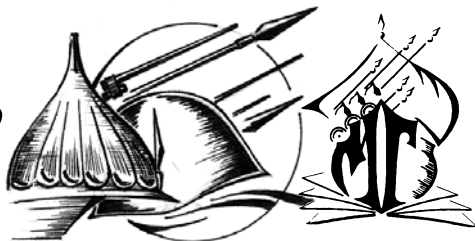

Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2009

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

ПРОЗА

Нина ЧЕРЕПЕННИКОВА. Три рассказа	19
Александр ГРУНТОВСКИЙ. Журавли. Екатерина. Рассказы	44
Лидия ЖАРОВА. Приходи завтра. Рассказ	54
Эдуард АЛЕКСЕЕВ. Пасека. Рассказ	136
Нина БОЙКО. Два рассказа	176

ПОЭЗИЯ

Александр КУВАКИН. Золотая нива. Стихи	70
Андрей РЕБРОВ. Пчелиные веси. Стихи	72
Владимир СОРОЧКИН. Пылающий камень. Баллада	77
Сергей ДВОРЕЦКИЙ. В свете нерушимого креста. Стихи	83
Юрий ПЕРМИНОВ. На родных сквозняках. Стихи	86

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Маринэ ВОСКАНЯН. Повторят ли США судьбу СССР	3
Юрий БОЛДЫРЕВ. Плавная деградация	90

ДОСЬЕ «МГ»

Марат КАЛАНДАРОВ. **Виза в пучину.** Продолжение 96

ОСОБЕННЫЙ ПУТЬ РОССИИ

Сергей БАТЧИКОВ. **Исихазм советского человека** 125

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Ярослав НЕМЧАНИНОВ. **Что для меня СССР?** 183

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Михаил АНИЩЕНКО. **Студеные росы.** Стихи 191

Александр ТОРОПЦЕВ. **Муж главбуха.** Рассказ 197

Леонид САФРОНОВ. **Из-под ног уходила дорога.**
Стихи 222

СИМВОЛ ВЕРЫ

ИОСИФ, монах. **Нельзя молчать!** 226

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Глобальное кидалово 256

Анатолий ПОЛЕТАЕВ. **Исцеляющая музыка** 266

КРУГ ЧТЕНИЯ

Владимир ЮДИН. **Он унес в сердце Россию** 276

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

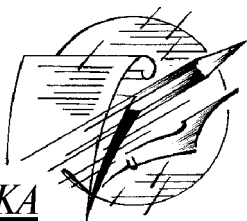
Иван ТЕРТЫЧНЫЙ. **Миниатюры** 284

ПОВТОРЯТ ЛИ США СУДЬБУ СССР

НОВОГОДНИЙ СЮРПРИЗ

Перед Новым (2009) годом на первой полосе «The Wall Street Journal» американские читатели увидели карту США. Карту шокирующую — вместо традиционных штатов на территории США появились несколько новых государств: Калифорнийские штаты, Центральная Североамериканская республика, Техасская республика и Атлантическая Америка. Аляска на этой карте — часть России, а Гавайи принадлежат Японии. Именно такими видит США уже в 2010 году доктор политических наук, декан факультета международных отношений Дипломатической академии МИД России Игорь Панарин. Статья «В довершение всего российский профессор предсказывает распад США» стала в США «информационной бомбой», ее обсуждение активно идет и по сей день в американских СМИ и на веб-сайтах.

Карту «Распад США—2010» Панарин представил еще в 1998 году на международной конференции, посвященной технологиям информационных войн. Однако сами американцы заинтересовались теорией русского ученого и взяли у него интервью лишь в конце прошедшего года, после публикации в газете «Известия» его статьи «Когда Америка развалилась на ча-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

сти, был дикий крик». Уже через две недели после интервью с Панариным в «The Wall Street Journal» на сайте этого издания его прочитали более миллиона человек. Это интервью уже вошло в десятку самых популярных в США публикаций 2008 года.

Интерес к этой теме оказался таким большим, что американские журналисты даже обратились за комментариями в Белый дом, пресс-секретарь которого Дана Перино отшутилась в ответ: «Я озадачена, и поэтому, я думаю, мне придется отказаться от комментариев». Но почему-то кажется, что если бы предсказания «сумасшедшего русского профессора» совсем никого в США не беспокоили, флагман американской деловой журналистики вряд ли разместил на бы их на первой полосе.

АЛЯСКУ ПРИДЕТСЯ ВЕРНУТЬ

Основная мысль прогноза Панарина такова: экономика США является «пирамидой», и она обязательно рухнет, что может привести к распаду США на шесть отдельных частей. Причем наиболее шокирующей деталью этого прогноза является даже не это (редкая большая страна не сталкивалась с абстрактными предсказаниями своего распада), а указанные Панариным сроки — он полагает, что экономический кризис уже к концу 2009 года может привести к гражданской войне в США, а там недалеко и до развала государства на части. Главный аргумент ученого — госдолг США вырос за последние 10 лет с 2 до 11 триллионов долларов. Панарин уверен — выплатить такой внешний долг США уже не смогут. Как это может привести к краху государственности? «Во-первых, финансовые проблемы в США будут усиливаться. Миллионы граждан там лишились своих сбережений. В стране растут цены и безработица. На грани краха “Дженерал моторс” и “Форд”, а это значит, что целые города окажутся без работы. Губернаторы уже в жесткой форме требуют денег от федерального центра. Растет недовольство, и пока его сдерживали только выборы и надежда на то, что Обама совершит чудо. Но уже к весне станет ясно, что чуда нет. Второй фактор — уязвимое политическое устройство США. На территории страны не существует единого законодательства. Нет даже общих правил дорожного движения. Костяк, который соединяет США, достаточно хрупок. Даже вооруженные силы в Ираке представлены во многом негражданами США, они воюют потому, что им обещают американское гражданство. Таким образом, армия, как плавильный котел, уже пе-

рестала выполнять функцию скрепления американского государства. Ну, и наконец, раскол элит, который ярко проявился в условиях кризиса», — объясняет Панарин.

Под расколом элит он понимает не противоречия между демократами и республиканцами, а борьбу группировок «глобалистов» и «государственников». Первые — это американские «троцкисты», и если Троцкому была «нужна не Россия, а мировая революция» то для «глобалистов» точно так же США — лишь база для контроля над всем миром. Их представляли бывшие госсекретарь Кондолиза Райс и вице-президент Дик Чейни. Государственники, напротив, хотели процветания, в первую очередь, своей страны. Это бывшие министр обороны Роберт Гейтс, директор ЦРУ Майкл Хайден и директор национальной разведки адмирал Майк Макконнел. Противостояние «глобалистов» и «государственников» — это противостояние финансовой элиты США и американских вооруженных сил, спецслужб и ВПК. В последнее время противостояние между этими двумя кланами стало открытым.

Таким образом, по версии Панарина, более богатые штаты перестанут перечислять средства в федеральный бюджет и фактически выйдут из союза. За этим последуют социальные волнения — вплоть до гражданской войны, сыграет решающую роль этнический фактор, а там уже в дело вступят иностранные государства. Почему США могут распасться именно на шесть частей? Игорь Панарин приводит такие аргументы: «Первая — Тихоокеанское побережье США... В Сан-Франциско 53% населения составляют китайцы. Губернатором штата Вашингтон был этнический китаец, его столицу Сиэтл называют воротами китайской эмиграции в США. Тихоокеанское побережье постепенно подпадает под влияние Китая, это очевидно. Вторая часть на юге — это действительно мексиканцы. Там испанский язык кое-где уже стал государственным. Потом Техас, который открыто борется за свою независимость. Атлантическое побережье США представляет собой совершенно другой этнос и менталитет, его тоже можно разделить на две части. Ну, и центральные депрессивные районы. Я напомним, что 5 центральных штатов в США, где проживают индейцы, объявили о своей независимости. Это было воспринято как шутка, политическое шоу. Но факт остается фактом. На севере сильно влияние Канады. Аляску, кстати, можем потребовать мы. Она ведь сдана в аренду...» Таким образом Калифорния станет ядром «Калифорнийской республики» и войдет в состав Китая или окажется под его влиянием. Техас станет основой «Техасской

республики» — группы штатов, которые отойдут к Мексике или окажутся под ее влиянием. Вашингтон и Нью-Йорк будут частью «Атлантической Америки», которая может вступить в Европейский Союз. Канада получит группу северных штатов — «Центральную североамериканскую республику». Гавайи станут протекторатом Японии или Китая, а Аляска вновь войдет в состав России. Распад США в 2010 году, если он состоится, по мнению Панарина, будет проходить по сценарию распада Чехословакии, а не Югославии.

Российский ученый далек от того, чтобы радоваться собственным ожиданиям. Он полагает, что в настоящее время шансы на дезинтеграцию составляют 55% против 45%, и если США все-таки ждет распад — это не лучший сценарий для России. Хотя Россия усилилась бы на мировой арене, но пострадает ее экономика, поскольку в настоящее время она сильно зависит от доллара и торговли с США. Самой же России Игорь Панарин советует как можно активнее развивать рубль как региональную валюту, чтобы «обрубить веревки, связывающие нас с финансовым “Титаником”», который, по его мнению, пойдет в ближайшее время ко дну.

МУЗЫКА ДЛЯ КРЕМЛЯ

Как и можно было ожидать, в статье «The Wall Street Journal» идеи Панарина излагаются под традиционным «соусом» происков Кремля и КГБ. «Его мрачные прогнозы для США звучат как музыка для Кремля, который в последние годы обвиняет Вашингтон во всех грехах — от нестабильности на Ближнем Востоке до глобального финансового кризиса. Кроме того, взгляды Панарина в полной мере соответствуют продвигаемым Кремлем идеям о том, что после слабости 1990-х, когда многие опасались экономического и политического банкротства страны и ее распада, Россия вновь занимает достойное место на мировой арене», — пишет автор статьи Эндрю Осборн, не преминув напомнить читателям о том, что послужной список Панарина включает в себя многолетнюю работу в советском КГБ, а на стене его кабинета висит вымпел с эмблемой ФСБ, преамбулы КГБ, и двуглавый орел. Чтобы читатели уж совсем не испугались, Осборн напоминает им, что в России не все согласны с профессором Панариным. Например, то, что теории Панарина не выдерживают критики, считает Сергей Рогов, директор государственного Института США и Канады: «Серьезные люди обычно не обсуждают безумные идеи». В то же время заканчивается

статья резонным напоминанием о том, что, к примеру, французский политолог Эммануэль Тодд в 1976 году за 15 лет предсказал распад Советского Союза, хотя в то время над его прогнозом все смеялись.

После публикации в «The Wall Street Journal» карту «панаринской» Америки начали обсуждать и другие американские СМИ. В частности, интервью Панарина было показано на телеканале CNN. Оно привлекло внимание телезрителей и попало в тройку самых популярных новостных телесюжетов канала. По словам Панарина, после того, как этот сюжет был показан CNN, он стал получать письма от американцев: «Мне пишут многие американцы, представители разных профессий. Они рассуждают именно о том, почему США в кризисе, и как они могут распасться». Часть американцев поддерживает подобные взгляды, часть нет. А часть просто спрашивает, как же им жить дальше.

ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА

А вот комментарии американской прессы на эту тему в основном содержат рассуждения в стиле «сам дурак». «На фоне обоснованных страхов российского населения по поводу собственного будущего Кремль стремится проецировать ситуацию в своей стране на Америку», — сообщает «Голос Америки». Материал в «Forbes» «Россия смотрит на Америку, а видит себя» продолжает дискуссию на тему: да вы, русские, на себя посмотрите: «Ни профессор, ни люди в Кремле не имеют и приблизительного представления о том, как работает американская система, и почему так убога их собственная. Говоря популярным псевдоученым языком, Панарин проецирует на нас российские проблемы или даже канализирует их, то есть выражает упования и комплексы российского народа. Что, это говорит нам об униженных устремлениях народонаселения России или чудовищных условиях российского публичного дискурса? От Распутина до Лысенко и даже вплоть до диалектического материализма русская душа и российское государство демонстрировали тревожную склонность к бредовым гипотезам, основанным на суеверии или псевдонауке. Вероятно, нужно напомнить русским ту простую мысль, что тоталитарные системы распадаются, а демократические реагируют на изменения и адаптируются». И вообще — мол, неспроста эта карта появилась сразу после похода отряда российских военных кораблей к берегам Латинской Америки: «Либо Кремль уверовал в сценарий Панарина, либо чувствует, что российская общественность дол-

жна быть с ним ознакомлена. И, возможно, российское руководство, отправляющее боевые корабли в Венесуэлу и на Кубу, стремится ознакомиться с мнением Панарина и американскую общественность. От этих мыслей, как признается их автор Мелик Кайлан, «по спине бежит холодок» — ведь главную московскую школу для дипломатов возглавляет «такой человек, как Панарин!». Оставшаяся часть его статьи посвящена рассуждениям о том, что, в отличие от дикой России, США несут всему миру свободу и демократию, а потому, если даже русские и дождутся распада Штатов, весь мир об этом горько пожалеет.

«В информационной войне это называется перевод внимания на ложный объект, — комментирует эту антироссийскую истерию Панарин на своем сайте. — Ведь господин Кайлан не рассуждает о том, почему из 50 штатов США 43 (!!!) имеют дефицит бюджета. Он не хочет ответить на вопрос, откуда новый президент США возьмет **триллион** долларов, который просят у него **пять** губернаторов дотационных штатов. А сколько будут просить остальные 38 губернаторов дотационных штатов? Не хочет порассуждать господин Кайлан и на следующую тему — почему в США **двадцать** процентов населения США — инвалиды? Почему за ноябрь и декабрь 2008 года увеличилось количество бомжей и выросла преступность? Почему стреляют в американских школах и университетах? Почему рухнули крупнейшие банки Уолл-стрита? На эти и другие неудобные вопросы у **него нет ответов**. Поэтому он пытается найти в темной комнате кошку, которой там нет. Ищет какие-то авторитарные комплексы в России, вместо того, чтобы найти пути выхода США из **системного кризиса**».

Продолжает «контратаку» «The Washington Post», опубликовавшая подборку мнений, опровергающих теорию Панарина: «Распад США? Безудержная критика российского прогноза». Ее автор Джоэл Гарро признает, что в США существуют сепаратистские настроения, но он убеждает читателей, что это все маргинальные начинания. Далее вновь идут рассуждения о том, что это «Кремль процедирует на Соединенные Штаты собственные страхи», «Россия тоскует по потерянной империи, и ее привлекает мысль, что вскоре можно будет вдоволь поплакать крокодиловыми слезами при мысли, что их история повторится на американо-мексиканской границе», «они думают примерно так: если наша империя развалилась, почему их империя должна выстоять».

Пока журналисты сотрясают воздух заклинаниями в духе «этого не может быть, потому что не может быть никогда», американские военные предпочитают смотреть на ситуацию трезво и готовиться не к самым радужным вариантам развития событий. Хотя в США существует принятый 130 лет назад закон, ограничивающий использование вооруженных сил США внутри страны, военные аналитики предполагают, что в нынешней ситуации придется идти на экстренные меры. Еще в 1994 году Пентагон издал директиву, разрешающую командованию «предпринимать чрезвычайные меры внутри страны, чтобы спасти жизни и предотвратить страдания людей, а также не допустить огромного ущерба имуществу». В декабре 2008 года в докладе Военного колледжа уже рассматривалась возможность использования американских войск для подавления гражданских беспорядков, вызванных обострением экономического кризиса. Авторы доклада предупреждают, что американские вооруженные силы должны быть готовы к «насилию на территории Соединенных Штатов», которое может быть спровоцировано «непредвиденным экономическим крахом», или «потерей функционирования политического и правового порядка».

«Если организованные насильственные действия против местных властей, властей штатов и федеральных примут массовый характер и первым двум окажется не под силу восстановить общественный порядок и защитить уязвимое население, от министерства обороны потребуют заполнить этот вакуум власти», — говорится в докладе. О возможности массовых беспорядков, если не будут приняты срочные меры для снижения накала продолжающегося финансового кризиса, предупреждал в конце декабря и директор-распорядитель МВФ Доминик Строс-Кан. А сенатор от штата Оклахома Джеймс Инхоф утверждает, что худший сценарий, рассматриваемый в администрации, не исключает введения в США военного положения, если кризисная обстановка в стране выйдет из-под контроля гражданских властей.

Ну а пока американские журналисты строят свои возражения Панарину по принципу известного анекдота — «Не дождетесь!» Они могут гордиться своим патриотизмом и верой в то, что с их идеальной и всемогущей страной ничего не случится: «Мы — не СССР, мы не распадемся, как вы». Но граждане СССР тоже в такие сценарии не верили, а если уж сравнение с Союзом так раздражает американских экспер-

тов, пусть вспомнят другие империи. И особенно Рим, с которым в последнее время они все чаще стали сравнивать свою страну.

Но главное, складывается такое ощущение, что Панарина эти комментаторы так и не услышали — как бы ни мечтала Россия позлорадствовать, глядя на распад США, его причиной, если он и произойдет, станут не мечты русских, а реальные проблемы США, о которых ни в одной из этих публикаций нет ни слова.

ЭЙФОРИЯ ПРЕДШЕСТВУЕТ КРАХУ

С момента публикации статьи И.Панарина о возможном распаде США прошла инаугурация Барака Обамы, но структурный кризис американской экономики никуда не пропал.

Так, новый вице-президент США Джозеф Байден недавно признал, что «положение хуже, чем все думали». «Рецессия углубляется, а серьезность экономического кризиса нарастает», — сказал 30 января Барак Обама. «Вчера мы достигли нового критического уровня — число американцев, получающих пособие по безработице, оказалось самым высоким за все время наблюдений», — цитирует президента США агентство «Reuters». За день до этого в США были опубликованы статистические данные, согласно которым количество безработных, получающих государственное пособие, достигло 4,78 млн., что стало «антирекордом» в американской экономике, где число пособий по безработице официально фиксируется с 1967 года. «Каждый день появляются сообщения о новых увольнениях, потерях рабочих мест и семьях, жизнь которых резко изменилась. Это означает, что для американских семей бедствие продолжается», — констатировал Обама. Согласно докладу, опубликованному министерством труда США, ВВП страны в четвертом квартале 2008 года снизился, по предварительным данным, на 3,8%. Это самое большое падение главного экономического индикатора с 1982 года. Новый американский президент возлагает большие надежды на антикризисный план объемом 819 млрд. долларов, но неизвестно, спасут ли экономику США предполагаемые в нем расходы из федерального бюджета в размере 544 млрд. долларов и снижение налогов для американцев и бизнеса на сумму в 275 млрд. долларов.

В одной из недавних статей на «RP Monitor» приводится интересное сравнение предперестроечного СССР и нынешних США. Совпадений обнаруживается множество: «Американцам президент обещает покончить со спекулятивным

разбоем воротил с Уолл-стрита, обложить крупный бизнес дополнительными налогами, сделать доступнее здравоохранение и образование, обеспечить безработных — в общем, построить «капитализм с человеческим лицом». В американском контексте это чем-то напоминает горбачевские посулы отказаться от «перегибов плановой экономики». Народам Земли Обама обещает смирить имперскую гордыню Вашингтона и впредь не только отстаивать национальные интересы США, но и заботиться о благе всего человечества. Все помнят, что итогом эйфории ожидания перемен стал распад Союза. Так что оптимистичные ожидания, связанные с приходом Обамы, вовсе не уменьшают вероятность прогнозов Игоря Панарина.

РАЗЪЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Игорь Панарин — специалист по информационным войнам. И, похоже, его последняя информационная «бомба» достигла своей цели — мысль о том, что карта США может измениться, была вброшена в американское информационное пространство и повлекла за собой широкое обсуждение. Предваряя все рассуждения на эту тему словами «вообще-то мы, конечно, никогда и ни за что не распадемся», американские эксперты и блоггеры, тем не менее, начали обсуждать, как именно будут распадаться США!

«Этот человек вообще не разбирается в региональных противоречиях в Америке, — пишет Джастин Фокс, обозреватель отдела бизнеса и экономики «The Times». — У нас что, Южная Каролина похожа на Массачусетс? Теннесси воссоединится с Францией? Жители Айдахо найдут хоть что-нибудь привлекательное в Калифорнии? Вайоминг прилепится к Оттаве? А Алабама будет покорно подчиняться Мехико? Да уж, конечно!» «У наших регионалов к Панарину, по сути, только одна претензия: он рисует линии разломов культуры и систем ценностей совершенно не там, где они в действительности пролегают. Чтобы сердце Лас-Вегаса билось с той же частотой, как у орегонского Портленда? Чтобы Детройт дружески обнялся с монреальским Боузманом? И — о Господи! — вообразить, что Ричмонд хоть в чем-то похож на Фэрфэкс?» — пишет Джоэл Гарро в уже упоминавшейся статье в «The Washington Post» и приводит мнение Арчи Грина, профессора Техасского университета, считающего, что США в любом случае ждет не распад, а «переформатирование» тех же самых частей: «Континент действительно состоит из нескольких реальных давно сформировавшихся цивилизаций:

это сельскохозяйственный район, «житница»; это тихоокеанский Северо-Запад и так далее. Но даже если завтра Вашингтон вместе со своим округом Колумбия канет в Потомак и пойдет ко дну под грузом кризисов и ошибок, в результате ни с кем ничего страшного не случится. Будущим Америки будет не хаос, а переход из одного состояния в другое. Северная Америка не превратится в какой-нибудь инопланетный мир, а останется неким целым, собранным из здоровых и сильных частей — например, Диксиленда (южные штаты США) и всего остального. Что бы ни случилось, социальные контракты никуда не исчезнут; просто на место старых придут новые».

Один из читателей «The Wall Street Journal» также предполагает, что распад США произошел бы не по тем «линиям», которые указывает Панарин, а по «красно-синей» границе — разделению на демократические и республиканские штаты. Кризис сделает либералов еще «левее», а консерваторов — «правее», что начнет поляризовать нацию, которая и так разделена на два непримиримых лагеря по отношению к таким вопросам, как однополые браки или аборты. В результате восточные «демократические» районы солидаризуются с более близким им по духу Евросоюзом с его секуляристским обществом и главенством идеи прав человека, а консервативная южная и центральная часть США вновь станет Техасской республикой, распространив свое влияние на Мексику и Центральную Америку. Аляска и часть северных штатов получит Канада. А вот Калифорнию и Западное побережье ждут времена диктатуры — потому что их граждане привыкли ждать всего даром от властей, а самостоятельно этот регион себя «прокормить» не в состоянии. Другой читатель предлагает Панарину скорректировать свою теорию в отношении того, кто будет лидером новых американских государств (в версии Панарина контроль и влияние будут принадлежать внешним силам — например, Китаю, Евросоюзу и т.д.). Предлагается версия, что, напротив, если и появятся Техасская и Калифорнийская республики, то они будут достаточно сильными и скорее это они смогут взять под свой контроль некоторые территории Мексики и Канады, соответственно. Еще один блоггер указывает на то, что Восточное и Западное побережье США вырвались на десятилетия вперед по сравнению с центральными штатами с точки зрения философии, коммерции и общественных установок, и что этот разрыв растет с каждым днем.

Другой читатель пишет, что хотя прогноз Панарина выглядит натянуто, «регионализация» Соединенных Штатов от

нюдь не фантастика. Он указывает на давние «претензии», которые есть у различных регионов друг к другу. «Юг» помнит свое поражение в гражданской войне. Либеральное Западное побережье во главе с Калифорнией недовольно пури-танскими установками «традиционалистских» штатов в отношении однополых браков. Северо-восток штат оплотом финансовой элиты, которая привела страну к кризису, и к нему претензии есть уже у всей страны: «Королевство “Вашингтон, Округ Колумбия” стало новым Бермудским треугольником, который можно назвать Бюрократическим треугольником, в котором любой политик, которого мы выбираем, теряет ориентацию, забывает свои цели и убеждения, и «теряется» сам, пока не наступит время новых выборов».

Один из читателей пишет: «Вот так они и побеждают. Они хотят, чтобы мы начали думать об этом. Потом идея становится мейнстримом, который продвигает либеральная пресса. Начинаются размышления — а как именно это могло бы произойти. И хотя реальность потом может оказаться вовсе не такой, вред от этих спекуляций уже нанесен. Вероятно, этому профессору за его “прогнозы” платит КГБ». Другой комментатор проницательно заметил на это: «Та же старая уловка, которой пользуется и ЦРУ, — они тоже содержат целый штат экспертов, предсказывающих “будущее” других стран».

ПРОГНОЗЫ О РАСПАДЕ СССР ВЫЗЫВАЛИ ТАКУЮ ЖЕ РЕАКЦИЮ

Дискуссии о том, как «русский профессор» предсказал распад США, в Интернете оказались более интересными, нежели отзывы журналистов. Американские блоггеры и участники форумов писали не только о том, что «русские этого не дождутся», но и пытались по-своему проанализировать, что стало причиной серьезных проблем США, позволяющих российскому ученому строить такие прогнозы.

Большая часть откликов пронизана скепсисом, часто доброжелательным. Многие предполагают, что Панарин никогда не был в США, предлагают ему приехать и «посмотреть своими глазами» или называют его прогноз прекрасным образцом чувства юмора. Читатели «The Wall Street Journal» отмечают, что хотя сторонники Вермонтской и Техасской республик, существовавших в XVIII и XIX веках, так же, как и индейцы, периодически напоминают сборами подписей о своих требованиях независимости, никто к этому не относится серьезно. (Здесь было бы уместно вспомнить, что лю-

бые национальные и территориальные претензии могут десятилетиями никем не восприниматься всерьез, но это не мешает им в определенных обстоятельствах обостряться с самыми серьезными геополитическими последствиями.) Кто-то рассуждает на тему: «Даже если бы США распались, какой им резон в дальнейшем объединяться с какими-то внешними государствами?» и предполагает что в крайнем случае стране может предстоять некая «перетасовка» и «перегруппировка», но в пределах нынешних границ. Другой достаточно развернутый аргумент, приведенный форумчанами «The Wall Street Journal», — единство американской нации. Они утверждают, что хотя в США проживают граждане самых разных национальностей, «союз» американских штатов совершенно не такой по своему типу, как федерация национальных республик — например, СССР. А потому не может и распасться по этому признаку — у всех ведь единая история и язык.

Не обошлось и без восклицаний о том, что американцы — величайшая нация всех времен и народов, родина всех научно-технических изобретений, лучшей экономической системы, самых честных выборов, а все остальные — просто завистливые злопыхатели, и скорее уж мир увидит распад России и Евросоюза, нежели США. А кого-то идеи Панарина развеселили — «они еще говорят, что у КГБ нет чувства юмора».

Но среди американских интернет-пользователей нашлись и те, кто в чем-то согласен с Панариным. Основной аргумент таких «сомневающихся» — да, прогноз невероятный, но ведь и нынешние события совсем недавно казались совершенно невероятными. Другие полагают, что прогноз неверен в границах и сроках, но не в самой идее. Кто-то вспоминает судьбу СССР — «Если бы какой-то американец 25 лет назад предсказывал распад Союза, реакция была бы такой же».

ПОТРЕБЛЕНИЕ ВМЕСТО СВОБОДЫ

Самым интересным во всех этих обсуждениях представляются вовсе не многочисленные фантазии американской аудитории на тему «Почему этого не может быть никогда» и детальное обсуждение того, как разные штаты делили бы достающуюся им независимость. Среди сотен реплик можно найти мысли, к которым будет полезно прислушаться и россиянам, потому что это мысли о системных и даже идеологических причинах нынешнего кризиса, и касаются эти причины отнюдь не только американцев.

«Почему мы оказались банкротами? Потому что продали себя идеалам потребления и кредитов, — пишет один из блогеров. — Разве причина — республиканцы? Демократы? Законы свободного рынка? Китай? Нет, это была и есть наша жадность. Мы потеряли наш путь. Наши предки не узнали бы страну, в которой мы живем сегодня. То, чем гордится Америка, основано на их достижениях. Они оставили нам наследство, от которого мы отказались, а сами оставляем в наследство нашим детям лишь жадность, потребление и долги». Горькие слова, но разве не то же самое можно сказать о сегодняшней России?

Тот же автор полагает, что консьюмеризм стал результатом утраты обществом моральных ценностей: «Если бы мы все жили в соответствии с десятью библейскими заповедями, я верю, что мы не были бы в кризисе сегодня. Давайте выбирать тех политиков, у которых есть моральные ценности, и не будем бояться поддерживать их». Кстати, на тему «жадности» весьма созвучно этим высказываниям выступил и Барак Обама. Он публично пристыдил банкиров с Уолл-стрит за то, что те выписывают себе огромные премиальные в условиях продолжающегося в стране экономического кризиса. С резкой критикой в их адрес глава американской администрации выступил 29 января после встречи в Белом доме с министром финансов США Тимоти Гайтнером. Поводом послужили публикации в местных СМИ, согласно которым компании с Уолл-стрит в прошлом году выплатили своим сотрудникам премиальных на общую сумму 18,4 млрд. долларов — столько же, сколько и в более благоприятные времена пятилетней давности. Возмущение у президента вызвало то, что большинству этих компаний, еще недавно находившихся на грани краха, государство сегодня оказывает финансовую помощь из средств американских налогоплательщиков. «Это верх безответственности», — заявил Обама, добавив, что банкирам с Уолл-стрит пора «продемонстрировать некоторую сдержанность, дисциплину и чувство ответственности».

Как отметил один из комментаторов интервью с Панариным, 2008 год войдет в учебники американской истории как переломная точка для Американской империи и консьюмеристской культуры. «Какая разница, ждет ли страну в итоге распад или нет — вы когда-нибудь видели, чтобы правительство предпринимало такие меры по спасению экономики, как во время гражданской войны?»

Рассуждения на тему гражданской войны в случае худшего сценария развития кризиса далеко не беспочвенны. Один из участников обсуждения статьи о Панарине поделился с

другими читателями своими мыслями о четырех возможных причинах возникновения акций неповиновения в США. Все они актуальны и для любой другой страны, затронутой кризисом. Во-первых, это ипотечный кризис в его бытовом аспекте — выселение должников. Уже сейчас многие должники просто перестали платить — потому что понимают, что выселение миллионов семей за неуплату можно осуществить только силовыми мерами. При этом 10% должников уже сейчас практически банкроты. Беспорядки могут, таким образом, стать результатом отказа выселяемых покинуть жилье. Вторая причина — недовольство вступающей в трудоспособный возраст молодежи необходимостью «тащить на себе» всю систему пенсионного обеспечения и медицинского страхования — при том, что их доходы уже не будут такими высокими, как у тех, кого им придется содержать. Третья — усиление противоречий между либералами и консерваторами по вопросам однополых браков, аборт, гражданских прав. Четвертая причина возможных беспорядков — повышение уровня безработицы до 15—20%. Это неминуемо приведет к росту преступности и массовым уличным выступлениям. А еще больший рост безработицы — 25% и выше — может привести к физическому противостоянию безработных и тех, кто имеет какой-то доход. Важная деталь этого прогноза: автор отмечает, что ключевую роль во всех четырех случаях могут сыграть СМИ, так как СМИ всегда заинтересованы в активном освещении любых подобных событий, а значит, провоцируют и дальнейшую их эскалацию.

Другой читатель делится интересными размышлениями о демографических тенденциях, способных серьезно влиять на будущее США. Он высказывает предположение, что нынешний национальный состав Соединенных Штатов сделает их в будущем страной, принадлежащей не к западной, а к латиноамериканской группе (согласно делению Самуэля Хантингтона), и это даже может произойти раньше потенциального перехода Европы из Западного проекта в Исламский. Автор отмечает, что несмотря на высказанные многими пафосные заявления о том, что «мы — одна нация, мы преодолели вместе все трудности и сейчас пройдем через все с успехом, как и раньше», американская нация по своей структуре уже сильно изменилась. «Культурно мы вообще уже совсем другая нация — мы будем скоро похожими на Аргентину или Бразилию, нежели на Британию или Германию». При этом теория распада США этот автор не разделяет, указывая на то, что упомянутые Германия и Аргентина во время экономических кризисов XX века не распались.

«Помните, демократия никогда не длится долго. Она очень скоро портится, выдыхается и убивает сама себя. Еще никогда не существовало демократии, которая бы не уничтожила себя сама», — цитирует один из участников дискуссии о статье Панарина шестого президента США Джона Адамса. Вопрос, почему их страна из республики превратилась в империю, как известно, занимал лучшие умы Древнего Рима. Не менее актуален он и для американцев, трепетно относящихся к заветам отцов-основателей и верящих в слова Линкольна: «Свобода выше собственности, человек выше доллара». По их мнению, нынешние США уже вовсе не та республика с демократическими принципами, какой они были когда-то и должны были быть всегда. Кто же тот враг, которого нужно опасаться США сегодня? «Должны ли мы ждать вторжения заокеанского военного гиганта? Нет — все армии Европы, Азии и Африки со всеми их ресурсами и новым Бонапартом во главе не смогут завоевать нас и за тысячу лет. Если распад страны — наша судьба, то только мы сами будем его творцами и исполнителями», — пишет один из них, и указывает, что гипотеза российского ученого подтверждает эту мысль: если США и ждет распад, то виной тому будут вовсе не внешние враги. По их мнению, нынешние США уже вовсе не та республика с демократическими принципами, какой они были когда-то и должны были быть всегда.

Сегодня только ленивый не обсуждает проблемы США и кризис, охвативший американскую экономику. Однако даже тем, кто считает Соединенные Штаты главным геополитическим противником России, вряд ли стоит радоваться — скорее это время наблюдать, учиться и делать выводы. Кризис подтверждает, что либеральный финансовый капитализм не самая эффективная для государства модель экономики, а безудержный консьюмеризм — не лучшая социальная модель. Но этих выводов недостаточно. Посткризисными лидерами станут те, кто сможет предложить приемлемые альтернативы, сумев учесть все ошибки предшественников. Американцы, которым небезразлична судьба их страны, уже сегодня пытаются критически взглянуть на происходящее и найти эти новые пути (другой вопрос, разделяют ли их чаяния те, в чьих руках находится реальная власть). На те же вопросы ищет ответы и Европа, и страны Латинской Америки. России важно не опоздать со своими идеями, если они у нее есть. В статье о гипотезе Игоря Панарина Мелик Кайлан написал: «Американцы искренне верят в то, что их система в

широком смысле слова в конечном итоге приносит наибольшее благо наибольшему числу людей, и у них есть эмпирические подтверждения этого в стране и за рубежом. Возможно, это убеждение идеалистично или наивно, но оно искренне. Что же за счастье пыталась дать Москва на протяжении веков собственным гражданам, покоренным народам или другим странам? Представим себе, что США распадаются, и Россия становится единственной сверхдержавой и моделью для других стран по всему миру. Что же это будет за модель? Чему именно предлагается подражать другим странам? Пока Россия не сможет ответить на эти вопросы с минимальной долей логики, ей не стоит всматриваться в США как в зеркало». Хотя эти слова сказаны далеко не другом России, «минимальная доля логики» в них есть.

(rpmonitor.ru)

ТРИ РАССКАЗА

ХОЧУ

После ужина Максим Петрович Аверочкин вымыл руки, смазал их кремом, а затем тщательно высушил. Приготовив таким образом руки, накинул на плечи старую, вязанную покойной женой кофту и, аккуратно придвинув крутящийся стул к фортепиано, бережно открыл крышку инструмента. Сегодняшний вечер, а точнее оставшиеся два часа, потому что позже одиннадцати вечера Максим Петрович, как человек законопослушный, старался не производить шума, он решил посвятить просмотренным накануне этюдом Шумана.

Ах, до чего же хорошо, придя вечерком с работы и поужинав, сесть на крутящийся стул и открыть любимые ноты! Забывались все болячки, скачущее давление, давние и свежие обиды, одним словом, все жизненные неприятности. Максим Петрович страстно любил музыку, хотя профессиональным музыкантом ему стать не удалось. «Не судьба» — говорил он тихим голосом, когда друзья, умиленные его игрой, начинали приставать к нему с вопросами. «То, что на свете существует такое чудо, как музыка, — большое счастье для человечества. А что я не стал музыкантом, это не страшная потеря для музыки. Главное — она есть, а с нею и жизнь тер-

ПРОЗА

пимей», — говорил смиренно Максим Петрович. Уже просмотренный этюд пошел легко, музыка оказалась удивительно мелодичной. «Вот что значит великий композитор. Простой учебный материал, а как звучит!» — Восторг переполнял душу Максима Петровича. Он был счастлив.

Неожиданно позвонили в дверь. Максим Петрович продолжал играть, не торопясь открывать. «Кто бы это? Я никого не жду... Наверное, ошиблись... Только отвлекают». Не торопясь, Максим Петрович снял кофту и пошел открывать. На пороге стоял лысый здоровенный мужчина в спортивном костюме. «Сейчас, зима, а он раздетый, — мелькнуло в голове Аверочкина. — Наверное, сосед». Мужчина, не спрашивая разрешения, широко шагнул в квартиру. Аверочкину пришлось посторониться и пропустить. Вошедший сложил руки на груди, обещая долгий разговор. На лице Аверочкина выразилось ожидание.

— Моя квартира под вами, а зовут меня Евдокимов Владимир Иванович. — Сосед снизу протянул руку, Аверочкин, как человек воспитанный тоже представился и пригласил войти в комнату.

— Наверное, помешал игрой? — начал немного заискивающе Максим Петрович. Оглядевшись, мужчина плюхнулся на крутящийся стул, жалобно скрипнувший под его тяжестью.

— А вот и не угадали! — притворно радостно воскликнул сосед. — В этом плане никаких претензий. Скажу больше — с детства обожаю классическую музыку.

— Вы что же, пришли послушать? — совсем по-детски вырвалось у Аверочкина.

— Я вас уже наслушался снизу. Скажу сразу — восхищен! Увы, в наше время классическая музыка звучит в квартирах не часто. У меня именно по этому поводу имеется до вас дело. Мой сын, вы, наверное, встречали его в подъезде, такой полненький девятилетний блондинчик, хочет заниматься игрой на фортепиано.

— Вы хотите, чтобы я рекомендовал музыкальную школу, — мгновенно сообразил Аверочкин. — Да, в этом районе я — старожил и с удовольствием посоветую вам школу, которую сам окончил сорок лет назад. Представьте, она еще функционирует. А какие там были преподаватели! Впрочем, кое-кто еще остался.

— Хорошо, что остались. Пусть себе старички работают. Они сами по себе, да и мы с усами. Объясняю. Водить мальчишку в школу мне некогда. Я предлагаю вам стать педагогом моего сына. Платить буду столько, сколько скажете.

Аверочкин смутился.

— Во-первых, я не могу, потому что закончил всего лишь музыкальную школу. Так сказать, простой любитель. А во-вторых, школа совсем недалеко и мальчик сможет прекрасно ходить в нее сам. Зачем же обязательно возить ребенка на машине?

— Ну, это уж предоставьте решать мне. У меня пока нет охранника, а враги уже имеются. Куда проще — я вас теперь знаю и вижу, какой вы надежный человек.

Евдокимов с восхищением оглядел скромно обставленную комнату Аверочкина.

— Да, вы тот самый человек, которому я могу доверить ребенка. Все просто: вы занимаетесь и потом провожаете его этажом ниже, домой, к матери. В результате все спокойно.

— У меня нет достаточной квалификации для того, чтобы обучать детей.

— Не скромничайте, уважаемый. Так, как вы играете, нас вполне устраивает. Фортепиано нужно сыну для общего развития.

Аверочкина осенило.

— Так найдите ему учителя музыки. У меня, к сожалению, нет знакомых педагогов, но вы только откройте газету «Из рук в руки», и десятки квалифицированных людей к вашим услугам.

Аверочкину показалось, что лицо Евдокимова слегка покривилось.

— Вот учить меня не надо. Повторяю: мне нужен человек, которого я хорошо знаю. Посторонние, а тем более по объявлению, люди мне не нужны. Вы меня очень устраиваете.

Аверочкин почувствовал, что от досады начинает краснеть.

— Как уважающий себя человек, я решительно отказываюсь.

— Это ваше последнее слово?

В последних словах Аверочкину послышалась угроза. Тем не менее он мужественно повторил.

— Да, последнее. Я не какой-нибудь прохиндей, и потому решительно отказываюсь заниматься с вашим сыном за льющие деньги, — твердо добавил он.

Сосед с трудом выбрался из узкого кресла.

— Будем считать, что мы не поняли друг друга. Пока. С первого раза это бывает. Где у вас дверь?

На следующий день, когда вернувшийся с работы и совсем успокоившийся после вчерашнего визита Аверочкин наливал вторую чашку чая, громыхнул звонок в дверь. Максима Петровича охватило дурное предчувствие. Так и есть: на площадке стоял участковый.

— Разрешите войти?

Аверочкин нашел силы приветливо улыбнуться и даже предложил вошедшему милиционеру стул.

— Я, извините, сразу перейду к делу. Тут на вас поступило заявление от соседа снизу. Он пишет, что вы очень поздно играете на пианино и мешаете спать его ребенку.

Аверочкин опять выдал улыбку.

— Это неправда. Я действительно играю каждый вечер, но заканчиваю всегда в десять. Можете поинтересоваться у соседей справа и слева.

Участковый поднялся.

— Напишите объяснение и принесите мне завтра в милицию.

Участковый ушёл. Аверочкин сразу же сел писать объяснительную. В голове крутились мысли: «Здесь какое-то недоразумение. Наверное, сосед чего-то не понял. Может он написал его раньше, чем заходил ко мне? Может, был под хмельком?»

На следующий день, сразу после работы, Аверочкин забежал в отделение милиции и оставил свое объяснение. Вернувшись домой, попил чаю и решил вопреки плохому настроению, немного порадовать себя музыкой. Выбрал грустную осеннюю песню из «Времен года» Чайковского. Максим Петрович всю жизнь следовал принципу: клин клином вышибают. Раньше помогало, но сегодня не сработало. Аверочкин закрыл пианино, взял книгу, разобрал постель, выпил успокоительного и, не прочитав одной страницы, заснул. Ночью он два раза просыпался и на работу пришел совсем разбитым, хотя спать лег раньше обычного.

После обеда его позвали к телефону.

— Из милиции — шепнул начальник отдела.

Казенный голос сообщил Максиму Петровичу, что после работы необходимо явиться на прием к начальнику отделения милиции. У Аверочкина заныло под ложечкой. Давление полезло вверх, и заболела голова.

В назначенный час он постучал в дверь начальника.

— А, пришли... Дисциплинированный вы человек, Аверочкин, это видно. Тем более непонятно, почему вы, вопреки своему объяснению, демонстративно играли всю ночь на пианино и не давали спать соседям.

У Аверочкина подкосились ноги, ему захотелось присесть.

— Это ложь — с трудом выдохнул он, примостившись на краешке стула.

Начальник развел руками.

— Кому прикажете верить? Уважаемый человек, директор солидной фирмы, звонит рано утром лично мне и просит принять меры.

— Сейчас я все объясню. Дело в том, что это — сознательная ложь и ваш директор преподносит ее для того, чтобы досадить мне, потому что я отказался заниматься с его сыном музыкой. Я и после ваших вызовов не соглашусь заниматься с ним, потому что не имею на то достаточной квалификации, — мужественно добавил Аверочкин.

— Ну, хорошо, не занимайтесь, никто вас насильно не заставит, но зачем же играть по ночам?

— Да не играю я по ночам! Это поклеп!

Начальник поднялся из-за стола.

— Поклеп не поклеп, а чтобы с конфликтом было кончено. Иначе мы вас оштрафуем.

Аверочкин не помнил, как дошел до дома. Разогрел ужин и не притронулся к еде.

«Что ему нужно от меня? Взять измором и заставить заниматься с сыном? Или это месть? Но за что?» — От неразрешённых вопросов голова пошла кругом.

В дверь позвонили. Аверочкин не взглянув в глазок, отчаянно открыл дверь. На площадке стоял сосед. Он улыбался. Аверочкин очень пожалел о том, что никогда не занимался борьбой самбо или, на худой конец, боксом. Впрочем, слишком разные весовые категории... Сосед развязно, без приглашения прошел в квартиру.

— Ну, а теперь, столкнувшись с моими серьезными намерениями, вы ответите мне положительно? Заметили, что я не люблю, когда кто-то меняет мои планы?

Аверочкин отступил на один шаг и молча оглядел Евдокимова. В груди заклокотало. «Аритмия, на нервной почве», — мелькнуло в голове. Евдокимов попытался пройти без приглашения в комнату, но Максим Петрович решительно преградил ему путь.

— Слушайте, Евдокимов, вы можете меня размазать по стене, так как вы намного меня сильнее. Вы можете засадить меня в тюрьму за мелкое хулиганство. Вы можете сбить меня своей машиной на улице. Ударить по голове в подъезде. Выбор у вас большой, потому что у вас много денег и нынешний день принадлежит таким, как вы. Но зарубите себе на носу, что заниматься с вашим сыном я не буду ни-ког-да. Не могу, не хочу, не буду! А сейчас прошу выйти вон!

Не проронив ни слова, сосед вышел. Закрыв за Евдокимовым дверь, Аверочкин набрал трубку и позвонил своему единственному приятелю, с которым учился в институте. Через час он сидел в уютной кухне друга, где бойкая жена приятеля — Лиза — собирала на стол, изредка корректируя грозные протесты возмущенных мужчин.

— Ты меньше реагируй на эту сволочь, — учил Сергей. Они ведь получают удовольствие, издеваясь над такими, как ты. У тебя на лице написано, что тебя можно обидеть и не получить сдачи. На твоём месте, я бы ни за что не прекратил играть на пианино.

Тут не выдержала Лиза.

— И опять получил бы приглашение в милицию! И платил бы ни за что штрафы? Так, что ли? Нет, пока у Евдокимова не уляжется кураж, Макс должен переехать к нам, успокоиться и переждать. Все само и рассосется.

— Это называется оставить поле боя противнику, — отпарировал Сергей.

— А что предлагаешь ты?

— Я вообще допускаю, что у Евдокимова более крутые планы. Например, выселить под любым предлогом Макса и занять его квартиру! Что вы лыбитесь? Мало вам в газетах историй о хамстве новых русских? — опять завелся Сергей.

Наконец, два часа жарких разговоров кончились. Остановились на том, что семья Шутовых организует группу поддержки, для чего завтра же переселится в квартиру Аверочкина, чтобы в случае лживых заявлений соседа писать встречные, как очевидцы. На том и порешили. Максим Петрович пошел домой.

Во дворе стояла милицейская машина. Из окна машины выглянул участковый.

— Аверочкин, присядьте-ка со мной.

Максим Петрович немного помедлил, но потом, решительно открыв дверцу, уселся на заднем сиденье и забился в угол. Участковый минут пять молчал, глядя перед собой, потом, закрыв окно, повернулся к Максиму Петровичу.

— Два часа назад был звонок дежурному о нарушении тишины. Вы, конечно, догадываетесь, от кого. Я приехал. Долго стоял под вашей дверью — тишина. Честно говоря, думал, вы притаились. Теперь вижу, вас в квартире и не было.

— Теперь-то вы все поняли, лейтенант? — не выдержал Аверочкин. От волнения он вспотел.

— Я-то понял. Теперь давайте вместе подумаем, как объяснить это моему начальнику, который не хочет понимать.

Аверочкину стало легче, но в душе заскреблось сомнение: не разыгрывают ли его?

— Давайте подумаем, — осторожно поддержал Максим Петрович. Вдруг всплыла фраза из хорошего советского фильма: «Счастье — это когда тебя понимают!»

— Для начала отъедем от дома, чтобы Евдокимов не заподозрил меня в соучастии и содействии нарушителю порядка, —

засмеялся участковый. — А, вообще-то, не до смеха. Евдокимов не только наглый, он еще и очень настырный, злобный человек.

— Чего ему не хватает? — простонал Аверочкин.

— Я думал об этом. Сдается мне, что люди, подобные Евдокимову, могут быть счастливы только среди себе подобных, для которых деньги — высшая цель и смысл жизни. Когда же на их пути появляются люди с другими ценностями, они хотят их унижить и заставить поверить в то, что их правда — единственная, и на ней держится весь мир. Но подсознательно они чувствуют, что Господь их обделил, заменив обычную человеческую радость бытия радостью обладания вещами, деньгами — чем угодно. И они, конечно, злятся, завидуют, их гложет собственная неполноценность: ведь за деньги не купишь ни ума, ни таланта. Есть такая песня: «Богачу-дураку в роскоши не спится. Бедняк гол как сокол — поет, веселится». Вашему соседу не дано понимать, а тем более любить музыку. Это его бесит. Он хочет взять реванш на сыне, который, как я полагаю, недалеко ушел от отца по музыкальным способностям, если не был принят в обычную музыкальную школу. Я об этом узнал случайно.

Аверочкин поймал себя на мысли о том, что участковый напоминает ему умного оперативника из скучных сериалов о героической и бескорыстной работе милиции. Лейтенант как будто подслушал его мысли.

— Максим Петрович, у вас, безусловно, есть основания сомневаться в искреннем моем участии. Такая у нас, к сожалению, теперь жизнь. Но, поверьте, всё не так уж безнадежно, как вам кажется. И, прошу вас, продолжайте верить людям, как вы делали это всю жизнь. А то ведь, что получается: из хороших людей всего-то и осталось — только вы и Шутовы. Так ваша храбрость может перерасти в гордыню, а это по православным канонам является грехом.

— Откуда вы знаете Шутовых? — встревожился Аверочкин.

— Они позвонили мне перед самым выездом. Волнуются. Однако я за вас и ваших друзей спокоен, потому что уверен: чем убийственней становится действительность, тем сильнее сопротивляются ей такие, как вы и ваши друзья. Этот закон жизни не хотят понять Евдокимов и мой начальник...

Аверочкин, вперив горящий взгляд в участкового, хранил молчание.

Машина тихо выехала из двора.

Ах, как славно жилось Угольку возле станции метро! Конечно, названия станции он не знал. Но зато великолепно знал всех, кто работал рядом со станцией на рынке, в многочисленных киосках и ларьках. Среди продавцов было много добрых людей. Пес там не только не голодал, но уже начинал выбирать то, что повкусней. Прежняя жизнь, полная лишений, холода и притеснений со стороны злых людей была почти забыта. Иногда, правда, ночью Уголек жалобно покусывал во сне: снилось, как его обижали собаки и люди.

Когда же в конце дня рыночная жизнь угасала и на торговой площади совсем не оставалось людей, и только из станции метро выходили припозднившиеся люди, спешащие по домам, тогда Уголек забирался в огромную коробку, утепленную старым ватным одеялом, где терпеливо ждал утра, охраняя опустевшие торговые точки. Невероятно, но за четыре года, ибо именно тогда прибился к этому месту пес, на рынке не было совершено ни одного ограбления.

Природа наделила Уголька густой и длинной шерстью, поэтому зимними ночами он не страдал от холода. Когда же наступало утро, ему становилось теплее от человеческого участия, ибо к собаке привязались все продавцы, и кто-нибудь непременно захватывал для Уголька из дома что-нибудь съестное. Хозяйка овощного ларька, возле которого в коробке спал пес, собирала принесенное для собаки и распределяла еду на весь день. Получалось что-то вроде режимного питания, так как после трапезы собачья миска убиралась, чтобы запахи пищи не привлекали внимания вечно шныряющих возле торговых точек уличных собак.

Очень скоро Уголек стал различать всех продавцов: одних он приветствовал, слегка покрутив хвостом, другим позволял себя погладить, а прихрамывающего старика, из киоска которого сильно пахло кожей, пес просто обожал. Три года назад, когда решалась судьба собаки: жить ему в таком людном месте или не жить, этот старый человек по прозвищу Михалыч, владеющий маленькой каморкой, где он чинил обувь и сумки, отстоял право Уголька на обжитое место. А вот рыночный охранник грозился не на шутку, что выгонит Уголька. Нельзя сказать, чтобы все продавцы отнеслись одинаково равнодушно к угрозам охранника, но и особенно защищать собаку никто не собирался, кроме Михалыча, который ему сказал: «Собаку не трогай. Она живет здесь уже три года и никому не мешает. Более того, это хорошая умная собака и мы все к ней привыкли. За это можешь пользоваться

бесплатно моими услугами, но пса оставь в покое». Уголек, присутствовал при этом разговоре, и по доброму настроению, которое вернулось к старику, понял, что у него есть верный друг. Пес подошел к старику и лизнул ему руку. Стоявшая рядом во время разговора продавщица овощной лавки вздохнула:

— Смотри, все-то они понимают, как люди... Вот и ладно. Будешь жить по прежнему за моим ларьком, а я тебе завтра принесу старое ватное одеяло, дело-то к зиме. Говорят, завтра будет снег.

Кличка «Уголек» закрепилась за собакой давно и очень ему подходила. Это был довольно рослый кобель с длинной и густой черной шерстью, но кличка закрепилась за ним из-за блестящих черных глаз, сверкающих на мохнатой морде как два агата. Эта ласковая кличка собаке очень шла, и всем продавцам нравилось, как быстро он откликнулся на нее.

Вскоре все заметили, что охранник стал часто навещать к Михальчу с просьбой отремонтировать то одно, то другое. «Почему бы не чинить вещи на халяву?» — посмеивались продавцы. Совершенная сделка охраннику понравилась, и он вообще перестал обращать внимание на собаку, которая инстинктивно чувствовала: этому человеку лучше на глаза не попадаться. К тому же большую часть дня, независимо от погоды, пес просиживал у каморки Михальча, а когда она закрывалась, шел провожать друга до метро. До самого утра Уголек чувствовал себя хозяином на рынке и относился к своей работе очень ответственно. После серьезной потасовки с тремя собаками, забредшими на рынок ночью в поисках съестного, Уголек, отделавшийся небольшими царапинами на морде, утвердил себя храбрым защитником, и все окрестные собаки перестали туда соваться.

Стоял месяц март. День, когда приключилась эта история, был на редкость ясным, солнечным и теплым. Уголек лежал на солнышке между овощным лотком и газетным киоском. Внезапно, возле тротуара, где всегда стояло несколько машин, ибо за небольшую мзду охранником было разрешено припарковываться на несколько минут, остановилась красная иномарка. Из нее в распахнутой короткой шубе торопливо вышла ярко накрашенная молодая женщина и направилась к мясной палатке, называвшейся на английский манер «Chikens», к запаху которой был так неравнодушен Уголек. Хозяин палатки, азербайджанец Мамед, недолюбливал собаку. Ему все время казалось, что собака когда-нибудь обязательно запрыгнет на прилавок и что-нибудь схватит. Уголек чувствовал его неприязнь и старался не задерживать-

ся, проходя мимо. Вот и сейчас он не сдвинулся со своего места, пока женщина шла к киоску и, подойдя, стала рыгаться в своей сумочке. Внимание Уголька привлекло другое: в красной машине произошло какое-то движение и в окне вдруг показалась скуластая собачья морда. Собака несколько раз глухо тьякнула, на что Уголек ответил предупредительным рычанием. Хозяйка собаки даже не оглянулась, она выбирала кур. Затем произошло неожиданное. Собака, услышав ответное рычание, толкнулась в неплотно закрытую дверь и в одно мгновение оказалась перед Угольком. Уголек почувал, что перед ним стоит сука. Он, конечно, не знал, какой она породы, но ее враждебное поведение его поразило. Сука слегка присела на упругих лапах, затем резко метнулась и с рычанием вцепилась в шею Уголька. Она не ожидала: ее зубы заскользили и завязли в густой шерсти, что, конечно, дало возможность Угольку тут же стряхнуть ее с себя и подготовиться к следующей атаке. Пес принял выжидающую позу, но сам не нападал: он не дрался с суками. Случившееся было ненормальным явлением, но раздумывать было некогда, ибо сука прилагала все усилия, чтобы вцепиться ему в горло. И тогда Уголька охватил злобный азарт, с которым он дрался только тогда, когда чувствовал смертельную опасность для жизни. С этим настроением он всегда выходил победителем. Битва разгоралась все сильнее.

Первой услышала потасовку хозяйка овощной лавки Марина. Быстро закрыв окно и дверь, она, сообразившая, где хозяйка собаки, подбежала к ней. Та, укладывая жареных кур в пакеты, молча от нее отмахнулась. Из своей каморки бежал Михалыч. На всякий случай он прихватил с собой «гусиную лапу», на которой чинил обувь клиентов. Заметив стоящего неподалеку от дерущихся собак охранника, он крикнул:

— Что стоишь как пень! Разнимай собак, разве ты не видишь, что собака борцовая и нашему Угольку с ней не сладить! Их же готовят как гладиаторов!

Охранник зло выругался и отвернулся:

— Вы развели собак, вы и разнимайте!

От киоска с пакетами шла хозяйка. Увидев дерущихся собак, она минуту наблюдала за происходящей дракой, а затем, быстро подбежав к машине и бросив на переднее сиденье пакеты, схватила небольшую сумочку и вернулась к месту битвы. Остановившись напротив дерущихся животных, женщина, презрительно сощурился размалеванные под египетскую пирамиду глаза, спросила возмущенно гудевших продавцов, окруживших собак:

— Ну и кто из вас, стервы, хозяин этой дворняги?

Михалыч, бегающий с «гусиной лапой» в руках вокруг дерущихся, закричал:

— Хватай скорее свою суку, иначе я ее покалечу.

Неожиданно для всех хозяйка борцовой собаки засмеялась хриплым низким голосом.

— Идиоты, у меня ринговая собака и у нее три медали. Скорее всего, она покалечит не только вашу уродину, но заодно и всех вас. Так что будет лучше, если вы сами оттащите свою псину, пока она еще жива.

Между тем попытки суки свалить Уголька с ног не увенчались успехом. Разницы в весовых категориях не было, и Уголек твердо держал удары. Вцепившись, сука всякий раз набирала полную пасть черной густой шерсти, которая уже начала проникать ей в горло. Она никак не могла взять в толк, почему не может добраться до горла противника. Уголек воспользовался замешательством суки и успел хорошо покусать ей бок и ляжку. Преимущество было явно на его стороне. Когда же сука, захромав, слегка присела, он запрыгнул на нее сверху, и стал кусать в шею.

— Что смотришь? Забирай свою ринговую, пока она не околела! — кричал Михалыч.

И тут произошло то, чего никто не ожидал. Женщина подбежала к собакам, открывая на ходу свою сумку. Все ахнули, когда, она вытащила какое-то блестящее длинное лезвие, и ударила им в бок Угольку, который жалобно взвизгнул и скатился со спины суки. Марина громко вскрикнула. Воспользовавшись замешательством, женщина ухватила за ноги свою собаку и, оставляя кровавые следы на снегу, поволокла ее к машине. Заметив рядом охранника, крикнула, чтобы он помог. Вместе они затащили собаку за заднее сиденье. Захлопнув дверь, она крикнула:

— Скажите спасибо, что мало получили! Будете знать, с кем имеете дело.

Михалыч, присевший возле раненого Уголька, вскочил и побежал к машине. Его удержали. Машина резко рванулась и исчезла. Марина кричала охраннику:

— Что же ты не вызвал милицию, болван?

Кто-то из продавцов заметил, что в этом случае уместней было бы вызвать психиатрическую скорую помощь. Михалыч, перевязывал рану Уголька принесенными из аптеки бинтами. При этом он часто наклонялся к Угольку и шептал ему в ухо:

— Пожалуйста, продержись до ветеринара. Ты у нас молодец!

На следующий день, в одной желтой газетенке, всегда аккуратно сообщающей Москве все сплетни и криминальные разборки, можно было прочитать небольшую хроникку: «Вчера на рынке, что находится возле станции метро П., певица Розмарин из хорошо известной всем рок-группы, в благородном приступе негодования, ударила ножом нападавшую на ее породистую ринговую собаку дворнягу, охраняющую рынок. Это не первый случай экстравагантного поведения певицы, которая время от времени проходит курс лечения в психиатрической лечебнице. По словам руководителя рок-группы, различные эксцессы певицы значительно затрудняют работу коллектива, часто выезжающего на гастроли и ведущего весьма напряженный ритм творческой жизни».

ПРОГУЛКА НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛЫ

Я — ученый сухарь. Таким считают окружающие меня люди: на работе, родственники, друзья. Я не оспариваю их. Действительно, я привык как в своей научной работе, так и в общении с людьми делать выводы, опираясь на веские аргументы и проверенные факты. Все, что связано с необоснованными предположениями, вызванными фантазиями человеческого ума, мне чуждо. Мое ироничное отношение к фантазмагориям нравится далеко не всем. Что поделаешь, если я педантичен и все люблю расставлять по местам. Непонятное явление вызывает у меня желание выявить его источники, а выводы, основанные на чувствах и эмоциях, я не признаю. И, конечно же, у меня сложные отношения с религией. Однако события одной ночи произвели на меня столь сильное впечатление, что пришлось всерьез подумать и о собственной вере. Разговаривая с верующими людьми, я всякий раз отмечаю про себя, что люди веруют по-разному. Я не принимаю всерьез рефлексирующих интеллигентов, потому что истинная вера исключает сомнение. Настоящая вера слепа, а там, где начинается сомнение, там кончается вера.

История, о которой я хочу рассказать, произошла со мной несколько лет назад, во время вечерней прогулки с собакой. Последствия ее неожиданны: мои атеистические взгляды дали серьезную трещину, теперь я ближе к вере, чем когда-либо в своей жизни. Полгода назад, на международном симпозиуме вертлявый журналиста спросил меня: «Вот вы, серьезный авторитет в вопросах религоведения, скажите откровенно: сами вы верующий или все еще атеист совковых времен?» Я проигнорировал вопрос и даже невежливо от него отвернулся, потому что не люблю, когда вместо прилагательного «со-

ветский», иные развязные журналисты употребляют слово «совковый». К тому же, мне неприятно было видеть, как корреспондент немецкой газеты, с особым старанием выпячивая толстые губы, напирал на букву «ф», произнося слово «совковый». На следующий день, я прочитал о себе следующее: «Ученый П., с мировым именем, дожид до седин, но все еще никак не может сориентироваться в вопросах собственной веры. О таких, как он, сами русские говорят: ни Богу свечка, ни черту кочерга». Болтуны и невежды! Разве им дано понять диалектику русской души? Этой публике неизвестно, что иногда к вере приходят даже перед смертью.

Между тем биография у меня самая что ни на есть атеистическая. Посудите сами. Отец мой перед войной закончил знаменитый ИФЛИ, а точнее — его философский факультет. Люди оттуда выходили хорошо образованными: большая часть профессуры состояла из царских кадров, обладавших завидной эрудицией. Студентами же в основном были выходцы из низов. Отец родился в рабочей семье, и именно из этой среды после революции нередко выходили чрезвычайно одаренные в различных сферах жизни люди. Придавленные нуждой и средой обитания, рабочие, тянущиеся к знаниям, как бы до времени таили свои таланты. Те же, кто был слабее духом, не выносили подобной жизни и спивались. После революции многие из русских самородков обрели достойную жизнь. Я люблю общаться с людьми из народа и часто отмечаю, как разносторонне они одарены: умеют работать не только руками, но часто обладают необыкновенной творческой фантазией и светлым умом. А сколько из трудового народа вышло прекрасных художников, артистов, писателей, ученых! Все эти метаморфозы, произошедшие после революции с людьми, с годами все больше утверждали меня во мнении, что социализм самый справедливый и, пожалуй, единственно правильный путь развития всего человечества.

Отец мой был чрезвычайно жизнелюбивый, общительный человек. В нашем доме часто собирались его товарищи. Конечно же, они все любили рассуждать на темы социального неравенства. Я вечно крутился возле них, и многие высказывания запомнились на всю жизнь. Как сейчас слышу отцовские слова:

— В нищете родиться, там и гноиться, а в богатстве родиться — жизнью насладиться? Нет, я с этим не соглашусь ни-ког-да. Откуда могли появиться Платоны и Невтоны? Нам нужно много талантливых, даровитых, смекалистых, чтобы учились и приносили пользу России! А для этого нужна одинаковая стартовая площадка для каждого ребенка, в какой бы среде он ни родился!

В революцию отец верил искренне, до самозабвения и готов был отдать за нее жизнь. Собственно, так и получилось. ...Его ум и яркие ораторские способности, проявляющиеся на собраниях и конференциях, обращали внимание многих видных деятелей партии. Так он оказался одним из первых студентов нового Института философии, литературы и искусства. Сейчас стало модным вспоминать о своих предках как о людях глубоко верующих, которым только революция мешала открыто проявлять свою набожность. Но я твердо знаю, что отец мой был убежденным атеистом, хотя, как и многие рабочие — выходцы из деревни, был человеком крещеным.

Учился он с большим удовольствием. Необыкновенно любознательный, отец обстоятельно штудировал историю философии: ему очень нравилось изучать системы и мировоззрения великих философов, он любил примерять «на себя» их взгляды, что в конечном итоге помогало ему корректировать и расширять собственные. В то же время он постоянно работал над собой: ликвидировал пробелы в образовании. Когда отец спал, для меня так и осталось загадкой. В редкие минуты отдыха он собирал своих и соседских детей. Как птички окружали мы отца, и в нашей маленькой пятнадцатиметровой комнатке становилось тесно. Наше общество ему было в радость, и, мастера для нас деревянные игрушки, забавлял смешными историями из жизни философов. Где и когда он успевал находить эти занимательные истории, мне до сих пор непонятно. Скорее всего, он прямо в голове адаптировал для детского восприятия забавные моменты из биографии великих мыслителей. Когда из его уст звучали поражающие сказочным благозвучием имена Платона, Аристотеля, Канта, мы благоговейно умолкали. Эти истории можно было слушать часами. И еще он очень любил петь с нами военные песни. Часто, просыпаясь среди ночи, я видел его читающим книги при свете керосиновой лампы. При первом же проблеске рассвета он задувал фитиль. В нашей большой семье знали цену керосину.

Я обожал своего отца и страшно им гордился, мне он казался самым красивым человеком на свете. Изо всех сил я старался быть похожим на него, подражая ему в мелочах и даже в крупном — мои жизненные планы были связаны только с преподаванием философии. Таким образом, будущая профессия была определена. Так и получилось: как и отец, я получил специальность преподавателя философии, окончив Московский университет, ИФЛИ к тому времени уже был ликвидирован. Конечно, после войны стране были нужнее

специалисты народного хозяйства, но преподавание марксистско-ленинской философии в те времена считалось тоже весьма почетной профессией. Диалектику я, конечно же, освоил, но меня безудержно притягивала история философии и религии. И вот почему.

Моя бабушка, по материнской линии, родилась задолго до революции и успела получить гимназическое образование. Всех своих внуков, а нас у нее было четверо, бабушка нещадно мучила французским. У меня была великолепная память, к пяти годам я уже бегло читал по-русски, и пока двое старших братьев и сестра повторяли за бабушкой азы непонятого языка, я, вечно крутясь возле занимающихся, без особых усилий, быстро научился сначала болтать по-французски, а к семи годам уже смог читать французские книжки, оставшиеся у нее с гимназической поры. Надо сказать, книги оказались отменные: в основном классика. Там были Гюго, Мопассан, Жорж Санд, Золя, но самое главное — книга Ренана о Христе. Отец, увидев в моих руках книгу Ренана, сказал: «Вот тебе доказательство того, что Иисус Христос был человеком. Впрочем, тебе рано читать такие книги». Он был прав — я мало что понял. Но что я мог тогда ответить? Книгу же я не оставлял, с возрастом делая в ней все большие открытия, и именно она сыграла решающую роль в моей научной ориентации.

Мать моя в девицах была особой романтической, чем и объясняется выбор жениха, к которому она вспылала «любовью с первого взгляда». Оба были поразительно красивы. Любовь разгоралась, по словам бабушки, на фоне «армады женихов», среди которых были и весьма состоятельные люди. Но деньги в нашей семье не были фетишем. Бабушка с дедом интересовались политикой и, будучи радикалами, в политических баталиях предреволюционного времени неизменно поддерживали социал-демократов. Они не стали возражать, когда красивый и волевой строитель нового мира без долгого ухаживания попросил руку дочери. Свадьбу сыграли скромно, и отцу предоставили отдельную комнату в коммунальной квартире. И все было бы хорошо: и Гражданскую отец пережил, хотя и был ранен, и дети нарождались здоровые, которых втайне от отца старые дворяне окрестили одного за другим. Будучи русскими людьми, старики не могли себе представить, что по дому будут бегать «нехристи». Жить бы да радоваться... Только так не бывает в тяжелые времена... Одному отцовскому «соратнику по борьбе», частенько появлявшемуся в доме, наше семейное счастье не давало спокойно спать. Я забыл сказать, что наша мать даже в старости оста-

валась красавицей. Хорошо образованная, при советской власти она стала учительствовать и своей неутомимой деятельностью приносила несомненную пользу. Мать отмечали наградами, она считалась одним из лучших педагогов и писала умные книги на темы воспитания нравственности подрастающего поколения.

Так вот, этот «соратник», с длинным носом, землисто-серым цветом лица и сверлящими, злыми черными глазами, которые резко добрали и становились масляными, когда в поле их зрения попадала наша мать, был одержим поистине сатанинской идеей. Вскоре он ее осуществил. Завистник запомнился мне мерзкой внешностью, вонючей кожаной курткой и тем, что постукивал костяшками пальцев по столу, во время чаепития. В любой ситуации его физиономия выглядела одинаково гадко. Цепкая моя память на всю жизнь запечатлела физиономию «соратника». Мы, дети, между собой называли его Карабасом. Перегруженный работой отец не придавал этим взглядам особого значения, а поганец терпеливо делал свое грязное дело. Успокоился же «соратник» тогда, когда отца неожиданно для всех объявили врагом народа и он навсегда исчез из нашей жизни. Буквально через полгода после извещения о его смерти мерзавец, соорудив на темном своем лице смесь скорби и любви, пришел к нашей матери с предложением выйти за него замуж, «чтобы объединить детей в одной пролетарской семье». Высокая и сильная, мать молча вlepила крепкой, совсем не дворянской рукой, затрещину, да такую, что он не удержался на ногах, упал и покотился на нижнюю площадку. Она давно догадалась, чьих рук было «дело отца». Я всегда поспеивал быстрее других детей, потому и увидел Карабаса, поднимающегося на лестнице с колен. Лик его был ужасен... Помнится, мы долго жили в страхе, что возьмут и ее, но, слава Богу, мать, работала не покладая рук и пользовалась большим авторитетом среди высокопоставленных людей. Наверху нашлись заступники, и ее оставили в покое.

Прошли годы... Один за другим ушли бабушка и дед, чуть позже я схоронил и мать, неутешную во вновь всколыхнувшемся горе при известии о посмертной реабилитации отца... Все это уже в далеком прошлом...

Я поступил в университет и окончил его с отличием. Меня оставили учиться в аспирантуре. После защиты я женился. Брак оказался удачным. Жена, Люба, была умная и энергичная женщина, у которой были две страсти: любимый муж и общественная деятельность. Так же, как и я, Люба преподавала философию, но этого ей было мало. В результате Лю-

бушкина бурная деятельность закончилась депутатством. Наша жизнь проходила на фоне постоянно трезвонящего телефона и визитов самых разных людей, которые шли и шли за помощью к своему депутату. Она не отказывала в помощи никому. Мне же хотелось тихого семейного уюта. Я часто просил ее петь: у нее был прекрасный голос. В редкие минуты отдыха Любаша пела романсы, а я аккомпанировал ей на гитаре. Вот такая сложилась у нас идиллия. Несмотря на суету в нашем доме, я был счастливым мужем... Но, увы, счастье продлилось всего десять лет. Жена умерла неожиданно, в расцвете сил. Детей у нас не было. Жениться второй раз я не собирался, ибо был уверен, что женщины, похожей на мою Любашу, в природе быть не может. Решив, что все хорошее в моей жизни кончилось, я с головой ушел в науку.

Книга Ренана, прочитанная в детстве на французском языке, повлияла на направление моей научной деятельности. Вопросы религии и веры доминировали в педагогической и научной работе. Сначала я работал преподавателем на кафедре научного атеизма философского факультета университета и довольно скоро стал одним из ведущих специалистов по вопросам истории религии. После перестройки кафедру переименовали, и она стала называться кафедрой философии религии и религоведения. Многие члены кафедры вдруг оказались верующими. Я о своем вероисповедании молчал. К тому же, моя жизнь целиком была заполнена работой: я читал лекции в университете, писал книги и, как специалист, владеющий иностранными языками, постоянно выезжал на различные международные симпозиумы. Кандидатская диссертация была защищена еще в молодости. Была написана и докторская. Но защиту я постоянно откладывал: то нужно было ехать на конференцию, то на симпозиум. Так проходили годы... Однако этой весной я твердо решил получить степень доктора наук. Тут со мной и произошла эта странная история.

Все уже было решено, дата заседания Ученого совета была назначена, как вдруг за три дня до защиты мне позвонили из совета и сказали, что диссертация передана на рецензирование в другой институт. Более того, из-за болезни нескольких членов, совет не состоится, потому что не получается кворума. Я сильно расстроился, наскоро собрался и поехал на факультет выяснять подробности. Иду по длинному коридору факультета и вижу: из приемной декана, тяжело опираясь на палку, выходит сгорбленный старик с темным лицом и глазами навывкате. Я сразу узнал хищный взгляд, землистое лицо и резко отвернулся. Сомнений не было — это был сын отцов-

ского «соратника». Мы с ним никогда не общались, но о существовании друг друга знали.

— Зачем он приходил?

Этот вопрос я адресовал нашему добрейшему декану — Василию Васильевичу, исполнявшему обязанности секретаря Ученого совета. Декана на факультете любили все: от преподавателей до студентов и за глаза ласково называли «Вась-Вась». Декан выразил сочувствие по поводу несостоявшейся защиты, успокоив меня тем, что пообещал провести ее осенью, на первом же заседании. Я вяло отмахнулся и, усмехнувшись, сказал:

— Суждено, — стану доктором. Во всяком случае, присягу «уд» я не принимал.

Мы посмеялись, так как присяга «уд» в расшифровке означала преподавательскую шутку — «умру доцентом». Вась-Вась обнял меня за плечи и посоветовал не расстраиваться, по-старчески прошепелявив:

— Лучше поздно, чем никогда.

У самой двери я напомнил ему про человека, выходявшего из его кабинета.

— Да, хорошо, что ты о нем заговорил. Меня это тоже беспокоит. Он по твою душу приходил. Ты знаешь, что твой рецензент, профессор Радикян перенес инфаркт и лежит в больнице? Так вот, этот тип добился того, чтобы рецензирование поручили ему. Ну, это мы еще посмотрим! Правда, у него громадные связи, но, поверь мне, на факультете никто не рад его появлению: вредный и злобный человек. Уверяет, что знал тебя ребенком, а вопросы, которые ты освещаешь в диссертации, всегда входили в сферу его научных интересов. Посмотришь на него — Кашей, а энергии хоть отбавляй: говорят, рвется в академики.

На душе сделалось гадко. Жаль было бедного Радикяна, под руководством которого я в свое время написал хорошую кандидатскую диссертацию. Но почему не посоветовались со мной по поводу нового рецензента?

— Он сказал, что с тобой все согласовано.

— Ложь.

Я сразу узнал этот стиль! Конечно, это верный продолжатель неумолимого во злобе Карабаса! Долгие годы мне удивительно везло не встречаться с ним. Он преподавал философию в сфере музыкальных вузов и, к счастью, наши дороги не пересекались. Дурное предчувствие на секунду охватило меня. Заметив это, Вась-Вась попытался меня успокоить:

— Людей, которые тебя поддержат в Совете, большинство. И вообще, Иван, ты всегда умел держать удары. Причин для волнений нет. Прошу тебя, не дергайся.

Неожиданная новость не сулила ничего, кроме тревожных. Я решил отложить поездку на дачу, ставшую постоянным местом отдыха всех родственников, оставшихся от нашего когда-то многочисленного семейства. Хотелось побыть одному.

Восемь лет назад жена подобрала на улице щенка и назвала его Гаврошем. Из него вырос огромный пес с большой кудлатой головой. Мелкие собаки от него шарахались, агрессивные борцовые псы посматривали с осторожностью, так как чувствовали — этот за себя постоит, что он и доказывал не раз. Любаши, увы, уже нет на свете, и мы коротаем время вдвоем с собакой. Обычно у нас две прогулки в день: до ухода в университет и после работы, уже поздно вечером. Можно, конечно, отправить его на дачу, там с ним будут играть племянники, но мне что-то не захотелось оставаться одному в большой, ставшей неудобной квартире. Мы с Гаврошем прекрасно ладили: в свободные от занятий дни я подолгу сидел в кабинете за работой, а он через раскрытую дверь молча наблюдал за мной, расположившись на диване в соседней комнате. Когда я, со словами: «На сегодня все!», выходил из комнаты, пес, несмотря на солидный возраст, начинал ходить колесом. Нам сразу становилось веселее, и мы в хорошем настроении отправлялись гулять.

Таким образом, весь июнь я провел в городе, в котором мне все тяжелее находиться. Я даже стараюсь реже ездить в центр: он раздражает меня наглыми и примитивными рекламами, обилием банков, алчной деловитостью, направленной исключительно на личное обогащение. Как и в других, в нашем районе также имеются несколько, огороженных трехметровыми кирпичными стенами коттеджей. Проходя мимо них, я всегда вспоминаю пословицу: «Богатые ворота бедных стесняются». Ворота-то, может, и стесняются... Но не хозяева... Их лоснящиеся лица не сходят со страниц глянцевого пошлых журналов, которые рассказывают об их якобы полезной для общества жизни. Большей частью результатами их талантов становятся бездарные фильмы, спектакли и книги, о которых, захлебываясь от восторга, рассказывают с экранов телевизора такие же ничемные критики и искусствоведы.. А ночная Москва меня просто ужасает. Я называю ее Новым Вавилоном. Когда бываю за границей, тоску по старой Москве. Однако мысль навсегда покинуть Россию меня ужасает: здесь, на Немецком кладбище, лежат мои дорогие родственники. И не только это. Я никогда не смогу стать эмигрантом: чувство родины развито во мне столь сильно, что невольно прорывается во всем, даже в моих пуб-

личных выступлениях и научных сообщениях. Однажды, обсуждая мой доклад на тему «Отношение Восточно-русской церкви к другим Церквам и исповеданиям», иностранный коллега начал, со слов: «В вашем патриотичном докладе...» На подобные замечания я всегда улыбаюсь и не возражаю.

Итак, я остался в городе. И читал, читал, читал... Временами мне начинало казаться, что я — лучший специалист в мире по вопросам, которые собираюсь защищать в своей диссертации. Признаться, особой радости от достигнутого не было. После смерти верного единственного друга — жены Любы, меня больше не волновало ни признание моих коллег, ни похвалы родственников. В годы семейной жизни высшей наградой для меня был восхищенный взгляд моей Любушки. Ненавижу фразу: «Незаменимых людей нет!» Вздор! Каждый человек — это неповторимый микрокосмос. И чем человек сложнее, тем более неповторим его внутренний мир, который уникален и незаменим! Допускаю, что для гордыни имелись некоторые основания: мои книги получили общественное признание и переведены на несколько языков. Мною основательно изучена многочисленная литература на двух иностранных языках, так как я, кроме французского, за годы учебы неплохо освоил и английский. Все спорные моменты в диссертации подкреплены вескими аргументами. Уверенность-то в себе была, но встреча с сыном Карабаса не выходила у меня из головы. Зачем ему нужно выступать на моей защите? О чем он будет говорить? Интуитивно я чувствовал, что ненависть к нашей семье ему передана по наследству. Но, однако, он уже профессор, я же — нет. Откуда зависть? Разве что еще раз свести счеты с нашим семейством...

Вечером, как обычно, с желанными для Гавроша словами, я вышел из комнаты, и мы стали собираться на прогулку. Чаще всего мы гуляем в сквере, на котором много лет назад находилось кладбище. По прошествии почти века о нем напоминали только огромные деревья, да две-три безымянные плиты, которые не удалось извлечь из земли. Несколько лет назад на одной из них я, с помощью Гавроша, с собачьим усердием отгребавшего землю передними лапами, обнаружил тускло проступающую надпись: «Здесь покоится Статский советник Андрей Протасович Козлов». Сколько раз за это время перекапывалась вся земля на сквере, а этой плите — хоть бы что! После защиты я собирался порыться в московских архивах, чтобы узнать что-нибудь о Козлове, но сначала надо защититься...

Когда мы вышли из дома, было около одиннадцати часов. Отворяя дверь, я взглянул на висящий у двери календарь и

ахнул: батюшки, да сегодня шестое июля — особенный вечер, когда вся славянская часть мира встречает день Ивана Купалы. Вспомнилось, как в бытность аспирантом занимался вопросами «Мифолого-лингвистических концепций в религиозоведении» и даже съездил в Белоруссию на праздничные дни, посвященные этому прекрасному летнему празднику. Вместе с сельской молодежью прыгал через огонь и крапивные кусты, купался ночью в росе, искал папоротник. Я прекрасно знал, что этот день является днем памяти святого Иоанна Крестителя, в честь которого меня назвала бабушка. Вот почему для меня это был двойной праздник. Я знал, что с принятием христианства языческий праздник Купалы «присоединился», в силу традиции, к празднику святого Иоанна Крестителя. Помнится, жена настояла на том, чтобы мои именины отмечались в этот день... А я со своей защитой все забыл...

Выходя со двора, обратил внимание на то, что на улицах было довольно пустынно: погода установилась хорошая и народ, согласуясь со своими возможностями, разъехался кто куда. Только теперь вместо затихающего к ночи воронья Москве не дают покоя крикливые стаи молодежи, избравшие местом тусовок дворы и скверы. Вряд ли они знают, какое красивое празднество отмечается в этот вечер в далеких северных деревнях, в которых еще остались старики, знающие ему цену. У меня даже появился задор рассказать какой-нибудь молодежной компании о необычном дне.

Погуляв с полчаса и повернув в сторону дома, я неожиданно заметил, что к нам медленно приближается высокая женщина в длинном светлом платье. В темноте нельзя было рассмотреть, какого она возраста, к тому же ее лицо закрывали длинные волосы, в отблеске дальних фонарей шоссе показавшиеся мне седыми. Поравнявшись с нами, она вдруг остановилась и сказала: «Сегодня вечер накануне Ивана Купалы. Говорят, что где-то здесь, на кладбище, растет папоротник-цветок, но найти его трудно». Сказанное я расценил как хорошую и своевременную шутку. Однако это было настолько неожиданно, что я на секунду опешил, не зная, как ответить. Женщина засмеялась и прошла вперед. Тут только я нашелся и крикнул ей в след:

— Ищите лучше, потому что тот, кто сорвет цветок папоротника, будет властителем над страшной силой, будет править тропами в лесу, кладами под землей и ведать словом заговорным. А коли носить его будет на себе, никогда не будет бояться ни дьявола, ни еретика, ни злого человека. Только вот кладбища то здесь нет уже много лет... И папоротника не найти.

Погуляв некоторое время, выходя из сквера, я увидел странную картину. На бровке тротуара, опустив ноги на проезжую часть, сидела та самая женщина в светлом платье. В руках у нее были какие-то цветы. Распущенные не то седые, не то светлые волосы по-прежнему прикрывали ее лицо. Пока шли по тропинке, я увидел своеобразный спектакль. Возле женщины периодически останавливались машины, кто-то обязательно высовывался в окно и что-то говорил. Женщина отрывисто отвечала, при этом она резко взмахивала головой. Через секунду машина срывалась и исчезала. Мне все это показалось достойным внимания.

Здесь я вынужден сделать небольшое отступление, чтобы кое-что объяснить читателю. Дело в том, что за время поздних прогулок с Гаврошем я стал невольным участником нескольких ночных историй. Приставали, как правило, к одиноким девушкам. В советское время подобное хамство практиковалось редко, потому что, кроме дежуривших милиционеров, по улицам ходили дружинники. Старое воспитание давало о себе знать, и я никогда не мог сдержаться, чтобы не выступить в роли устаревшего благородного рыцаря. Несколько месяцев тому назад я наблюдал за девушкой, шедшей несколько впереди нас по другой стороне улицы. Машины, притормаживая возле нее, настойчиво предлагали подвезти. Однако она, не обращая внимания и ускоряя шаг, упрямо шла вперед. Когда же крутые молодцы, вылезшие из машины, попытались затаскать ее в кабину, я тихо сказал Гаврошу: «Помоги девушке!» и спустил его с поводка. В несколько прыжков Гаврош достиг машины и ситуация резко изменилась. Отталкивая друг друга, вся шантрапа втиснулась в кабину, и машина сорвалась с места. Я подошел и поинтересовался, почему столь юная особа подвергает себя опасностям, прогуливаясь одна в поздний час. Девушка объяснила, что работает в парикмахерской, что расположена в конце сквера, и ей просто не на чем ехать до дома, который находится с другой стороны того же сквера.

— Тогда вас кто-то должен встречать, ведь поздние возвращения могут плохо кончиться. Времена нынче лихие, — назидательно заметил я.

— С вечерней смены меня обычно встречает мама. Но она вот уже месяц не встает с постели. Вы не думайте, что я не могу постоять за себя: у меня в кармане газовый пистолет.

— И часто приходилось им пользоваться? — ехидно поинтересовался я.

— Пока ни разу, но если бы не вы, пришлось бы сегодня, — призналась незнакомка.

— Лучше не надо. Я вам объясню, почему этого не стоит делать. Во-первых, вы не успеете его даже вытащить, как будете обезоружены. Не забывайте, что, в машине всегда находится как минимум трое подвыпивших парней, которые скрутят вас как птичку. Осмелюсь дать вам совет. У парикмахерской живет стая собак. Они не раз бросались на Гавроша. Так вот: прикармливайте их, и они будут послушно провожать вас до дома. На своем опыте я уже убедился, что «крутые» оболтусы боятся собак, как дети. Когда им противостоит серьезная сила, они трусят.

Случилась у нас и другая история, прямо противоположная предыдущей. Поздним вечером утомленные, но довольные хорошей прогулкой, мы еле плелись домой. Впереди, по краю асфальта шла девица, возле которой постоянно притормаживали машины. Уже полюбившийся опыт защитника сработал, я догнал девушку и спросил:

— Хотите, проводим, чтобы вас не обидели?

Девица расхохоталась.

— Вы чё, всерьез думаете, что я нуждаюсь в защите? Дед, да ты, типа того, ко мне клеишься?

— Никогда не думал, что похож на лейкопластырь. Я, типа того, защитник слабых, — съязвил я.

Она ускорила шаг и пошла, возмущенно подергивая плечами.

Нужды «клеиться» на улице не было. У меня одних только аспиранток пять человек и все женского пола. Имеются незамужние и разведенные, среди которых есть очень красивые женщины. Я не отвечаю на их пламенные взгляды, а когда они приглашают меня в гости, далеко не в научных интересах, решительно отказываюсь. Одна шустрая аспирантка ухитрилась через третье лицо навязать мне переговоры о прописке в Москве, естественно, на моей жилой площади. Я довольно жестко сказал им, что на подобный поступок меня не подвигнут даже самые бешеные деньги. Вскоре у меня сложилась устойчивая репутация непробиваемого хмыря, и ученые дамы перестали ко мне приставать. К тому же одна из аспиранток, принеся мне домой рукопись статьи, проходя в кабинет, увидела готовившую в кухне молодую племянницу. Моя тяжело больная сестра, считает необходимым регулярно посылать ко мне дочь готовить «горячие обеды». Естественно, что распространяться на предмет своих родственных связей я не стал. Весть об очаровательной блондинке облетела всех претенденток на мою квартиру, и меня надолго оставили в покое.

Вот такие разные случались у меня приключения, но сегодняшняя молодая женщина была явлением аномальным. Своим поведением она не вписывалась в предыдущие истории. Какими словами можно было подействовать на пьяную компанию, чтобы они стремительно исчезли из виду? Какой-то особой бранью? Пожалуй, только раззадоришь. Тогда как она их отшивала? Неужели ее лицо так страшно?

Наш путь проходил мимо нее. Женщина вдруг встала и торопливой походкой зашагала в нашем направлении, только несколько впереди. Меня одолело любопытство: очень захотелось увидеть ее лицо, но значительное расстояние отделяло нас друг от друга. Тихо сказав Гаврошу: «Вперед», я прибавил шаг, чтобы ее обогнать. Странная женщина, и поведение необычное... Было очень интересно узнать, сколько ей лет, в темном сквере я этого не разглядел. Резко прибавив шаг и обогнав ее приблизительно на метр, я решил обернуться, но в тот же миг почувствовал что падаю, а лучше сказать — стремительно лечу вниз, хотя дорогу, по которой мы шли недавно покрыли свежим асфальтом и она была очень ровной. Не было ни одного камня, ни одной ямы или неровности... Да и падение было каким-то странным... Его даже нельзя было назвать падением, так как в каких то тридцати сантиметрах от земли, я удержался на ногах, схватившись за ошейник Гавроша. Приземление не состоялось. А лица я все же не увидел... Позади раздался смех, а затем женщина сказала довольно внятно, чтобы я услышал:

— Ничего, с любопытными это бывает. Зато потом будет все хорошо.

Схватившись другой рукой за ограду моста, по которому мы шли, я все-таки опять оглянулся и стал смотреть ей вслед. Женщина стремительной походкой шла в обратном направлении. Гаврош, с поджатым хвостом, скулил, натягивал поводок и тянул меня в сторону дома... Почувствовав мой взгляд, она обернулась и погрозила мне пальцем... Подойдя к фонарю, я взглянул на часы. Шел первый час... Наступила Ивановская ночь... — время ведьм, оборотней, колдунов... Да, в современной Москве нельзя удивляться ничему...

Несколько дней я жил под впечатлением этой истории, вспоминая слова женщины... О чем это она? Что «будет хорошо»? Поскольку я жил ожиданием защиты диссертации, слова решил отнести на этот счет. Так и получилось.

В конце августа позвонил Радикян. Бодрым голосом он доложил, что после санаторного лечения чувствует себя вполне прилично и будет рецензентом на моей защите. «Я с вами, как всегда!» — прибавил он оптимистично.

— А как же сын Карабаса? — вдруг вырвалось у меня.

— Какого Карабаса? Если вы про профессора Х., то этим летом он скончался. Личность с темным прошлым... Вы знаете, что на его совести не одна сломанная судьба? Непонятно только, почему именно вы привлекли его своей темой, ведь он ни к научному атеизму, ни к истории религий не имел никакого отношения.

— Я думаю, что ему очень хотелось напоследок поломать еще чью-нибудь судьбу.

— Может, вы и правы, — ответил задумчиво Радикян.

После странной ночной встречи с молодой женщиной, которую в мыслях называл колдуньей, я впервые задумался о собственной вере. Никакого чуда, разумеется, не было, и за представительницу темной силы я принял странную маргинальную женщину. Однако встреча произвела на меня большее впечатление, чем я ожидал... В этот вечер почему-то разрушилась моя налаженная модель жизни, я как будто прикоснулся к какому-то другому миру, и этот мир не укладывался в привычные параметры: наука, работа, дом. Язычником я себя не считал и последовательным атеистом никогда не был. Совершенно неожиданно для себя, через три месяца, находясь на международном симпозиуме, на вопрос корреспондента: «Вы, конечно, человек верующий, православный?» — я лаконично ответил: — «Как и подобает русскому человеку»... Я не солгал ни ему, ни себе...

ДВА РАССКАЗА

ЖУРАВЛИ

Наверное, в этом есть что-то языческое... В том, как чтит наш народ пролетающие осенние стаи, как любитесь ими. Осталась ли в генах вера, что птицы улетают на зиму в вырий — древний дохристианский рай, — уносят души усопших. А может быть, ощущает русский человек величие Божьего Промысла в том, как неотвратимо и точно поднимаются неразумные вроде птахи на крыло и идут, идут вот уже тысячи, а может и миллионы лет день в день, в любую непогоду одними и теми же маршрутами. Да, птицы — это какая-то магия, знак Божий. Особенно журавли.

Алексей Иванович тюкал топориком помаленьку у себя на дворе — тесал бревна на почин бани, когда услышал над головой привычное «курлы-курлы». Он поднял руку, прищурился из-под ладони и хотел приветливо махнуть вслед... Но рука его застыла на полдороге, а в глазах мелькнула тревога: на календаре было 29 июля, — а журавли уже летели на юг.

— Эй, матка, смотри, чего делается... Ваня, Ваня... — кликнул он внука. Внучок так занят был своими играми (он в подражание деду тоже строил домик из всяких обрезков — колотил, как мог) — внучок даже и не обернулся. А старуха-то выглянула из окна — услышала «курлы-курлы». И вечно ворчливая, поперешная, «ты мне слово — я те — два» вместо того, что

ПРОЗА

бы взять как обычно деда в распил, застыла, глядя в небо с раскрытым ртом...

— То-то, матка, смотри, не балуй у меня. Ишь, чего по нашим грехам учинилось...

— Что же теперь будет-то? — Баба чуть не села на месте. — А, старый?

— А то и будет, что по грехам кара.

Станица прошла и скрылась за лесом, будто не было.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий... — Старик перекрестился и опять затюкал топориком: может, блажные какие, может, не все полетели. Свихнулись там... Счас что человек, что птица — есть от чего свихнуться...

Ночью Алексей Иванович не спал. Как уснешь! И когда услышал в третьем часу «курлы-курлы», так и выбежал одним духом на двор в исподней рубахе да в домашних катанцах. Звезды высыпали ярко, как никогда, но луны не было — в эту пору она еще за гребнем леса. И журавлей видно не было, но по долгому и высокому их призыву ясно было — идет большая стая. Алексей Иванович уставился, не мигая, и видно стало, как то одна, то другая звезда исчезала на миг: то прикрывали их незримые, идущие высоко над землей журавли.

Стало не по себе... Алексей Иванович медленно побрел домой, поставил чайку. Да уже больше и не ложился: что же это такое? На рассвете прошли еще две станицы журавлей. Что-то неладно в мире. Неладно. Старуха-то тоже полночи не ложилась — молилась все. А после — чудное дело — безо всякого ворчания легла да и уснула сразу. Ну, что ж: охи охами — дело бабье, — сон сном: утро вечера, как говорится...

А старик думал: «Надо пойти сказать людям. Они, может, по суете не заметят... А начальники что — они в городах сидят — там журавли не летают...» Впрочем, дело происходило не в старину, а в наши дни. У старика была «трубка», и поутру он принялся звонить. Звонил он редко, а ему и вовсе никто не звонил... Разве дочка, когда раз в год «на дачу» соберется.

...Был бы колхоз — пошел бы к председателю. Но где тот колхоз, где председатель... Село заброшено. Дома кто увез, кто заколотил. Три дачника и две старушки. Ни одной коровы — какое ж это село!

Но кому звонить? Тут Алексей Иванович задумался. В милицию? Он припомнил, как о прошлом годе в райцентре убили его племянника. И он находился в прокуратуру, набегался, насиделся в очередях: «Эх, — говорят, — сам виноват!» А племянничек мужик-то был не старый, да и не пьющий. А вот как он выразился: «Хочу попробовать бизнесом заняться...» Попробовал.

Нет. В милицию Алексей Иванович не позвонил. Еще за сумасшедшего примут. Позвонил пожарным:

— Это вас с девяносто первого километра беспокоют.

— Что у вас — пожар? У нас двести пожаров по области, звоните в район!

Алексей Иванович позвонил в район:

— Это вас с девяносто первого километра беспокоют. Алексей Иванович я...

— Да что вы достали нас звонками! Вышел-вышел к вам бронепоезд.

— ...? Какой бронепоезд?..

— Ну, этот... пожарный поезд... тушит уже.

Лето было как никогда сухое: ни ягодинки в лесу, ни грибка. За железкой горел торфяник. Там с утра, грохоча буферами, маневрировал пожарный поезд. Трубку повесили — длинные гудки.

— Да-а, до Москвы далеко, а район, это район. Надо звонить в Питер. Может, в «скорую» попробовать?

— Это вас с девяносто первого километра беспокоют... Тут у нас журавли летят.

— Ну и что?

— Дак они раньше середины сентября не летят. А сегодня тридцатое июля...

В это время над головой Алексея Ивановича появилась еще одна станица. Он повернул трубку к небу:

— Вот, слышите...

— Ничего не слышу. При чем тут «скорая»? Звоните в МЧС.

Тут «трубочные» деньги у Алексея Ивановича кончились, и трубка замолчала. Теперь когда еще придет дочь или хоть позвонит и положит денежку на старикову трубку.

Однако там, на Севере, надвигается какая-то небывалая катастрофа. А может, и на всю планету надвигается.

Алексей Иванович с утра слушал «Маяк». Но в мире все было спокойно: американцы орудовали в Ираке, в Афганистане их же били талибы, евреи бомбили Ливан, грузины делали вид, что идут войной на Абхазию. Про журавлей ничего не было слышно.

Алексей Иванович стал припоминать: ни он, ни его дед, ни прадед никогда не слыхали, что бы в июле... да что в июле! — в августе и журавли!

Вот ведь штука.

Но надо было что-то делать. Нельзя же сидеть сложа руки. Может, поехать в Питер? На прием к полпреду президента... — и Алексей Иванович представил, как он с вещмешком, в старых ботинках — чуть не в лаптях придет на прием: «Да меня

тут же в воронок и упекут куда следует». Ну, в воронок, это он, конечно, хватил, но и в самом деле: кто ж такого примет-то... Другое дело с трубки звонить.

И Алексей Иванович пошел по селу. У старух какие трубки: дудки во дворе да лопухи, а вот у дачников... Он долго толковал дачникам, называл их «соседями»... Но что «соседи»? Целый день млели на озере, теперь принялись за шашлыки. То ли парень с девушкой, то ли муж с женой — не поймешь: ни детей, ни хозяйства. Дачники... Журавлей они, конечно, не заметили. То есть заметили, но без всякого понятия.

Алексей Иванович не дурак человек был: в армии служил в разных местах. Даже в институт чуть было не поступил, но вернулся в село. Помнится, бабка-покойница (два класса церковно-приходской да «колидор») говаривала им, молодежи тогдашней: «Как же вы жить-то будете, ведь вы ж ничего не знаете!»

Ох, не знаем, ничего не знаем... Такое простое дело — журавли, а тут не знаешь куда бежать. Как в воду смотрела покойница. Она из рода в род все знала-ведала наперед, а если чего не знала... Там вон церковь была. Поп бы надоумил.

Но что там церковь, но и кино-то, что в церкви было оборудовано, давно рухнуло и поросло чертополохом. Да если б и не поросло — что с кина толк!

Дачники меж тем разузнали по справочному номер МЧС и набрали, и дали Алексею Ивановичу трубку, глядя не без опаски на заскорузлые его руки.

— Это вас с девяносто первого километра... (хорошо не со сто первого, — мелькнуло в голове у Алексея Ивановича, — а то как и представляться)... — Алексей Иванович я... Вот журавли у нас... — и Алексей Иванович с дрожью в голосе в пятый раз рассказал про сие небывалое дело. Рассказывал и поглядывал на небо — не летят ли. Дачники тоже не без боязни озирались.

— Ну, а что мы можем? Ну, вы в зоологический музей позвоните или в Академию наук, пусть научного сотрудника пришлют.

— Дак на девяносто первый километр не надо присылать. Надо туда, на Север, где гнездятся... — и Алексей Иванович припомнил, как замирает птичий щебет в лесу перед пожаром: еще и гарью не потянуло, а вся малая птаха ушла — как ветром сдуло. — Вы поймите, дело серьезное. Может, ледник завтра начнется, может, глобальный климат... — Откуда такие словечки припомнил, Алексей Иванович и сам сдивовался.

На том конце трубки помолчали:

— А, может, не начнется. Во всяком случае, МЧС тут ни при чем.

— Вы позвоните прямо товарищу Шойгу, он поймет...

А дачница уже держала Алексея Ивановича за рукав:

— Ну, хватит, хватит — тариф междугородный. — Чуть не вырвала трубку и нажала на кнопку. — Вы же видите, — бесполезно, а денег сколько наговорили!

— Я вам сейчас отдам, — и Алексей Иванович достал мятую десятку.

— Тут не десятку, тут сотню нужно.

— Ну, сотни у меня с собой нету. Счас пойду дома поищу... А хотите вот яиц лукошко? Свежие яйца.

Дачники переглянулись:

— Приносите.

Алексей Иванович повернул к дому, а мысли прыгали в голове: ща от старухи попадет за яйца, а толку — чуть! Шойгу энтот басурман позвонит разве! Что делать? Не-ет, надо ехать прямо в Питер, к самому товарищу Клебанову. Ба! Алексей Иванович так и встал, да что к Клебанову, надо — в ФСБ! Как же я раньше не подумал... Да, когда было КГБ, то о нем не позабыл бы Алексей Иванович. А вот стало ФСБ — и словно нет его вовсе, а ведь кто должен безопасностью заниматься, как не они. И ведь занимаются верно! Точно, в ФСБ надо ехать, прямо в «серый дом» на Литейный.

А вот интересно, — прыгало в голове у Алексея Ивановича с пятого на десятое, — и в Канаде летят журавли или только у нас?

Вечером он включил «Маяк». Опять бомбили Ливан, взрывался Ирак, горел Афганистан, — в общем, в мире все было спокойно: никаких журавлей. Уже полночь Алексей Иванович вышел во двор, кинул взгляд на небо: звезд высыпало... И Млечный Путь... какой-то странный. Тёмен, — ночь ли такая! — не светится... Ой, да он и шевелится!

— Старуха! А старуха! — Но старуха или не услышала, или уж отзываться не хотела.

А Млечный Путь поехал куда-то на восток и сполз со своего места... — Ба! Да это ж дым с пожарища тянет! Фу ты, Господи! Чего только не примерещится... Хорошо старуха-то не вышла, — опозорился бы: «Млечный Путь поехал!» Смешно вроде, а сердце захолонуло.

Ночью опять не спал. И опять под утро одна за другой прошли две станции и отмелькали под звездами: «курлы-курлы». И как уснул Алексей Иванович — не приметил... А снилось под утро неладное.

...Вот приближается к земле огромный метеорит, а журавли уж знают и потому летят. Там, в Африке, в верховьях Нила

им будет легче пережить удар... То снилось, что снова, как в ледниковый период, покрылась Россия ледяным панцирем аж вплоть до Киева. И видит все это Алексей Иванович, как бы с птичьего полета... То вдруг привиделось, что погружается наш материк в пучину океана и одна Африка и осталась, омываемая Северным Ледовитым... Но это даже и не с птичьего полета, а откуда-то из космоса... Под конец приснилось то, что не в кошмарном сне, а на самом деле было в Питере в сорок первом году, перед самой войною. Тогда все крысы покинули подвалы и сплошной серой рекой потекли по улицам, покидая город. Того сам Алексей Иванович не видел, ибо мал был и жил себе в своем селе, но позже слышал от питерских.

«Вот ведь, крысы-то знали, что война будет, голод, — помыслил во сне Алексей Иванович, и прошибло его холодным потом, как окатило из ушата. — Хватит, надо просыпаться!» — решил он про себя и, осознав совершенную бесполезность своих действий, представив воочию, как он будет толкаться у парадного подъезда на Литейном, — проснулся. Сел на кровати, было темно... петух еще спал на нашесте...

— Какое ФСБ, — проговорил вслух Алексей Иванович, — надо ехать в церковь на исповедь. Страшный Суд на носу.

— Чего-чего? — прохватила чутко спавшая старуха. — Какой суд?

— Спи-спи пока... Первым поездом поедем в Питер, в грехах каяться. Ты, старая, сколь в церкви не была?

— Да уж годка три...

— Какое «три». Тридцать три! Вот тебе и весь сказ. А ты спишь еще... Суд идет.

Наутро Алексей Иванович встал, вышел во двор, взялся за топор по привычке... Во дворе лежали раскатанные, но недокорённые бревна. Взялся, да задумался... Ни ночью, ни с утра не было ни одной стаи, — верно все улетели. Он окинул взглядом село. Ни дымка над крышами, ни гомону... Ну, старухи, те тише мыши живут, а дачники, видать, уехали. Даже внучка не было слышно. Он бросил свою «стройку», тихо сидел на верху, в горнице. Читал, что ли...

Алексей Иванович воткнул топор в бревно и пошел собираться в город.

ЕКАТЕРИНА

Петька опять поругался с женой. И не то что бы поругался — слова не сказал, но уж та — наговорила... Прихватил тулуп да и пошел на сеновал — привычное дело. Он и в баньке спать

любил — тоже неплохо, особенно если после протопки. Так хорошо... запах смоляной да березовый... Привык Петька спать без жены — гонит и гонит. Что за баба!

Петька был мастер по плотницкому делу. Не одну избу поставил на веку. Ну, первый венец — от хозяина бутыль. Ну, матицу закатили — опять бутыль же. А конька поставил — снова угощение...

— Ну, рази это пьянство! — говаривал Петька, — эт-то обычай!

Святая правда — обычай: ну, угостили—выпили... Пьяным по канавам он не валялся. Или вот Катерина, как пятница — мужа по канавам шукает: на плечо и волокет до дому. И не потому, что жалеет... Стыдно, видать, — пройдут люди, скажут: вон Катькин лежит.

Но Петька никогда так, и Петькиной-то против Катьки — ох, помолчала бы! Изб-то Петька поставил немало. Но вот времячко пришло — на избы моды нет: сиди, соси лапу. Колхоза нет, работы нет. Так, дачники приедут — кому дом подновить, кому что... Но вот появился в Екатериновке батька: народ-то не весь изверился — затеяли «церковь возрождать». Старая каменная большущая в руинах — лопухом поросла.

— А, Петя, сумеешь храм срубить? — Батька молодой, чуть не в сыновья годится Петьке.

— А чего не сумеет: вот изба пустая, да вот, да вон-на. Раскатаем да соберем. Да помощники нужны — бревно подавать...

— Я и подам.

— Ну, то... се... гвозди, стекла, шпунт...

— Народ соберет...

— Тогда рисуй, батя: сколь на сколь?

— А девять на девять, да алтарь прирубить, да прихожку, да шатер на верх. Осилишь?

— Благослови.

Эх, сто лет благословения не брал — вспомнил смутно, что надо склониться куда-то, да руки протянуть. Склонил свою седеющую уже голову. И его благословили.

И что же, храм вышел на славу. Ну, вместо колокола рельса пока висела. Колокола, — бабки говорят, — в речке утопили в тридцатом году. Нырлял Петька, нырлял и сам батька, но где там... Петька на приходе — первый человек. Батюшка его в алтарники правит, а он взял да запил. Отродясь так не пил, а тут запил: не может без работы. Строил храм — душа пела. Куда гнал-спешил? Подзорами, причелинами украсил, луковку чешуей, иконостас, Голгофу вырубил... что еще. Нет работы. Вот и попал на сеновал. А сеновал-то отчего, а все от Катьки: тридцать лет прошло, а любит Петька Катьку, как

встарь. И как так выходит на свете: с одной гулял, а на другой женился. Гуляли-то тогда честно, ой, да и после от жены Петька не бегал и — вот те крест, — и помыслов-то блудных особо не имел. А... вот любит он Катьку — и все. По молодости и не думал о том. Иной раз встретит — головой кивнет... А больше старался не встречаться... село большое было. Умается в работе — сердце вроде утолил... А вот работе конец — тут и запил... и Катька, Катька одна на уме. Вот уж верно говорят: бес в ребро, — седина в бороду. А жена, видать, чует, ох, чует — вот и понесло. А батька? А что батька — чужая душа потемки: он-то сдумал, что Петька в алтарники гож. А Петькино дело — при топоре. Стоит топор в сарайке — ржавеет без работы, а Петька пьет.

Но послал Господь бурю. Повалила буря липу.. О-о-о, липа была! Всем липа липа.

Батька отыскал утром Петьку на сеновале. Какое утром! — бывало с петухами Петька вставал, а уж двенадцатый час, лежит непохмельный...

— Вот что, Петр Иванович, липу на дрова ведь жалко пилить. Ты, знаешь ли, в старом храме была великомученица Екатерина из дерева резана. Осилишь?

Петька с похмелу сперва не понял:

— Чего-о-о?..

— Да вот Екатерину вырезать великомученицу из липы осилишь ли?

— Осилю. Благослови. — Петька спрыгнул вниз, — хмель как рукой сняло. И его благословили.

Наточил Петька топор, поправил стамеску, косячок (плотницкий ножик так называется). Ну что Петька умел: коньки, балясины да игрушки детям резал когда-то, а тут статуи целый церковный... эт не фунт изюму! Пошел в храм, стал перед иконой великомученицы Екатерины: с виду все они в один канон — Татьяна, Параскева... Все в Богородицу ликом, как дочки. Дочки и есть... — размышлял Петька. — Волос убран, чтоб не светили волосом... Губы — так, наметкам лишь, чтоб не манили... Губы шибко резать не надо. Тут главное, чтобы лик вышел да глаза...

Пошел Петька на двор, отпилил у липы середку — колоду в две сажени, закатил на два бревнышка: почти сухая — резать можно, не треснет, пожалуй.

— Ну, ты, родимая, не тресни. Мочи нет ждать да сушить... — Взялся за топор, перекрестился... только щепки полетели.

Сядет Петька верхом, прикидывает, что да как. Закроет глаза: святую Екатерину видит, откроеет — Катька мерещится... И не то чтобы дурное что на уме, — а все не свято как-то.

Вот мастера старые постились, молчали годами, а кто и в постриге был, в схиме, думалось Петьке. А все от чего? А чтоб вот это бабье не манило, не светило, не звало... Люди молиться придут, а ты тут неизвестно кого отстругал... Где-то за спиной дятел пристроился: Петька — тук-тук и дятел — тук-тук. Тоже — рабочий класс: «Я стучу, и он стучит, я молчу, и он — молчит...» — приговаривал Петька и тюкал в долото.

На обед еле женка дозвалась — прибежал. Сел ши хлебать.

— Ты, блажной, себе девку деревянну делаешь?

— Катерину, великомученицу... — то ли уж второго слова она не расслышала, то ли не о том думка была, а такое сказала:

— Катьку-то? Ну вот, вырежешь да обнимайся с ей!

У Петька и ложка упала.

Ушел и ши оставил. Слова не сказал.

Топор, стамеска, косячок... Опять топор...

— А ну-ка на бочок повернем... — и Петька приобнял за проступившую уже из древесины шею — колода была тяжела и так просто не повернешь... Приобнял и обжегся... Это уже был не просто кусок дерева, — низ еще скрывался под старой узловатой корой, но верх белоснежный свежетесанный, живой, уже являл собой лик... Рука отдернулась... Петька перебежал к комлю, там, где кора — колода колодой. Там ухватился, поворачивая на бочок.

И снова ликом вверх и вниз, и снова на бочок, да на другой — и не один раз — о-о-о, наворочался Петька. И Катька его, как всегда бывало на доброй работе, — из головы незаметно и улетела. А Святая Катерина — и она ведь, по житию, красавицей была, — тут не надо было и икону припоминать: вот она, уже лежала перед ним. Да еще слой снять надо, да ошкурить еще... Да до низу дойти: платье до полу, кончики туфель только из-под платья... Работы много еще, но лик-то уже проступил... светился в сгущавшихся сумерках.

— Дай-ка я тебя... — Петька хотел сказать: «голубушка», но осекся... — Дай-ка я тебя, матушка, приглажу, — и он прошелся рубанком, выравнивая плат на голове. Резать уже было нельзя — совсем стемнело. Только то и было свету, что от свежей щепы, устилавшей лужайку, да от нее...

— Была ты, матушка, Липой, Олимпиадой, значит, а теперича постриглась-посхимилась, наречешься Екатериной.

А ночью вроде дождь засобирался... Петька побежал за «полетеленом». Склонил четыре кола, накрыл шатром, — не дай Бог замочить. Капли зазвенели по полиэтилену, упали блаженно на усталое, запарившиеся тело — уж давно-давно скинул взмокшую рубаху Петька. Под шатром лик, каза-

лось, совсем ожил. Петька отступил на шаг... припомнилось
со школы ученное когда-то наизусть:

*В той норе, во тьме печальной
Гроб качается хрустальный...
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места,
В том гробу — твоя невеста...*

— Преподобная матушка Екатерина, прости мя грешного, —
и Петька перекрестился, едва сложив персты, натруженные
работой.

Вот так стоял он, Петр Иванович, в полной темноте, а выше,
над Екатериновкой, бежали озаренные луной тучи. Удиви-
тельные они какие, всякий раз — разные. Таких-то больше
нигде и нет, наверно...

Чудное небо, чудно... И дождик не дождик, а так — Благодать
Божья. Хорошо... А женка, а Катька с мужиком своим? — Они
сейчас спят. Чего во сне видят?.. А Петр Иванович... он стоит
посреди села: справа церковь, слева сеновал, позади изба...
Перед ним — в «шатре хрустальном» чудо рождается... Дай-
то Бог, не сглазить бы...

Стоит он и смотрит в небо... Благорастворение в воздушных...
Не надышится никак.

ПРИХОДИ ЗАВТРА

РАССКАЗ

Посвящается В.К. Исaeву

Касьян, не торопясь, шел по лесу. Мещерское лето вызревало, как наливное яблочко, медленно и сладко. Июньское солнце пронизывало густой сосновый воздух, и он, казалось, светился золотом.

Пора было проверять подсочку сосен. Гулкий пустой бидон для сбора живицы болтался у Касьяна за спиной. Вот и первая сосна, старая, обреченная лесоустроителями на вырубку. Дело привычное, но каждый раз Касьяну казалось, что живое дерево истекает кровью, и тогда память его неизбежно обращалась к минувшим дням войны, к ее кровавым картинам. Косые надрезы на коре (он их делал сам) сходились углом на одной линии, и сосновый сок по вставленному желобку стекал в прикрепленную к стволу банку. Живица нужна была стране для производства смолы, скипидара. Касьян опорожнил полунаполненную банку в бидон и вновь закрепил ее на прежнем месте. Будто прося прощения, он погладил теплый, шершавый ствол дерева и грустно вздохнул: «Баловство все это...» Потом медленно пошел дальше, отыскивая меченые стволы, и все глубже уходил в темноту леса. И вдруг услышал под ногами резкий металлический лязг. В

ПРОЗА

тот же миг острая, невыносимая боль ударила по лодыжке левой ноги. «Волчий капкан! — ужаснулся Касьян. — Да как же я, фаря, проглядел-то!» Сдерживая стон, он боком завалился на сухую хвойную подстилку, мягко укрывавшую землю, и попытался освободиться. Ему удалось это почти сразу, но лодыжка, видимо, была раздроблена. Текла кровь. «Вот кабы сапоги-то не берет, того бы не случилось. А то в лаптках пошел, належке», — корил он себя. Из опрокинутого неожиданном взмахом руки бидона Касьян двумя пальцами зачерпнул немного живицы и осторожно смазал рану. Кровь остановилась. Продолжать сбор уже не имело смысла, надо было возвращаться к сторожке. «Тьфу! — досадливо сплюнул он. — Ну да ладно. Денька два дело потерпит. Вот нога подживет — и сработаем», — говорил он, обращаясь неизвестно к кому. Он подобрал бидон, прихватил заодно и злополучный капкан, срубил ножом сучковатую палку и, хромя, отправился в обратный путь.

Однако двумя днями дело не обошлось, нога болела почти месяц и в норму так и не пришла: было повреждено сухожилие. С тех пор Касьян начал прихрамывать. «И впрямь в недобрый час мать родила», — кручинился он.

Касьян действительно родился в високосный год, в неродной день февраля. Известно, что 29-е число в Святцах значится как Касьянов день. «Не потому ли Касьян, что отец был пьян?» — дразнили его в детстве ровесники. «Касьян на что ни взглянет, все вянет», — говаривали в народе. Еще верили, что Касьян управляет всеми ветрами, держит их на двадцати цепях за двадцатью замками и в его власти спустить ветер на землю и наслать на людей или скотину мор. Но трудно было понять, помогало ему его имя или приносило несчастье. На войне с фашистами пехотинец Касьян ни разу за четыре года не был ранен, только контужен. Однажды, в 43-м, во время боев подо Ржевом, Бог явно его спас. В землянку, где он был несколько секунд назад и вышел по нужде, попал снаряд. Попадание было точным. Ни Женьки Муратова, ни Силыча, ни других — никого там не осталось. А его сильно контузило. Очнувшись в госпитале, он на совет врача полежать денька три, сказал: «Баловство все это», и ушел искать свою часть. Нельзя сказать, что в части его любили. Всегда угрюмый, нелюдимый, неразговорчивый, он внушал людям непонятное опасение, и его сторонились. А после гибели единственного своего товарища Силыча, от которого и похоронить не нашли что, Касьян еще более замкнулся. Но воевал храбро, за спины других не прятался и наградами обделен не был. Была ли у него семья, этого никто не знал. Пос-

ле войны Касьян работал в Приуралье, в лесоустроительной партии таксатором. Санитарные рубки леса, планы лесного восстановления, планирование квартальных просек и рубок, учет лесосек, вырубок, редин, гарей, пустырей, болот... Составление планшетных карт с цветовыми символами всех пород деревьев в регионе... Словом, учет полный, работа кропотливая. Ему было скучно. С людьми не сошелся: мало было тех, кто душу леса понимал. Да и пили много в партии. И Касьян, не сказавшись, однажды поутру сбежал. И заблудился бы в дремучих лесах, если бы не квартальные столбы на просеках. Каждый такой столбик в квартале (квадрате) леса — лучший ориентир для путника: укажет направление на север в любую погоду. Зная направление на север, можно определить и направление других просек. Касьян знал, что квартальные просеки прорубаются с севера на юг и с востока на запад, а нумерация идет с запада на восток, начиная с самого северного ряда. Вышел. Уехал в родной мешерский край.

Но душа просила свободы, неказенного общения с природой. С Егорьева дня нанялся было в поселковые пастухи, да вот беда, в подпаски к нему никто не шел — боялись: хром, угрюм, бородат, непонятен. И Касьян в одиночку пас два гурта коров в 60 голов, но работа не заладилась. Вроде бы и обычай был соблюден — святой водицей хозяйки скотинку перед выгоном брызгали, хлебом наговорным покормили, иконы над воротами ставили, прутиком коровушек хлестали да, как принято, с приговором: тели тёлоч, тели тёлоч... Ан нет — случился через месяц мор, и на Никиту-гусятника пало шесть коров — болезнь какая-то приключилась. Недаром кукушка до Егория закуковала. Но винили не кукушку, а пастуха. «Касьян все косою косит», — подзуживали досужие. «Хромой леший, орясина муромская! Бей его, мужики! Это он, варнак, наших коров сгубил!» — злобились потерпевшие.

И на другой день вечером человек пятнадцать встречали пастуха с явным намерением учинить самосуд. Более всех ярился Гришка Силуян: «Тебе, лешак проклятый, все одно не жить! Ты моих пятерых без молока оставил!» Позже выяснилось, что причиной тому был ящур, но сейчас люди жаждали расправы.

Касьян ударил по толпе взглядом, снял с плеча старенький дробовик... Нападавшие остановились. Касьян и смолodu-то был не речист, а после войны и вовсе говорить разучился. Оправдываться не стал, ушел. Ему и допреж было среди людей неуютно: повсюду была беда, послевоенное лихолетье, из сельчан с войны-то меньше трети вернулось, а он —

без единой царапины. «Никак заговоренный», — шептались по углам. Стыдно и неловко было Касьяну перед честным народом. И он засобирался в лес, в присмотренное еще полгода назад заброшенное зимовье. Заприметил он еще тогда, что изба поставлена давненько и срублена без единого гвоздя. Железная поковка в прежние времена стоила дорого. Но деды наши великими умельцами были — топором так бревнышко обтесать и вытесать могли, что не всякий рубанком так постругает. Бывало, и ложки топором выделывали, и избы без пилы рубили, весь инструмент — топор, скобель да долото.

Одним словом, приглянулась Касьяну эта избенка на краю Плакун-болота, в верстах двенадцати от поселка. В объезд — так к обеду только, а напрямки — часа два, да пути через болото не было. Но на Варвару болото подмерзло, и тогда по зимнику можно было, хоть и с опаской, дорожку скоротить. Захватив ружьишко, топор да кое-какую утварь, Касьян ушел из поселка на Плакун-болото. Увязалась за ним бродячая поселковая собака Зинка. Гнал-гнал, не ушла, так и осталась. И начали они вдвоем обживать. До Покрова надо было избушку поправить, дровец заготовить, печь прочистить, припасов лесных насобирать. Еще с весны заметил он, что птицы гнезда вьют, а мыши норы роют на солнечной стороне. Стало быть, зима будет лютой. Успел Касьян и баньку поставить, и колодец с журавлем соорудить, и лук с капустой посадить. Впредь, однако, капусту уже не сажал — в первый год зайцы все кочешки потравили. Лес лесом, а без хлеба не проживешь. Подрядился Касьян в летнее время работать заготовителем в заготконторе, зимой же санничал да плел на продажу короба, корзины, кошелки. Начал Касьян обвыкать на зимовье.

Однажды ночью залаяла в избе Зинка и, рыча, кинулась к двери. Проснувшись, Касьян услышал у крыльца и под окном легкое потрескивание. Потянуло дымком. «Батюшки-светы, пожар!» — вскинулся Касьян и бросился заливать разгорающееся пламя. Успел, Бог миловал. «За коров мстят, — понял он. — И не в труд им в такую даль... Что делать-то?» Он вспомнил о капкане, давно валявшемся в чулане, долго кумекал над ним, отлаживая его поржавевший механизм. А вечером того же дня часа два возился неподалеку от дома на тропе, ведущей округ болота к поселку. Глубоко, почти по самую макушку, вбил на тропе толстый и прочный сосновый кол, кровельными гвоздями насмерть закрепил на нем железную цепь, неразъемно соединенную с капканом. Цепь протянул к стоящему рядом дереву и замкнул ее вокруг ствола замком. Всю эту конструкцию он прикопал и присыпал

палым листом и хвоей. Затем привел капкан в рабочее состояние и устроил неподалеку дозорное место: не дай Бог, кто другой угодит. Зинку он предусмотрительно привязал у повети. Только на вторую ночь появился тот, кого Касьян ждал. Луна то и дело пряталась за тучи, и тропа просматривалась плохо. Однако видно было, что человек шел, как тать, крадучись и озираясь. Через минуту Касьян услышал характерный щелчок и приглушенную яростную ругань. Он прислушался. Раздался лязг цепи — человек пытался высвободиться. «Один, стало быть, — определил Касьян. — Дак посиди вот теперь, капкан-то глухой, на запоре — не вырвешься». И он, довольный случившимся, ушел в дом.

Наутро, когда солнце уже стояло над лесом, Касьян неспешно пошел к пленнику. Тот сидел на тропе и угрюмо смотрел на приближающегося человека с ружьем. «Силуян Гришка», — узнал Касьян. Он снял с плеча свой дробовик.

— Ну, стреляй, стреляй, дьявол болотный, волчья твоя душа! — истерично завопил Гришка.

Касьян постоял молча, глядя поверх его головы, вынул из кармана ключ, бросил его Гришке и, повернувшись, ушел. После этого случая несколько месяцев он был настороже, но займку больше не беспокоили.

На второе лето положил Касьян напрямки через болото гать, да такую хитрую, что не каждый и отыщет. Чтобы пришлые, значит, не беспокоили. Поселковые-то и не шастали, побаивались. Прижилась тогда в поселке прибаутка:

*Коль и есть охота, не ходи к болоту,
А не то Касьян наведет изгян.*

Касьян об этом знал, да особо не кручинился: так оно и лучше. Правда, иные, отчаянные да смелые, изредка приходили, просили отвести в малинник или на клюкву. Касьян просьбы исполнял молча. А вот охотничкам, и местным, и заезжим, был рад — в основном, народ незряшный. И на волка, и на зайца, и на птицу всякую ходили. В ту пору и медведи были в мещерских лесах, да местные на них не охотились — берегли «хозяина». За ночлег и за чай охотные люди завсегда Касьяна благодарили: и харчем, и спичками, и добычей. Да и сам Касьян не ленился. Лес кормил и грибами, и ягодами, и медком диким. Не бедовал Касьян, но в поселок ходить приходилось: грибы да ягоды в заготпункт сдать, плетенки сбуть да прикупить того-сего. Знал он, что в первый год после падежа кормилец-коровушек три семьи более других бедствовали, и потому оставлял им иногда в сельмаге то грибов,

то плетенье, а то и деньжат. Не отказывались, брали, но и не благодарили, хотя к тому времени уже знали, что не повинен был Касьян в случившемся. Так прошло годов пять.

Как-то в поселке Касьян услышал, что умер Сталин. Народ, собравшийся у черного квадратного громкоговорителя, сильно горевал. Иные плакали. Погоревал и он и даже прикупил в магазине четвертинку водки, хотя «в одне́х» никогда не пил. Вот тут-то он ее и увидел. Спиной, почти позвоночником, он почувствовал на себе чей-то настойчивый, давящий взгляд, обернулся. И встретился, глаза в глаза, с двумя такими невиданно синими, манящими омутами, что сердце как-то опало и исчезло на миг, как тогда, на фронте, когда увидел неотвратимо падающий на него снаряд. Женщина, вопрошающе, почти пронзительно вглядываясь в его лицо, неуверенно протянула руку, и коснулась его рукава:

— Это ты? Это ты ведь?! Ты живой, Феденька-а-а... Тебя ведь жду...

Касьян резко отпрянул и, подхватив сумку, ринулся к выходу. Женщина, окаменев, растерянно смотрела ему вслед. Позже, от охотников, он узнал, что это была Фенька-затворница из Бельцов. Он знал эту заброшенную деревеньку в семь изб в восьми верстах от поселка и столь же — от его заимки, но не думал, что там кто-то живет.

Феня, по Святцам — Феодосия, была первой красавицей не только в Бельцах, стоящих на отшибе от всего мира. И среди поселковых девчат на выданье едва ли лучше можно было сыскать. Ловкая, ладная, с горделиво посаженной темно-русой головкой, увенчанной тугой, как спелый пшеничный колос, косой и на редкость синими, таинственного фиалкового оттенка, глазами, она неизменно привлекала внимание всех поселковых парней. Отец ее был белецким кузнецом, а мать — из бывших, из раскулаченных, бежавших в 1920 году в эту глухомань неизвестно откуда. Оба, обвиненные в 37-м году по статье 58.10 в антисоветской деятельности, сгинули где-то в архангельских лесах. Сказывают, что в Бельцах чуть ли не все были из таковских, из белых, потому эти выселки так и назвали. Дед Фени погиб в Финскую, и она осталась с бабой Дусей, Думшей, как привыкли называть ее сельчане. Думша была известной травницей в округе, даже из района к ней приезжали. В школу Феня ходила за восьмой верст в любую погоду, закончила семь классов с грамотой и начала работать в колхозе дояркой. Но, когда в 37-м оказалось, что она — дочь врагов народа, стали подозрительно относиться и к ней, стараясь обнаружить злоумыслие в ее работе. И нашли — умышленный недодой! Но, благодаря

бабке Думше, которая вылечила начальника местного НКВД, дело обошлось, но от коров Феню отстранили. И Феня стала работать хинизатором — район боролся с малярией. Чтобы как-то заглянуть перед взыскательным государством их семейные вины, она вступила в комсомол, а в 1940 г. еще и в Международную организацию помощи борцам революции и получила членский билет в красной корочке под № 07992283 с иностранными надписями и пометкой: секция СССР. Какое-то время Феня была даже председателем местной ячейки МОПРа: вела разъяснительную работу, собирала членские взносы, наклеивала марки, ездила с отчетами в район... Здесь она и познакомилась с Федором, который вскоре приехал в Бельцы свататься. Дело было решенное, но тут грянула война, и Федор в первые же дни ушел на фронт. Бабка Думша через год померла, и девушка осталась одна-одинешенька: работала на торфодобыче, вела немудреное хозяйство и ждала Федора. В январе 45-го пришла на Федора похоронка. Феня так загоревала, что стала «задумываться»: она могла ни с того, ни с сего встать на дороге или где-то среди людей и по получасу стоять, как столб, ничего не видя и не слыша. В гибель Федора она не верила и, почитай, каждый день, его ожидая, выходила на московскую дорогу. «Не в себе девка», — решили в поселке.

Работать, как прежде, со своими задумываниями Феня не могла, и ее оставили в покое и безо всякой государственной помощи. Чем жила? Люди добрые, жалеючи, помогали. Травы собирала да по бабушкиным рецептам людей пользовала. Иногда приходила в сельмаг, молча ставила на прилавок полную корзину отборных грибов или ягод. Продавщица, опустошив корзинку, так же молча кидала в нее хлеб, соль, сахар. Иногда и маслица растительного наливала четвертиночку. Да и пришлые-болезные чем-то одаривали: умела Феня и трясовицу снимать, и падучую облегчить, и травки для приворота-отворота были ей ведомы. Тропиночку к ней знали немногие, и потому жила она полной отшельницей. Вышло так, что ни один из белецких мужиков с войны не вернулся (а уходило их шестеро), и бабы с детишками перебрались ближе к работе, в поселок, который начал к тому времени прирастать и строиться: появились школа, больничка, магазин, новые бараки. Белецкие выселки опустели, но Феню, казалось, это устраивало.

После встречи с Касьяном Феня зачастила в сельмаг. Иной раз она просто стояла у дверей и чего-то ждала. И тогда местные мальчишки беззлобно дразнили ее: «Фенька, Фекла, красная свекла, ходила к Проклу, насквозь промокла!». — «Замолчь, окаянные!» — шикали на них бабы, оберегая бедолагу.

А Касьян после этого случая в поселок не торопился. Да и с Благовещенья ходить по гати было опасно — начиналось половодье. И на люди Касьян попал только в конце мая, на Николу вешнего. Он уже выходил все из того же сельповского магазинчика, когда Феня, запыхавшись, почти вбежала в открытую дверь. Увидев Касьяна, она на мгновение остановилась, но потом решительно направилась за ним. Так они и шли — Касьян, за ним — его собака, следом, в шагах тридцати, Феня. Касьян время от времени оборачивался, сердито махал рукой: пошла, пошла назад! Но Феня только молча опускала голову и стояла как вкопанная. Дошли, почитай, до самой гати, и тут Касьян не выдержал, взял увесистую палку. Залаяла Зинка: «Цыц!» Касьян, угрожающе подняв палку над головой, пошел на Феню:

— Утопнешь ведь, дура! Иди отседова, кому говорю! Вот я тебя сейчас!

И он, размахнувшись, запустил тяжелой палкой по ее ногам. Болезненно сморщившись, но, даже не ойкнув, Феня несколько мгновений держалась за ушибленную ногу и вдруг, как-то странно всхлипнув, быстрым шагом пошла назад. Касьян еще постоял некоторое время, чтобы убедиться, что его потайной проход через Плакун-болото не будет обнаружен, потом повернулся и медленно пошел по одному ему известной зыбучей тропе. Удивительно, но Зинка тоже знала, где можно бежать по едва заметному, пружинящему настилу спокойно, а где надо и перемахнуть.

Касьян раздул самовар, напился чаю с хлебом и сахаром, накормил собаку заячьей требухой. Но вечер не заладился. Праздник, работать было не в обычай, и Касьян не находил себе места. На душе было беспокойно. «Обидел безвинно», — думалось ему. Закат разгорался в противоположной от болота стороне. «Соловьи запели перед Маврой, стало быть, весна дружная. Так оно и есть. Все разумно», — размышлял он, стараясь не думать о Фене. Легкий ветерок дышал ароматом отцветающей черемухи. С болота подала голос выпь. Просыпались ночные птицы. И, просидев на колдобине возле баньки до первой звезды, Касьян к ночи принял решение себе в утешение дело поправить, вину загладить и для того на ближайших днях сходить в Бельцы, где обреталась обиженная им женщина.

Однако беспешное, но упрямое колесо непростого лесного житья-бытья закрутило его, не отпуская: то срочный заказ на плетенку надо было исполнить, то мостину починить, то печную трубу после зимней топки вычистить, то майских трав насобирать... Не отдавая себе отчета, Касьян намеренно

искал причины отложить встречу с Феней. Признаться себе в том, что он трусит, ему не хотелось. А тут аккурат на Мефодия-перепелятника нагрянули охотники с подружейными собаками. Припасов нанесли столько, что, сберегая хлеб, Касьян взялся сухари сушить. Слава Богу, продкарточки еще в 47-м отменили, и хлеб можно было есть досыта. «Разжил-ся», — как-то вяло, только по крестьянской привычке, радовался про себя Касьян. Перепелов, крупных, упитанных, охотники добыли довольно, пару и Касьяну оставили. Сам-то он с ними на охоту не хаживал: не сильно любил, да и глупая Зинка охоту портила. И получается, что охотился он только по жесткой необходимости. А вот на зайцев ходить и вовсе избегал: душа не терпела, когда, застигнутый собаками, заяц плакал точь-в-точь как малое дите.

В полдень гости чаевничали за самоваром. Старшой, глядя внимательно на Касьяна, спросил:

— Ты что, Касьян, смурной какой-то? В организме что-то неладно, или что? Чего печалуешься-то?

— Да так, — махнул рукой Касьян.

— Или домовой не жалуется?

— Да я сам себе и черт, и домовой, — пробурчал Касьян, уходя от разговора.

Старшой лукаво прищурился:

— А касательно черта такая вот, слышь, байка есть. У одного мужика случилась беда, а любая беда денег требует. Народ вокруг все бедный, где взять? И пошел мужик к черту денег просить. Взял займы сотен десять, пообещался отдать вскорости. «Не-ет, — сказал черт, — ты точно скажи — когда». — «Завтра», — не думая, брякнул мужик. А по дороге-то опомнился, что он наделал, откуда он завтра денег возьмет. Да русский мужик везде не промах, придумал и наш. Приходит на следующий день черт за долгом, а мужик-то и говорит: «Приходи завтра, отдам, как обещался». И в другой, и в третий раз мужик черту говорил: уговор был — завтра. Ходил, ходил черт к мужику, да и плюнул. А что поделаешь, уговор есть уговор, мужика корить было не в чем. Так мужик в долгах перед чертом и ходит».

Охотники посмеялись.

— Ну что, Касьянушка, каково? — повернулся к нему старшой. Он явно старался развеселить хозяина. — Или ты тоже черту задолжал, что не ухмыльнулся даже? Или я невесело рассказывал?

— Да весело, весело, — отмахнулся Касьян. — Мели, Емеля, твоя неделя...

И еще более призадумался. «Приходи завтра». Эти слова застряли в его голове. Опять зашевелилось, заерзало где-то

за грудиной неприятное чувство вины перед Феней. «И чего голову ломать-то! — рассердился он на себя. — Вот увижу ее в поселке в другой раз, тогда и повинюсь». От этого вроде бы и отлегло с души. И все-таки незнакомое досель чувство не покидало его. Охотники уехали, обещавшись быть на Ильин день с потравой на волков.

Оставшись один, Касьян вдруг услышал в себе, что все его большое, заматерелое, заскорузлое, почти лешачье тело жаждет, как увядающий куст дождя, встречи с Феней. Противоречивые, непонятные чувства и ощущения буквально раздирали его. Он расщеплялся, как старый дуб под ударами молний: по одну сторону — его закоснелая, с годами затвердевшая привычка к уединению, которая стала его образом жизни, его второй сущью; по другую — вспыхнувшая вдруг тяга к другому человеку, вечный, неистребимый зов Природы, который жил в нем, затаясь, будучи изначально его неотъемлемым естеством.

И самые несуразные и бредовые мысли приходили ему в голову. «Вот, если на Иванов день перелезть двенадцать плетней — желание исполнится, — вспомнилось ему дедовское поверье. — Да где их взять здесь, двенадцать плетней? Их и в Бельцах столь не насчитается. Не в поселке же, как козел, по огородам скакать...» Он покосился на маленькую закопченную иконку, притулившуюся в углу. И неожиданно устыдился. «Баловство все это!» — прикрикнул он на себя и досадливо отмахнулся от назойливых дум, да так, что Зинка испуганно отскочила к двери.

Как водится, на Аграфену Купальницу Касьян пошел наломать для банных утех веников. Своя банька, пусть и невелика, да мила была. Ему было в радость застелить пол душистой кошениной или наборной травкой, а веники из березы, ольхи, черемухи с добавлением липы были не в пример другим ему любви. И хотя за искомым далеко ходить надобности не было, вышел Касьян на дальнюю тропу, и ноги сами понесли его в сторону Бельцов. Его легкая корзина постепенно наполнялась пахучим разнотравьем: зверобоем, заячьей капусткой, иван-чаем, полынь-травой, душицей, папоротью, зяблицей... Зинка весело шныряла вправо и влево от тропы, не теряя Касьяна из виду. День был солнечный, припекало. Все дышало радостью жизни, ее первоначалием и предвкушением ее счастливого продолжения. Тропинка едва заметно устремилась вверх. «Пригорочек... Там, внизу, и родничок, — вспомнил Касьян. — Умыться-то в самый раз». На пригорке он остановился, чтобы полной грудью вдохнуть пряный, настоящий на хвое и лесных травах воздух. И вдруг услышал

тихий плеск воды. Взглянул вниз — и обомлел: в небольшом бочажке, образованном родником, по колено в воде стояла голая баба. Легко нагибаясь, она неспешно, почти задумчиво, черпала пригоршнями сверкающую золотом воду и, так же неспешно разжав ладони, позволяла ей падать прозрачными струями на грудь, живот, бедра. Ее гибкое тело каждый раз вздрагивало от их прикосновений — вода в бочажке была холодной. Мокрые волосы отдельными темными прядями змеились по спине и плечам. Вся ее фигура, облитая водой и солнцем, рельефно чеканилась и золотилась и казалась сотворенной из тонкого полупрозрачного фарфора.

«Худоба-то какая!» — поразился Касьян, но тут же, ошеломленный, замороженный и почти испуганный видением, потерял все мысли и только окаменело смотрел во все глаза, машинально придавив к земле большой заскорузлой ладонью подоспевшую Зинку. А через несколько мгновений он забыл и про Зинку, и та с лаем бросилась вниз, к роднику. Женщина испуганно ахнула, мигом подхватила одежду и, неловко прикрывая ею себя сзади, бросилась в ольшаник. И вот уже верхушки кустов обозначили ее немедленный побег, а Касьян все сидел в той же неловкой позе, на корточках. Зинка, полаяв еще немного, вернулась с чувством выполненного долга. «Дура ты, Зинка», — сказал ей Касьян, вставая. Он был обескуражен: это была Фенька-затворница. Весь его простой, устойчивый, понятный и выверенный во всех деталях мир в одночасье окончательно рухнул. Он вдруг остро, до шемящей боли в сердце, осознал свою дремучесть, внешнюю неприглядную сучковатость и обрыдлую хромоту. Только теперь он увидел себя глазами своих земляков, всех тех, кто его сторонился, боялся и не любил. И он обнаружил, что вовсе к этому не привык, а только заставлял себя так думать. В один миг он понял, что значит глухое бобыльное одиночество. И это было невыносимо.

Назад он шел тяжело, хромя более обычного, шел с пустыми руками — ему было уже не до веников. В ночь на Купалу не спалось, и он направился к болоту. Густой морок недвижно повис над его затаившимся пространством. На востоке сгустились тучи, синие всполохи беззвучно и коротко освещали край неба над дальней темной полоской леса. И так же безмолвно и таинственно вспыхивали бледные голубоватые огоньки на болоте, будто перебегая с места на место в какой-то неизвестной Касьяну логической взаимосвязи.

«Старичок-омутник спички изводит... или леший гуляет, — невесело усмехнулся он. Зрелище завораживало, но Касьян никак не мог отрешиться от мыслей о Фене, так неожиданно

и так притягательно открывшейся ему сегодня. — Не я ли тот леший, как люди сказывают? — изводил он себя. — Людей пугаю, никому не помогаю-ю...» И, задрвав голову, он вдруг коротко, по-звериному, взвыл, и на этот странный звук тьма откликнулась и замерла.

На следующий день, с утра пораньше, Касьян отправился в поселок, толкался там до полудня, но Феню увидеть не случилось. Все повторилось и в последующие дни. Как одержимый, он плел и плел ночами при свете керосинки непослушными уставшими пальцами корзины и короба — и для того, чтобы забыться, и для того, чтобы иметь повод сходить к сельмагу. В Бельцы, однако, не шел и мысли такой не допускал. Касьяну хотелось нечаянной встречи, хотелось, чтобы она сама пошла за ним, как тогда...

Прошло две седмицы, но Фени он так и не увидел. И эта ночь была бессонной. Он встал, разжег на гумне костер и принес из повети охапку ивняка. Еще ранней весной, до пробуждения древесных соков, нарезал Касьян в низине ивовых прутьев, долго парил их в кипящей воде, ошкурил, высушил и кинул в поветь. Теперь, чтобы прутки были послушными, требовалось ошпарить их еще раз. Как обычно, он уложил лозу в корыто и снял с костра ведро с кипящей водой, да, видно, не совсем ловко: вода из ведра выплеснулась. Боль ожгла всю ту же злосчастную левую ногу. Скинув опорки, Касьян, сморщившись, запрыгал на одной ноге по мягкой отаве. Эта неожиданная боль его отрезвила: «Вот шальной! Чего маюсь-то? Это Бог меня наказывает...» — вдруг опомнился он. Остатки воды Касьян в сердцах вылил в костер и ушел в избу.

И все вновь пошло своим чередом. Пробежали короткие воробьиные ночи с гулками громами и ливнями, вот уже к концу июля замолкли лесные птицы — задумались. Прошли Спасовки, рано, к третьему Спасу, начали отлет журавли — стало быть, на Покров морозно будет. Летят низко — зимовать студено придется, примечал Касьян. И тенетника много на бабье лето, и желуди с рябинами уродились — все к тому же. Подоспела клюквица — набрал полные одонья. За две ходки притащил на волокуше из поселка два мешка картошки и поставил в омшаник — подполья-то не было. После Воздвиженья нарезал плетей рябины с крупными, еще не тронутыми морозами ягодами. Часть ягод, по обычаю, оставил дроздам-рябинникам, снегирям-краснозобам и всякой другой птице. В избе под воронцом понавешивал душистых трав, а в коробах — грибной и ягодной сушеницы. А грибов-то за осень в заготпункт сдал столько, что даже грамотку от районного

начальства получил. Свою работу — и лесную, и домашнюю — делал Касьян механически, без прежнего радостного ощущения бытия, пребывая в каком-то неопределенном состоянии. И только укоренившееся крестьянское осознание — впереди зима, надо выжить — заставляло его привычно начинать и заканчивать день.

Наступило сухое, холодное предзимье. Пора было идти за продуктами в сельмаг, да заодно взглянуть, как там народ Октябрьскую революцию празднует.

В поселке былолюдно. Красные флаги горели на фоне бледного холодного неба. На пяточке у магазина играла гармоника, девки и бабы плясали и пели частушки; мужики, покуривая, стояли в сторонке. Нарядные, в чистых белых плахах и пестрых передниках, бабы судачили у входа.

— Сычихи-то, слышь, что-то не видать...

— Да была она, была наемни. На Казанскую.

— Так почто ее Сычихой-то кличут?

Речь шла о какой-то Сычихе, и Касьян хотел было уже уйти, но знакомое имя его остановило. Он прислушался.

— Не в себе она, Фенька-то. С войны еще. Ей, вишь, пришла похоронка на Федьку, на жениха ейного. Федька из нашенских был, из поселковых — работающий, видный... с усами, как казак. И свадьбу сыграть не успели. На Михайлов день собирались, да тут война. Федька с первых дней как ушел, так и сгинул. Семью-то их я хорошо знала, соседи были. А в Бельцах мужиков, почитай, всех на войне поубивало. Бабы с детишками сюды к нам перебрались... Чего там в трушобе с волками-то выть? Деревня и обезлюдела. Фенька только одна, как сыч, и осталась. Вот Сычихой да Затворницей и кличут ее у нас. С той поры так там и колупается, горемычная...

Касьян жадно впитывал каждое слово. Феня... Сычиха... Домой он шел, крепко задумавшись. Курил он редко, табак растил и сушил больше для охотников, а тут и сам скрутил самокрутку и долго сидел у затопленной печи, глядя в огонь. Зинка, устав дожидаться корма, свернулась калачиком рядом. Дребезжал и тренькал за печкой кузнечик. За стеной шумел под ветром сумеречный лес — снег накликал. Зима на пороге...

— Дак думаю я, Зинка, нас теперь трое, — вдруг сказал вслух Касьян. И, как бы оправдываясь перед Зинкой, добавил: — Лес, волки вокруг... А она, неудольная, одна-одинешенька. Помочь надобно. Баба ведь...

С той поры проторил Касьян дорожку к Бельцам и исправно, каждый четверг, а то и лишний раз в праздник, ходил к

дому Фени. Определить, в какой избе она живет, было нетрудно: и следы на виду, и дымок из трубы указывал. Ходил, таясь, избегая встречаться. Помогал, чем мог: и дров пона-таскивал, и припасы в тряпице на плетень подвешивал — и рыбицу запеченную, и грибов сушеных, и брусницы моченой... И лапотки сплел, изукрашенные вереском, и коробочки, и плетущечки махонькие... А раз — так купил в сельмаге ей ботинки, прикинув размер по ее следочкам. Жизнь Касьяна обретала смысл. Феня дары принимала по-королевски, без благодарностей. Иногда он видел, затаившись за деревьями, как она выходила к плетню, забирала подарки и подолгу смотрела в ту сторону, откуда приходил даритель. Но не звала, не искала.

Наступили настоящие зимние морозы. С Егория медведь в берлоге крепко засыпает, а волки жмутся к деревенским подворьям. Касьян волчьи следы вокруг Бельцов не раз видел, но самих серых не встречал, Бог миловал. Однажды на лыжне Зинка вдруг испуганно прижалась к его ногам. Касьян, насторожившись, взялся за ружье, но волки так и не показались. Их вой он часто слышал у зимовья, и потому Зинку в эту пору во дворе не оставлял, опасался.

Так оно и шло до самой весны: то вялица-метелица крутит-мутит, сумёты наметает, то ветра да дожди секут, то туман глаза застит, а Касьян, как на службу, все в Бельцы ходит.

Все оно и хорошо бы, да случилась тут беда: занемог Касьян.

За день до Василия Теплого, идучи из поселка, провалился с испревшей гати в болото — еле выбрался. Все хотел поправить, да голова-то другим была занята. И батога-то, на беду, не взял. Мокрым версты две шел домой. Василий хоть и теплый, но тепла в конце марта немного припас. Ах, Василий, Василий, болезней у тебя не просили... Видать, изрядно промерз Касьян. Баньку бы немедля затопить и насквозь прогреться, да пора было Фене маслица подкинуть. Право слово, на то и Плакун-болото, чтобы от него плакать. Возвращаясь из Бельцов, Касьян сильно изустал, и под вечер его охватил жар. Едва смог войти в избу — и чуть живым свалился в беспамятстве на полати. Зинка, оставшись за дверью, ждала хозяина два дня. И, не дождавшись, почуяв неладное, бросилась бежать по знакомой дороге в Бельцы. Как уж она там с Феней договаривались, неведомо. Но когда Касьян очнулся, то обнаружил, что изба натоплена, а в чисто промытые оконца проглядывает весеннее солнце. На столе, в поставцах — сушеная малина, моченые яблоки, в кувшине — рябиновый квас.

Кряхтя, он встал. В печи, за заслонкой, томились черные щи, на теплом припечке лежали сухари. На лавке была акку-

ратно сложена добротная безрукавка, сшитая из клетчатой шерстяной шали. На шестке он обнаружил чистые сухие портянки.

За дверью, тихо поскуливая, зацарапала лапой Зинка. Касьян распахнул дверь, жадно вдыхая весенний, пахнувший талым снегом воздух. «И собака вроде накормлена... Не иначе — она... Господи, да как же это? Сколь же я валялся-то? — Он подошел к замусоленному настенному календарю: листочки были оторваны и аккуратнo наколоты на гвоздик. Четыре дня! Сегодня было Благовещение. — Она... то-то мне грезилось — кто-то ходит, прохладой лоб освежает... — Касьян впервые за все годы своего лесного бобылья улыбнулся в бороду. — Баловство все это», — сказал он Зинке почти ласково и как-то конфузливо.

Потом он достал топор, долго точил его о брус, добываясь наибольшей остроты лезвия, тщательно опробовал его кончиком пальца. Нашел мутное, в подтеках и пятнах, зеркало и примостил его у окна в простенке. Косарем настрогал в плоску мыльной стружки, долил водицы, взбил клочком мха пену. Бритвы не было, но ножницы нашлись. И Касьян, скрючившись в неудобной позе, долго и мучительно сбрасывал топором уже остриженную бороду. Усы он оставил и тщательно подровнял их ножницами. Закончив непривычную работу, он умылся водой из бадьи и придиричиво глянул в зеркало: на него смотрело помолодевшее, почти незнакомое лицо с впалыми щеками, широким лбом и выпуклыми надбровьями, которому усы, как ему показалось, придавали бравый вид.

Стараясь хромать как можно незаметней, Касьян отправился приготовить баньку. Пока баня топилась, он намылил оставшейся пеной столешницу и начисто выскоблил ее ножом. Затем тряпичей с песочком вычистил во дворе самовар, обмыл, насухо вытер его и водрузил на стол. Блики солнца празднично заиграли на его округлых боках.

«Сегодня-то девка косы не плетет, птица гнезда не вьет, — вспомнилось ему. — Да-к я не девка, и птичьего во мне мало... Бог лешего простит». Он грустно усмехнулся.

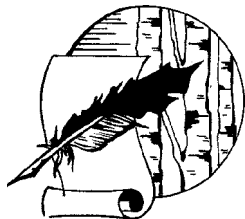
Через несколько часов Касьян, пропахший березовым и можжевеловым духом, в чистой холщовой рубаше и новых портах, сидел за столом и прихлебывал из блюдечка горячий чай.

Вечерело. Заря догорала долго и ровно, будто предвещающая что-то. Касьян снял с полатей свой тюфяк, на гумне вытряс старую солому на влажную, только что оттаявшую землю, чиркнул спичкой. Сухая подстилка горело споро, и Касьян

не в силах был оторвать глаз от истово пляшущего пламени: будто и в нем самом сгорало что-то испревшее, изношенное, так привычно обременявшее его все эти годы.

«Фенеюшка, значит...» — то ли сказал, то ли просто вздохнул Касьян.

Пора было идти спать, чтобы завтра встать подобру-поздорову. Лежа на свеженабитом тюфяке, Касьян долго слушал, как неутомимый сверчок пел да выговаривал: «Бродит Дрема возле дома, ходит Сон по сеням...» Но сон никак не приходил. Завтра... Никогда у него, за все время его бобыльной жизни, не было дела более значительного, волнующего и радостного, нежели ЗАВТРА...

Александр КУВАКИН

ЗОЛОТИТСЯ НИВА

* * *

Все песни позабыть. Все книги.
И все цитаты о труде.
В земной коре услышать сдвиги
И угадать по звуку, где

Гудит минута роковая,
Определяя на века
Закон, который воля злая
В жизнь воплотит наверняка.

* * *

Мне площадные зрелища чужды.
В течении лавинных демонстраций
И в митингах волнующихся наций
Присутствуют всегда свои вожди.

И даже там, где демократов сход
Копает яму власти бюрократов,
Мечтая жизнь устроить, словно в Штатах,
Незримо тень диктатора встает.

Пророк без чести в городе моем.
Пророк без чести. И одна отрада —
Сбежать в конец заброшенного сада
И с небом разговаривать...

* * *

Без пафоса. И без надрыва.
А просто — золотится
нива.

Да!

Край — убог.

И дик — народ.

И путь прогресса вышел криво.

Но все же —

золотится

нива

И голубеет

неба

свод.

* * *

Н.

Заводили пластинку и слушали.

И смотрели друг другу в глаза.

Звуки наш разговор не нарушили —

Заменили собой голоса.

И, томима неясной тревогою,

Нерешительно ты поднялась,

И глухою, ночною дорогою

Побрела в глубину моих глаз.

ГОЛОЛЕДИЦА

С. Гудкову

Ступают ноги неуверенно —

где был асфальт, сегодня — лед.

Где было точно все проверено —

сегодня кто-то упадет.

По неизвестности идешь

И равновесие непрочное —

Не ведаешь, не знаешь точно

Когда и где ты упадешь.

* * *

Гаснет рампа, и воздух становится глух.

Растворяется зритель в пространстве ночном.

Воеет вьюга снаружи как раненый дух,
и театр забывается временным сном.
Тихо так, что прислушайся — и в тишине
только времени шорох да мышья возня,
да горячечный шепот о скорой весне
слышен из-за кулис, где ночует сквозняк.
А от кресел партера, что дремлют сейчас,
ток дыханья исходит и к сцене течет —
он наполнен энергией взрывчатых фраз,
он обратной волной их из зала несет.
И на сцене, где воздух устало молчит,
где сейчас пустота, где темнеет провал,
ниоткуда журчать начинают ручьи,
ниоткуда шуметь начинает вокзал.
Ниоткуда мучительный возглас весны
исторгает толпу, броневик, Петроград,
над которыми носятся вещие сны,
над которыми звезды безумно горят.
И безумная прыть начинает свой бег,
раздвигается сцена и видно в ночи,
как, отринув Христа, начинается век,
как народ о победе свободы кричит.

Андрей РЕБРОВ

ПЧЕЛИНЫЕ ВЕСИ

НА БРАНЬ ПОСЛЕДНЮЮ...

*Преосвященнейшему Константину
Епископу Тихвинскому*

Золотилось небо спелой рожью,
А в полях синели васильки.
Шел монах сумняшеся ничтоже
Вековой тропой и кулики
Щебетали в долах васильковых
Под ржаною вязью облаков.

И лучилась к полю Куликову
Тропка летописною строкой.

Шел чернец строкой незавершенной,
Посох предержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.

А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов,
Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук щитов,
Посвист пуль, звучащий, словно эхо
Впившихся в простор ордынских стрел,
Лязг проклятых танковых доспехов,
Трубный гуд страстных монастырей.

Шел монах без устали и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копьё.

* * *

...безродный лепет
князь великий Дмитрий
не разобрал бы в той жестокой сече...

Ю. Шестаков

ЗАСАДНЫЙ ПОЛК

Взбранила поле речевое
Иноязычных рыков рать.
И силы нет стихи слагать...
Лишь слово древнее, живое —
Потомкам русичей под стать.

Его реченье вечевое
Созвучно рокоту реки.
А за чертой береговой —
Как прежде — вражьи полки.

И говор чуждый то и дело
Сечет,
течет издалека,
И помутнела, побледнела
Река родного языка.

Но вновь,
 сплоченные молитвой,
Как древнерусские войска,
Стремятся буквы в даль листка...
И полнокровная строка —
Сродни Непрядве после битвы.

* * *

Хоть ран моих срослись края
И нет рубцов на коже. —
Вся в синяках душа моя,
Синей небес погожих.

Знать и прадедовы глаза
Синели с той же силой,
Когда вздымал под небеса
Он ворога на вилах.

И не от тех ли встречных лиц,
В блокадной мгле синевших,
Из отчих теплился зениц
Заветный свет нездешний?

И полыхает синевой
Сыновний взор бесстрашный...
Небесный огонь Руси Святой —
В очах и душах наших.

ЗОРКАЯ СВЕЧА

Пронзают сумрак зоркие лучи,
Светло глядящей в зеркало свечи.

И, слившись с отражением ее,
Мой долгий взор лучится в Бытие,

Где ныне я... Мой род запечатлен
В необозримом зеркале времен.

И я, как в вешем полузабытьи,
Глазами внуков зрю в глаза свои,

Из глубины которых на меня
Взирают предки — горняя родня.

* * *

Месяц речной — все взрослее и строже...
Веет бессмертьем от звездной воды.
Юность ушла... И за лунной дорожкой —
Свежие звезды — как чьи-то следы.

Время течет... Но о Вечности мысля,
Долго гляжу я, как в детстве, с мостка —
В воды реки, углубленные высью,
И ощущаю: как юность близка...

НА РЕКЕ

На левом берегу — туман густой.
А правый берег — дальний и крутой;
Направлю челн — туда, где с высотой
Ночных небес, заполненных водой,
Слились уже светящиеся дали...
И может, в невечерней жизни той,
Когда-нибудь к Безбрежности причалю...

* * *

В долгом омуте метели
Тонет черная река.
К часу пушкинской дуэли
Нет ни брода, ни мостка...

Только белая пучина
Стонет, словно человек.
Только ягоды рябины
Тихо капают на снег.

Только вдруг, заколыхавшись,
Щелкнет ветка у виска,
Будто выстрел, прозвучавший
Сквозь метельные века.

ПРЕД МОГИЛОЙ ПУШКИНА

Просветлел небосвод на востоке,
Источилась луна над жнивьем.
У горы пред могилой высокой
Постою — между ночью и днем.

В этот час сокровенный, эфирный,
Схожий с тонкой реальностью сна,
В чутком сердце — по-ангельски мирно
Совмещаются времена.

И тогда сердцу слышится — где-то
В горной рощице стук посошка,
И смиренная поступь поэта,
И ее вольный отзвук в веках.

И парят над стернею осенней,
И зовут в ночедневной тиши
Светлокрылые строфы — к спасенью,
А не к грешной свободе души.

НА ПАСЕКЕ

Увяла заря в поднебесье,
И в долах, устав от жары,
Спят сладко пчелиные веси,
Тая в тесных ульях миры,

Дрожит остывающий воздух,
И в струях душистых его
Роятся мохнатые звезды
Над сочной травой луговой,

Где, свежей небесной прохладой
Цедясь от мирских катастроф,
Душа исполняется ладом
Великих и малых миров.

* * *

Снова бреду по весеннему саду,
Глядя на стылые хляби пруда:
И прилипает к пытливому взгляду
Сочное тесто размякшего льда.

Вот прилетел ко гнездовью родному
С вербную крошкой в клюве кулик.
И возвращаюсь я мысленно к дому,
К маме, творящей пасхальный кулич.

ПЫЛАЮЩИЙ КАМЕНЬ

БАЛЛАДА

Бродит странник по земле,
Бросив тень по солнцу:
От зари идет к заре,
От окна — к оконцу...

Неторопкий, и едва
Не гремит костями,
И пропахла борода
Ветром и дождями.

Ходит, ходит — там и тут
Милостыню просит:
Где напиться подадут,
Где — копейку бросят.

Кто, откуда и куда —
Да какое дело...
Ни зарубки, ни следа,
Лишь душа и тело...

По дорогам между сел,
По чужому краю,
Долго ль, коротко ль он шел —
Я и сам не знаю.

Но среди густых ветвей,
Ненароком, в логе
Встретил он лихих людей
На большой дороге.

И его со всех сторон
Обступили тати:
«Стой, старик! Хоть не барон,
Но и ты нам кстати.

Пропадать — так не за грош,
Так что не досадуй:
Покажи, чего несешь,
Удиви, порадууй...»

Глянул дед из-под руки,
Посмотрел на лица:
«Верно, есть для вас, сынки,
У меня вещица.

Так, игрушка, пустячок,
Камешек багровый...
Мне такой — едва ли впрок;
Вы ж — народ бедовый.

Я для вас со всей душой
Сделаю поблажку...» —
«Покажи, — сказал старшой, —
Нам свою стекляшку...»

И по пальцам восковым
Пламя пробежало:
Знать, и впрямь расстаться с ним
Старому пристало.

«Этот камень не по мне,
Хоть ношу в кармане:
Вишь — на каждой стороне
Огненные грани.

Только две их — жизнь и смерть —
Со своей заботой.
На — коль хочешь заиметь,
Я отдам с охотой...»

Камень искрами сгорал —
И, нещадно долог,
Свет по-разному играл
На холодных долях;

Пропадал, не видя дна,
Лишь коснувшись края:
Темной грань была одна
И светлей — другая.

Подивился атаман,
Потирая руки:
«Не затлелся бы карман
От подобной штуки!

Грех не взять такой калым
Легкою победой...

Но тебя мы порешим,
Старый: не посетуй...»

Помрачнел землистый лик
Тихого скитальца,
И отдал добро старик
В скрюченные пальцы.

Тотчас словно легкий зной
Прокатил по лугу:
Светлой выпал стороной
Камешек на руку.

Всплыло зарево вдали,
Ярко розовея,
И, казалось, подросли
Травы и деревья.

Вихрь прошел рывком, вразброд
Закачались ветки...
И притих лесной народ,
Нос держа по ветру.

Ждали... Капала смола
В пыль, подобно зелью,
И разверзлася земля
Под высокой елью:

Из провала встал купец
В плесени и прахе,
Сжав сочащийся рубец
На своей рубахе.

Следом — черный, но живой
Дьяк поднялся шатко,
Перебитой головой
Дергая с устатку...

Камень жег, и чем сильнее
Он мерцал под взглядом,
Тем все более теней
Появлялось рядом.

С разных ям, куда ни глянь —
Из глуши, с окраин —

Шли служивый и цыган,
Нищий и крестьянин.

Встали все, кого смогли
Приютить поляны,
И легла роса смолы
На сырые раны.

И почти что ветер стих,
А старик — как сгинул...
Быстрым взглядом всех своих
Атаман окинул:

Плохо дело... Те, крестьясь,
Что-то бормотали;
Озираясь, суетсяь,
Но ножи достали...

И тогда, сжимая кол,
Сам — хмельной, как брага,
К ним вплотную подошел
Висельник-бродяга —

Загудел, захохотал
Сипло, без печали:
«Все, что было, я отдал...
Для чего подняли?..

Не насытились во зле,
Ищите уловки...» —
И тянулись по земле
Вслед за ним веревки.

И плотней сомкнулись лбы,
Плечи — и по кругу:
«Все отдали...» — из толпы
Вторили друг другу.

И пошли в зловещий пляс
Мертвые по травке,
И округа затряслась
В хохоте и давке.

Закружилось, понеслось —
И, объятый страхом,

Кто-то крикнул: «Камень брось!
Брось его, к собакам!..»

Извернулся уголек,
Прочертил кривую,
Стороною темной лег
На руку крутую.

И совсем погас закат,
Словно с неохотой
Преклонился лес, объят
Сонною дремотой.

И во тьме, хоть глаз коли,
Чуя запах крови,
Приподнялись от земли
Белые покровы.

И сквозь них лицо как дым
Вылезло наружу
И беззубым ртом своим
Выдохнуло стужу,

Заходило, затряслось,
Шепотом запело:
«Наконец-то мне нашлось
Стоящее дело...»

Замер пан, отпрянул смерд,
И чернее ночи
Опустила долу смерть
Медленные очи.

И шептала: «Хоть убей,
Но, как старой стала,
Никого я из людей
Дважды не ласкала...»

И с покорностью тупой,
С охладевшим пылом,
Все пошли, пошли толпой
По своим могилам.

И — бледнее, чем туман,
Сглатывая горечь,

Засмеялся атаман,
Засмеялся в голос;

Гнал отставших, кто едва
Поспевал за всеми:
«Прочь подите, голытьба,
Дьявольское семя!...»

Сотоварищи его
Прибодрились малость —
Но сморила одного
Смертная усталость.

И второй, давясь, хватал
Воздух — и, кося,
Как подрубленный упал,
Сдавливая шею.

И еще, еще за ним —
Корчились и стыли,
И вокруг белесый дым
Ветры постелили.

И шатался, как бурьян
На пологом склоне,
Уцелевший атаман
С камнем на ладони.

И пока клубилась мгла
Мороком и бредом,
Он предал земле тела
И ушел с рассветом...

Бродит странник по земле,
Бросив тень по солнцу,
От зари идет к заре,
От окна — к оконцу...

В СВЕТЕ НЕРУШИМОГО КРЕСТА

* * *

Помолюсь на тощую равнину,
Что уперлась ниткой в горизонт.
Клирос неба — голос журавлиный —
Знать, душа наладилась в полет!

И не давят мелочные были,
И не бьет под ребра ветер встреч —
Только шорох трав да вой ковылий,
Да простора благостная речь:

«Все б парить тебе в греховном сраме,
Вместо чтоб — припасть к святым дарам,
Вместо чтоб — покаяться во Храме...»
Я спрошу: «А это ли не Храм?»»

Я на зорьке углядел сегодня
Плач ромашек на лугов подол...
Вся Россия — истина Господня,
Вся Россия — божеский Престол!

Как же не парить над чудом этим,
Как же не молиться в эту ширь?
Мне Отчизна — песня в этом свете,
Мне Христос Спаситель — поводырь!

И по василькам, и с песней шалой
Спас ведет, Он к нам душой приник.
Мне сказал один неглупый малый,
Что вообще-то русский Он мужик!

Он в ромашках, в песне журавлиной
Белой веры держит старый фронт...
Помолюсь на тощую равнину,
Что уперлась ниткой в горизонт.

Помолюсь, сложу крыла и прямо
Попылю проселком — сбоку грусть:
«Ну, скажи, раз ты такой упрямый,
Что есть Бог?» И я отвечу: «Русь!»

А над Тумой Покров обозначился,
Одеялом лоскутных небес,
И душа его зорькою прячется
В изумрудный задумчивый лес.

А окрест по умытой по травушке
Вьются тропки — свежо и легко —
И шагают с Киряева бабушки
На базар, продавать молоко.

Не по нраву неона безбрежие,
Свистопляски больших городов —
Мне дороже и ближе по-прежнему
Водомуть карасиных прудов.

Там лягушечье пенье стогласное,
Как прелюдия к новому дню,
Как из детства святое причастие,
Что тогда полюбил и люблю.

И бродил, и в сиреновой свежести
Задыхался и знал наперед,
Что с такой же любовью и нежностью
Кто-то юный сюда же придет.

И за Троицын купол упрячется
Мое детство: и травы, и лес...
А над Тумой Покров обозначится
Одеялом лоскутных небес...

ЕСЕНИНУ

Стоишь над Русью — душу настезь,
И руки настезь — в струнах жил!
Вот так, расплескивая счастье,
Ты жил и пел, и пел как жил!

Что суть времен? Вот эти руки...
В них боль надежд — воспел, как мог...
Тебя же оболгали, суки,
И обокрали, под шумок.

Но у кого надежд не крали,
Кого не драли невзначай?
Ты, пьян от жизни, не вчера ли
Ко мне захаживал на чай?

Есенин! Знаешь, не печалюсь,
Что одиночеством оброс...
Но если с кем еще общаюсь,
То это, кажется, Христос...

Но чаще ты. Куда ж без хлеба,
Без косогора, без берез?
Куда ж без серенького неба,
Уж коли в эту землю врос?!

А тут крадут и рвут на части!
А ты, крестом на небеси,
Стоишь над Русью — душу настаешь, —
И ходишь, ходишь по Руси!

* * *

Мягко мох, а то и шибко тряско —
Тут тебе и благо, тут и мрак...
Шел Христос болотиною ряской
То ль по клюкву, то ли просто так.

Размышлял о воле этой грешной...
Только воли вовсе не спрося,
Посошок самшитовый, нездешний
Подо мхом во что-то уперся.

«Что же эта злая зелень кроет?
Глухо — ни сторожки, ни огня!
То ли шлем побитого героя,
То ли череп княжьего коня?»

Черпал воду, но примет не видел,
Криком крикнул — тишина окрест!
И согнувшись в третью аж погибель
Поднял из болота тяжкий крест...

Поднял! И призвав на помощь небо —
Жилы — в звон со всех что было сил, —
Сам по глотку погружаясь в небьель,
Этот крест во мшину возложил!

У сосны прилег — сморило что-то —
Так устал, что не поднять перста...
И живут мещёрские болота
В свете нерушимого креста...

Юрий ПЕРМИНОВ

НА РОДНЫХ СКВОЗНЯКАХ

* * *

С утра легко втекает в сердце горнее
свечение — быть может, потому
что я живу в родном и тихом городе,
где смерть свою неожиданную приму,
где ем свой хлеб, где ветер высоко мою
взметнул судьбу, а выше — не дано.
Где женщину, пока что незнакомую,
мне полюбить навеки суждено.

* * *

Сохранила бабушкина улица
только имя... Не из-за морей
я вернулся! — Детство не заблудится
в закоулках памяти моей
никогда...

Из Царствия Небесного
бабушка по улице ведет
внука...

Но меня — уже не местного —
ни одна душа не узнает.

Старый тополь — здравствуй, друг! — сутулится:
облепило тополь воронье...

Млечный Путь мой — бабушкина улица,
имя сохранившая свое.

* * *

Старик всегда встает еще до солнышка —
со вздохом, замирающим в устах.
Живет один: друзья его

и женушка —
лебедушка — давно на небесах.

Растил детей, да где они? Отечеству
служил,
греха не ведал за собой...

Не охладел он сердцем к человечеству,
но люди в целом — кажутся толпой.

И, выбрав жизнь по дням-крупичам дочиста,
еще идет он, старче, по тропе
судьбы немолчной...

Чувство одиночества
острее ощущается в толпе.

* * *

Тает бледная луна,
как брикет пломбира...

Магазинчик «Мир вина»
на проспекте Мира
ждет похмельных мужиков
с мутными глазами,
виноватых...

Мир таков,
каковы мы сами.

* * *

Сон плохой приснился... Непонятный —
страшный, без начала и конца...
До утра — встревоженный, помятый,
бледный, словно изморозь, с лица —
отгонял табачным дымом страхи...

Пожалел —
как сон переживу? —
что малы мне батины рубахи,
в мамином висящие шкафу..

* * *

Поселок мой ночными дышит снами,
не слышно никакого воронья.
С бессмертными родными небесами
сливается окраина моя.

Полночный свет расходится кругами —
Господь рассыпал звездную крупу...

Земли не ощущая под ногами,
не выйти на небесную тропу.

* * *

С чего приуныл, гастарбайтер? Похоже, на шее — семья,

а семья — это, в целом, почти что кишлак...

С таким вот Наврузом — давно это было — в траншее курили на пару мы горький солдатский табак.

Давно это было, но — было...

Сейчас бедолагу

почти не узнать...

Неужели — тот самый Навруз?

Не ты ли со мной — русаком — принимая присягу, поклялся — Джафар? — защищать нерушимый Союз республик свободных?..

Сейчас ты об этом не вспомнишь...

Кем стали — к чему нам утаивать шило в мешке? — присягу нарушив? — Ты — «чурка»,

я — «русская сволишь»...

Но... нечего делать, Навруз, мне в твоём кишлаке...

* * *

Из Сибири в солнечную Азию улетають пасмурно скворцы...

Мама заготавливает на зиму перцы, помидоры, огурцы...

— Солнышко мое, не беспокойся, не надо, коль неможется...

Она

говорит:

— Да следующей осени доживу, сыночек мой, —

должна! —

чтобы снова к зимушке готовиться...

Выбелит опавшую листву изморозь под окнами...

Бессонница...

— Доживу, сыночек, доживу...

* * *

Чем жив, осенний добрый город мой?...
Рекламными щитами, словно пятками,
сверкает он, торгует шаурмой,
бессменными китайскими манатками.

Чем жив-здоров, немалый город наш?..
Из-за прилавка уличного
ляжками

шалавы
восторгается алкаш,
как папуас блестящими стекляшками.

Чем жив, родной, вчерашний город-сад,
в ненастье пребывающий обыденно?..
Безропотный недужный листопад
по улицам слоняется невидимо...

В толпе — игра «А ну-ка, отними!»,
не важно: есть ли
«жизнь» в карманах,
пусто ли...

Чем жив, чем... болен город мой? — Детьми
своими — горожанами.
Без устали.

* * *

Покидаю свой город — с дорожной сумой, налегке ли,
лишь бы доброй дорога, несуетной, верной была —
неизменно легко: на бездомные дни
и недели
без родных сквозняков и родного до боли тепла.

Уезжаю легко — лишь бы думам дорога внимала —
потому что вернусь
в свой натопленный памятью кров,
потому что тепла мне родного хватает, но мало...
мало русскому сердцу
безмерных
родных сквозняков.

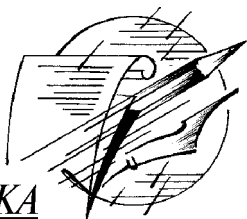
ПЛАВНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ

Конечно, анализировать ситуацию со стороны и критиковать легче, чем принимать решение в условиях некоторой неопределенности. Но, тем не менее, некоторые вещи, которые наши финансисты и экономисты считают своими достижениями, признать таковыми, даже при всем желании, никак не удастся.

Так, одним из наших достижений продекларирована «плавная девальвация» рубля — в отличие от обвала 1998 года и в отличие от того, что произошло сейчас в некоторых других странах. Но позвольте, что и с чем сравниваем?

Десять лет назад, в 1998 году, наше правительство объявило дефолт по своим обязательствам — никакой плавности и никаких элементов управляемости после этого уже в принципе не могло быть. Но разве осенью 2008 года произошел какой-либо дефолт? Разве у России, как государства, вообще были какие-либо обязательства, которые она вдруг не смогла выполнить? Нет, таких обязательств не было. А значит, и не было ни малейших оснований для дефолта и... резкого снижения курса национальной валюты.

А какие же были основания для снижения курса национальной валюты в 2009 году?

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Нам говорят, что снижение курса рубля полезно, так как оно улучшит позиции наших товаров на внутреннем и мировом рынках. Да, это верно, но не всегда. То есть формально экономически — почти всегда. С точки же зрения более или менее рациональной экономики необходимо разделять два принципиально разных случая. Один случай — когда более или менее высокотехнологичная продукция при снижении курса национальной валюты становится конкурентоспособной, без такового же — неконкурентоспособна, что ведет к закрытию предприятий, увольнению работников, потере, возможно, целого сектора национальной экономики. И совсем другой случай — когда то или иное сырье, заведомо всегда востребованное мировым рынком, просто испытывает колебания в цене на мировом рынке, да еще и при том, что запас по себестоимости добычи этого сырья таков, что при рациональном изменении внутренних налогов и пошлин ни о каком закрытии предприятий и увольнении работников и речи быть не может; в этом случае речь исключительно о том, чтобы при снижении курса национальной валюты увеличить доходы и прибыли собственников сырьевых предприятий. Увеличить за счет чего? Понятно — за счет радикального снижения уровня жизни работников этих предприятий, военнослужащих, бюджетников и всех вообще, кто получает зарплату в своей национальной валюте. Мы, конечно, за собственников предприятий рады, и отдельное спасибо за то, что нас приговорили «плавно», но суть операции и ее результата ведь от того не меняется: на свои деньги, на свои прежние зарплаты мы теперь лекарств и целого ряда других жизненно необходимых товаров можем купить в полтора раза меньше. И пока это — единственный реальный результат.

Придворные аналитики и экономисты нам объясняют, что курс нашей национальной валюты — это некоторый естественный показатель, зависящий напрямую от стоимости нефти на мировом рынке. Вот если среднегодовая цена будет такая, то и курс, считайте, вот такой, а если цена иная, то и курс иной. То есть спрашивать не с кого, процесс от человеческой воли не зависящий. Но ведь на самом деле и это, мягко говоря, лукавство.

Не существует никакой объективной зависимости курса национальной валюты от стоимости на мировом рынке того или иного экспортного товара. Но существует зависимость другая: между объемом имеющихся финансовых обязательств и объемом поступлений финансовых средств. Мне скажут: «Так вот, это оно самое и есть!» Есть, но не совсем «оно самое».

Прежде всего, надо четко и однозначно разделить финансовые обязательства государства и коммерческих компаний.

Финансовые обязательства государства, конечно, вещь важная. И разрыв между их объемом и объемом поступающих в бюджет финансовых средств — явление неприятное. Но какой вывод должен проистекать из угрозы возникновения такого разрыва? Прежде всего переоценка самого объема этих обязательств: выполнение каких из них жизненно необходимо, причем именно в краткосрочной перспективе? Понятно, что это относится к обязательствам социальным и военно-стратегическим. И какие из них также важны, но могут быть реализованы позже, по мере улучшения ситуации, а какие и вообще могут быть сравнительно безболезненно исключены из числа обязательств. Плюс в запасе есть механизм секвестирования бюджета — пропорционального ограничения расходов в случае, если даже и на пересмотренные и разумно сокращенные бюджеты средств не будет хватать. Сделан ли этот вывод, проведена ли соответствующая работа? Вывод как будто делается, бюджеты начали пересматривать, но только вот что характерно: за пересмотр обязательств взялись лишь тогда, когда «плавную девальвацию» национальной валюты в полтора раза уже осуществили. То есть пересмотр государственных обязательств не как основная мера — вместо снижения покупательной способности национальной валюты, но как дополнение к уже осуществленной «плавной девальвации». Но чего тогда стоят красивые заявления о том, что все социальные обязательства будут, безусловно, выполнены? Выполнены-то они, если и будут, то в номинальном выражении — в рублях, полегчавших уже по своей покупательной способности в полтора раза. Значит, и лекарств на эти рубли наши пенсионеры и другие социально уязвимые категории граждан смогут купить в полтора раза меньше... То есть обездоленные категории граждан все равно — самая страдающая сторона. Им снижение курса национальной валюты никак не помогло, но обесценило обещанную им «стабильность» социальных обязательств государства.

Так, может быть, изначально не в финансовых обязательствах государства перед гражданами была проблема, а чем-то другом?

Конечно, есть еще и обязательства корпораций — перед кредиторами, преимущественно зарубежными, причем, обязательства, номинированные не в рублях, а в валюте. Конечно, напрямую к государству эти обязательства отношения не

имеют. И мы с вами, простые граждане, формально юридически по ним не отвечаем. Но вот ведь что интересно. После очередных парламентских выборов наша власть очень гордилась тем, что полностью рассчиталась по внешним долгам государства и плюс сумела накопить необъятные «подушки безопасности». Критики же финансово-экономического курса нашей власти, включая и автора этих строк, утверждали, что эта промежуточная победа — пиррова. И напоминали, что объем внешних долгов, набранных нашими корпорациями, в точности совпадает с объемом хваленой «подушки безопасности», причем «подушки» в расширенном понимании, то есть, включая даже и все наши необъятные (казалось бы) золотовалютные резервы. И предупреждали, что случись что, государство вынуждено будет расходовать эти самые наши общенациональные резервы, которыми мы так гордимся, на помощь... частным компаниям. И теперь уже очевидно, кто оказался прав.

Более того, с учетом того, что все эти замечательные «резервы» — не более чем изъятое из национальной экономики и временно замененное на иностранные кредиты. Понятно, что на расплату с кредиторами с учетом ежегодной потери на процентах этих резервов не хватит. Выход — тот, что мы озвучили выше: обесценить национальную валюту с тем, чтобы дать возможность собственникам сырьевых корпораций иметь большую разницу между внешними доходами и внутренними расходами и таким образом рассчитаться с кредиторами и остаться на плаву, не отказывая себе ни в чем, включая абсурдные проекты типа разрушения исторического облика Петербурга с помощью супернебоскреба, а также не продавая свою недвижимость на Лазурном берегу во Франции и в престижных окрестностях Лондона...

Таким образом связь между ценой на нефть на мировом рынке и курсом нашей национальной валюты, конечно, есть. Но только это не некая естественная связь, демонстрирующая себя самостоятельно, без вмешательства человека, а связь сугубо синтетическая, рассчитанная конкретными людьми в их столь же конкретных финансовых интересах и обеспечиваемая не «невидимой рукой» финансового рынка, а рукой вполне видимой — нашего Центрального банка и правительства.

Но те же придворные экономисты и аналитики нам разъясняют, что, мол, раньше Центральный банк вынужден был расходовать золотовалютные резервы на поддержание курса рубля, который был «искусственно завышен», но зато теперь рубль в своем падении достигнет некоего «естественного по-

ложения», после чего «искусственно» поддерживать его Центробанку уже не будет нужды. Звучит убедительно — так, как будто бы существуют некие объективные веса, на которых взвешиваются мировые валюты, по результатам чего устанавливается их объективный курс (а раз все это объективно, то и винить в происходящем, получается, некого — только успевай кланяться и благодарить родную власть за то, что осуществила падение рубля плавно). Но это-то — абсолютная и весьма целенаправленно внедряемая в наше сознание неправда.

Действительно, в период интенсивного оборота денег, в период экономического развития и стабильно работающих производств и торговли, в некотором приближении можно утверждать, что различные валюты стремятся к некоторым равновесным курсам между собой — в зависимости от того, что на них реально можно купить. Но в период кризиса, когда оборот денег резко замедлился, когда, по возможности, никто ничего не покупает, а все стремятся свои накопления как-то сберечь, валюты начинают оцениваться прежде всего не по тому, что на них можно купить, но по тому, каково сугубо психологическое ожидание возможности в них что-то сберечь, не потеряв на будущем падении этих валют по сравнению с валютами иными.

Парадокс: нынешний кризис был запущен обрушением виртуальной экономики — той, в которой обязательства, накрученные на обязательства, являвшиеся, в свою очередь, производными от каких-то иных обязательств, без каких-либо оснований признавались высоко надежными и ликвидными. Этот пузырь лопнул. Но что возникло на его месте?

Единственное, что пока можно констатировать — это еще больший пузырь из валют (прежде всего, американской), не имеющих под собой в нынешних объемах никакого материального обеспечения, но ценность которых обеспечена исключительно психологическими ожиданиями. Причем ожиданиями не позитивными — что эти валюты надежные, но исключительно негативными — что все остальное еще менее надежно...

Что в преддверии этой очевидно назревавшей ситуации сделала Россия — ее финансово-экономические власти? Целенаправленно вложила часть «резервов» в... обрушение своей же национальной валюты, а затем, без каких-либо объективных тому оснований, без усталости стала предупреждать предпринимателей и население о грядущей «плавной девальвации» — устами самого председателя Центрального банка страны (невиданное в мире дело!). А когда процесс был

запущен, когда все, у кого на руках были рубли, включились в игру под названием «меняем временные талоны на настоящие деньги», каковы могут быть психологические ожидания в отношении надежности этих «талон» — наших российских рублей?

Почему все последние годы до кризиса вопрос о массовых неплатежах и невыплатах (длительных задержках) зарплаты работникам как-то отошел на второй план? Просто в условиях относительной стабильности национальной валюты эти игры тогда перестали быть сверхвыгодными. Но сейчас — другие времена. Что там пени и штрафы в размере, например, одной триста шестьдесят пятой от ставки Центробанка за каждый день просрочки, если, удерживая средства в валюте, можно за два-три дня «наварить» годовую ставку? Экономика, в которой платежная дисциплина — важнейшая составляющая, опять развалена. И кому не платят наши супермонополисты в первую очередь? Разумеется, нашим же малым высокотехнологичным предприятиям, вынуждая их погибать или продаваться за рубеж. Национальная экономика опять разрушена, причем не мировым кризисом, а исключительно своими собственными руками.

Результат можно описывать в цифрах статистики, а можно и на ярких примерах. Кто-то, кажется, говорил, что мы намерены поддерживать отечественные высокие технологии. Прекрасно. Но, по информации НО «Союзнефтегазсервис», очередное наше высокотехнологичное предприятие — производитель алюминиевых труб для бурения, имевшее все международные сертификаты, недавно вынуждено было продать одну из крупнейших транснациональных корпораций. Все, этой технологии у нас больше нет.

А что есть? Предмет особой гордости — «плавная девальвация».

ВИЗА В ПУЧИНУ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

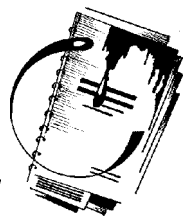
США. СЕНТЯБРЬ 1994 г.
ЛЕЙТЕНАНТ ТОМАС СТЕНМАРК

Секретный лагерь американских спецслужб прятался в горной низине. В первый день стажировки Томас наслаждался буйством красок дикой природы. За скалистой стеной начиналась пустыня. В солнечной круговерти песчаные просторы искрились белизной и резали глаза. Ему казалось, что пустыня утопала в снежной накипи. В Стокгольме, как сообщила по телефону жена, выпал настоящий снег. А тут, у границ Мексики, — коловращение жары и духоты.

Вскоре этот контрастный калейдоскоп тропической флоры уже не вызывал восхищение — ему по горло надоели непривычный зной, липкие колючки, оседающие на тело, и непрерывная армейская муштра. Он с нетерпением считал дни, когда же, наконец, закончится этот суровый экзамен на чужбине. Правда, спасение от гнуса и колючек, песчаных смерчей и жаркого солнца было в глубинах океана, где он, офицер спецгруппы подводного плавания самой секретной организации в военном ведомстве Швеции «KSI», проводил многие часы вместе с американскими коллегами. Его вывозили к затопленным кораблям времен войны, в гроты и лагуны, где он облазил трюмы и скалистые места, выполняя задание капитана Мигеля Нортона.

Продолжение. Начало в №1-2 за 2009 г.

ДОСЬЕ "МГ"

Сейчас тот неподвижно сидел в тени тента, массивный и молчаливый, напоминая гранитную глыбу. Томасу казалось, что этого крупного человека природа очертила неким однообразием — все в нем было какое-то угловатое и квадратное — лоб, широкий подбородок, плечи. Под черной копной кучерявых волос блестели узкие глаза, которые частенько грустно созерцали горную цепь, разделяющую США и Мексику.

— Чего это наш командир, как мне кажется, с грустью смотрит на горные вершины? — спросил как-то Томас сержанта Пака.

— Наверное, потому, — поведал тот, — что где-то там, за горным перевалом, прошло его счастливое детство. Отец окончил университет в Чикаго и приехал в небольшой мексиканский городок преподавать английский язык. Влюбился в местную учительницу истории и не вернулся в Штаты. Когда Мигелю исполнилось девять лет, родители погибли в автокатастрофе, и воспитывал его дядя, кадровый военный, который определил юного племянника в армейскую школу. Вот почему он с грустью и подолгу смотрит на пограничный хребет...

Капитан встрепнулся, взглянул на часы и проговорил:

— Сержант, готовь машину. Выезжаем через двадцать минут.

— Куда? — поинтересовался Томас.

Нортон хотел что-то сказать, но лишь махнул рукой и удалился. У Томаса сложилось впечатление, что его командир считает великим грехом лишний раз открыть рот. Тяжелый, неподвижный взгляд, плотно сжатые челюсти и паутинки морщин в уголках губ отнюдь не свидетельствуют о словоохотливости. У дощатого домика, где размещался оперативный дежурный, капитан обернулся и пояснил:

— Лейтенант, я вам покажу изумительную подводную пещеру. Готовьте свое снаряжение.

— Далеко эта пещера?

Вместо ответа командир тронул ручку двери и скрылся внутри домика.

— Твой шеф словоохотливостью не отличается, — Томас взглянул на сержанта.

— Он был легионером.

— Чем же солдаты легиона отличаются от нас?

— Многим. Они заключают кабальный договор и отправляются в самые горячие точки мира, сознавая, что в любую минуту могут погибнуть. Нортон воевал в Африке, на арабском континенте, словом, прошел сквозь огонь, воду и медные трубы. Контрактники — люди особые, отважные и жесткие, которые нормы закона не всегда признают. В такой компании подчас лишнее слово приводит к гибели. Он — настоящий профессионал.

— А ты?

— Я, — невысокий, улыбчивый сержант с раскосыми глазами задумался и, вздохнув, медленно продолжил, — случайно оказался в армии. Закончил филологический факультет и устроился учителем гимназии. Но мой китайский акцент вызывал у ребят улыбки, и они не принимали меня всерьез. Однажды во время урока один ученик стал громко передразнивать меня. Я велел ему подняться и врзал по физиономии. Тот оказался в больнице со сломанной челюстью, и мне грозила судебная скамья. Я потерял голову и не нашел ничего лучшего, как сбежать. Один мой знакомый предложил записаться в ряды вооруженных сил США. Так армия спасла меня от тюрьмы, и я стал профессиональным солдатом.

— Не жалеешь?

— Такова моя планида, — смиренно заключил он. — От судьбы не уйдешь. Она возьмет и прикажет. А приказы небесной канцелярии надо выполнять любой ценой. Теперь я вольный стрелок без жены и семейных забот.

— А мать с отцом?

— Они вышли на пенсию и уехали в Китай. Там живут счастливо, хоть и являются иностранцами в родном отечестве. У них — американские паспорта.

Пак прервал свой рассказ и уставился на кепи иностранного коллеги.

— Лейтенант, на вашем кепи буквы «KSI», — добродушно улыбаясь, поинтересовался он. — Что это за контора?

— Похожая на твою, — бросил Томас, — только располагается в Швеции.

— А-а-а-а, — закивал Пак и добавил: — Пошли грузить вещи в машину.

— И куда же мы направляемся? — поинтересовался Томас. — Ведь ты все знаешь, сержант!

— Я все знаю, — без тени сомнения проговорил китаец. — Мы едем в места, где много затопленных пещер. Вы должны показать свое умение ориентироваться в условиях затопленной местности. Правда, чтобы добраться туда, надо пройти сквозь джунгли. А это, поверьте мне, нелегко.

Томас повел бровью.

— Тогда начнем загружаться, — сержант кивнул в сторону склада, где стоял армейский «джип». — Берем с собой сумки со снаряжением, бутылку с минералкой, фонарики, словом, наше стандартное оборудование. Я сбегаю в пищеблок и возьму еду...

— Еду не бери, — послышался голос Нортон. — Перекусим по пути в местном ресторане.

— Обед с дополнительным гарниром? — В голосе сержанта прозвучали загадочные нотки.

— Мы можем это себе позволить, — заверил командир, достал мобильный телефон и с кем-то пообщался на мексиканском языке.

Когда двигатель джипа ожил, капитан вдруг пружинисто выпрыгнул из кабины, бросив водителю:

— Подожди, сержант. Мы кое-что забыли взять.

Вскоре он появился с чехлом, из которого торчала рукоятка меча.

— Что это за оружие? — удивился Томас.

— Мечете, — пояснил Нортон. — В джунглях без этого предмета делать нечего.

Сержант лихо вел машину по неровной каменистой трассе, которая то взлетала, то опускалась. Колеса попрыгивали на многочисленных выемках, отчего жалобно скрипели металлические суставы кузова. На крутых виражах бампер задевал каменные выступы, Пак резко выворачивал руль, отчего баллоны летали по салону и грозились разнести машину изнутри. Томас грудью кинулся на баллоны и пытался удерживать их своим телом. Но увесистые цилиндры вырывались и с грохотом перекатывались в салоне.

— Пак, — недовольно проговорил капитан, — остынь! Ты ведь не на гонках! Глушитель сорвешь в лучшем случае, а в худшем...

— Скорость не более ста километров в час, — оправдывался сержант. — Так мы к утру доедем до ресторана. Там нашего гостя ожидает сюрприз...

— Какой еще сюрприз? — поинтересовался лейтенант.

— А какой может быть сюрприз, — философски заметил Пак, — для солдата, огороженного казарменной стеной от всего, что человечеству не чуждо.

Томас не придавал значения его словам, а продолжал смотреть на ветровое стекло. За горной стеной началась грунтовка с колдобинами, и машину продолжало лихорадить. Час такой езды, показался лейтенанту вечностью. Наконец на обочине замелькали приземистые сельские домики с цветущими садами и пристройками для скотины.

Пак элегантно припарковал машину и почтительно кивнул в сторону пожилых мужчин в широкополых шляпах, которые сидели в тени навеса и пили пиво. Ватага ребят подлетела к машине, и сержант, широко улыбаясь, каждому дал по конфете. Судя по всему, его тут хорошо знали.

Томас жил на военной базе, как в заточении, и довольно редко оказывался среди гражданского населения, поэтому обед в деревенском ресторане казался настоящим праздником.

— Обстановка этой корчмы датируется далеко не периодом новейшей истории, — добродушно комментировал Пак, — но кухня, уверяю вас, приличная. Потому что шеф-поваром тут работает мой земляк. А китайская кухня...

Он не договорил, ибо из корчмы вылетела девица и повисла у него на шее.

— О, Лора, — ласково проговорил сержант, — ты расцветала, как лотос...

Лейтенант вошел в зал. Столы, массивные стулья, некогда модные и дорогие гардины, лампа под шелковым абажуром, — все здесь говорило о заплесневелой роскоши эпохи буржуазного процветания. У стойки дремал толстый бармен. В пустом зале сидела смуглолицая брюнетка и, увидев капитана, радостно вспорхнула, воскликнув:

— Мигель, со дня нашей встречи прошла целая вечность!

— Здравствуй, Глэдис, — Нортон натянуто улыбнулся.

— Обещал навестить меня и пропал, шалунишка!

— Дела, — пролепетал капитан, подошел к стойке и заказал две порции виски. Потом повернулся в сторону подруги и глазами показал на выпивку. Та словно ожидала этой команды и мгновенно подлетела к стойке.

Сонливость на лице бармена мгновенно испарилось, и он, широко улыбаясь, обратился к старшему по званию военному, которого знал как щедрого посетителя его заведения.

— Господин капитан, что будем заказывать на обед?

— Мне — добротную порцию хорошо пожаренной свинины с красным перцем, а они — пусть выбирают, — проговорил Нортон и залпом опрокинул рюмку. Девица последовала его примеру и принялась изучать меню.

— А вот и сюрприз, — прошептал китаец, боднув воздух в сторону выхода. В белом свете солнечных лучей Томас увидел высокую стройную фигуру светловолосой посетительницы, которая переступила порог ресторана и застыла, беспокойно оглядываясь по сторонам.

— Инга, познакомься, — улыбнулся сержант, — это твой земляк, лейтенант Стенмарк из Швеции.

Томас вытянулся и галантно склонил голову.

— Очень приятно, — нервозно произнесла она на ломаном английском языке. — Я из Амстердама.

Она хотела еще что-то сказать, но внезапно опустила глаза, быстро прошла к столику у окна, достала сигарету и жадно закурила.

— Как она оказалась в этих краях? — шепотом спросил Томас у сержанта.

— Года три назад у нас проходил практику молодой офицер, кажется, из Норвегии. Инга приехала к нему. Они были счастливы. Поговаривали, что вот-вот обвенчаются. Но жизнь распорядилась по-иному: во время тренировочных погружений в районе подводных пещер он утонул... Инга оказалась без средств существования... Так она застряла в этой глуши, пристрастилась к алкоголю и присоединилась к тем женщинам, которые искали счастье у военной базы в надежде не только подзаработать своим телом, но и, при случае, затащить то ли офицера, а на худой конец капрала, к алтарю. Красивая женщина, — вздохнул Пак, — и мне ее жалко.

— Кто красивая? — поинтересовалась пассия капитана и властно добавила. — Я тут самая красивая!

— Ты права, Глэдис, — стушевался сержант.

Она лукаво посмотрела на лейтенанта. Это была весьма развитая физически и весьма близко знакомая с радостями жизни молодая девица, с вздернутым носом и смазливый личиком — избалованная дочь зажиточных сельчан, в жилах которых течет мексиканская кровь. Для такой секс — двигательная сила жизни, и ночь, проведенная без мужчины, — неуютна и пуста. Сейчас она все чаще и чаще стреляла глазами в сторону симпатичного блондина, который впервые появился в этих краях. Капитан перехватил ее плотоядный взгляд и, усмехнувшись, спросил на мексиканском языке:

— Глэдис, тебе нравится мой подчиненный?

— Он ничего, — не смущаясь, пропела она.

— Лейтенант, — с кривой улыбкой перешел на английский Нортон. — Хочешь эту тигрицу в постель затащить? Дарю...

Швед вытаращил глаза, покраснел и невнятно выдавил:

— Спасибо, капитан. Но...

Его смущенный лепет прервала Лора:

— Уж нет, господи! Каждому свое! — Она повернулась к Нортону и бросила на своем языке: — Забавляйся дальше со своей пассией, а блондина оставь мне.

— А как же мой сержант?

— Китаец подождет до следующего раза.

— Откажи тебе в просьбе, Лора, так ты глаза выцарапаешь! — Губы капитана искривились в ехидной улыбке. — Бери чужестранца.

О чем они говорили, Томас не понимал.

— Может, ты переведешь? — обратился он к Паку.

Тот пожал плечами:

— Я не знаю мексиканского языка.

Бармен, невзирая на свою тучность, быстро и ловко сервировал столы.

— Все, господа, прошу, — проговорил он на хорошем английском, — сейчас вам подадут холодные закуски...

Он профессионально разлил спиртное, кивнул головой и удалился. Капитан, приподняв рюмку, торжественно произнес:

— В зеркале отражается тело, в вине — душа. Так утверждал Эсхил.

— Это тот генерал с тухлыми яйцами, — проворковала Глэдис, — который приезжал сюда на прошлой неделе? Он замучил меня, заставляя привести в действие кусочек теста между ног.

— Эсхил не дожил до генерала, — прервал ее Нортон.

— Он что, внезапно скончался?

— Какая разница, — воскликнула подруга Пака. — Давайте, наконец, выпьем и приступим к трапезе.

— Тем более, времени у нас не так уж много, — капитан взглянул на часы.

— Вот-вот! — не унималась Глэдис. — Потрахатьсь вдоволь не успеем. Военные, как собаки, все делают быстро.

— Быстро, но не качественно, — резюмировала Лора, и одарила шведа таинственным взглядом...

— Какая тебе разница, — недовольно заметил Нортон. — Главное, мы щедро платим вам за работу.

В разговоре возникла пауза, заполненная стуком ножей и вилок и звуками мексиканской речи. Томас все чаще и чаще поглядывал на европейку. Она почти ничего не ела, все время курила и молчала, демонстрируя полную апатию ко всему. Пепельные волосы ее были пышными и красивыми, под которыми блестели серые, будто вылинявшие на мексиканском солнце глаза, ровные зубы, правильные черты лица. Приглядываясь к ней, Томас поймал себя на мысли, что эта странная девушка нравится ему. Она безучастно сидела, откинувшись на спинку стула, будто вот-вот погрузится в дрему.

— Господа, — командирским тоном проговорил Нортон, — в нашем распоряжении два часа времени. Займемся делами!

Он встал, кивнул Глэдис, и бармен услужливо протянул три ключа.

— Номера вас ждут, господа военные.

Нортон взял под руку свою пассию и пошел к лестнице, ведущей к апартаментам. Пак последовал за ним, волоча непослушную Лору, которая стреляла глазами в лейтенанта.

Томас напряженно смотрел на Ингу, которая по-прежнему молчала, апатично опустив глаза, как бы разглядывая свои

ноги. Томасу казалось, что в этой корчме присутствовало лишь ее тело, а дух витал где-то далеко. Переборов стыдливые чувства, он взял ключ от номера и натянуто произнес:

— Пойдемте, Инга?

Она молча поднялась и направилась к лестнице, как бы выполняя приказ. Едва закрылась дверь тесноватого номера, девушка каким-то тусклым и усталым голосом проговорила:

— Если бы вы знали, как муторно у меня на душе.

— Я вас не принуждаю, — растерянно произнес лейтенант. — Мы можем не ложиться...

— Не в этом дело, — раздраженно прервала она, — дело в другом...

Она умолкла, сделала шаг в его сторону и произнесла тихо и настойчиво:

— Вы мне нравитесь. Я готова на все, но...

— Так в чем же дело?

— В дозе, — в ее голосе слышались истерические нотки. — Я испытываю страшные муки. Только этого вам не понять! Помогите мне?!

— Как? Где я достану наркотики?

— Вам не надо впутываться в это дело. Я сама куплю дозу у бармена, если... вы мне дадите деньги...

— Если у вас плохое психическое состояние, давайте будем лечить, — тихо произнес Томас, торопливо достал портмоне, вытащил стодолларовую купюру и протянул спутнице.

— Спасибо, — прохрипела она и исчезла за дверью.

Он остался один и не мог подавить в себе чувство неловкости, почти стыда, что переступил рамки приличия и закона. Инга вскоре вернулась, бережно неся спасительную ампулу.

— Спасибо, спасибо, — лепетала она, наполняя шприц. — Вы меня выручили...

Девушка привычным жестом воткнула иглу себе в руку. Потом села на стул и, закрыв глаза, невнятно пробормотала:

— Я — предельная дрянь... Вы хороший... Добрый...

Она запиналась, словно язык у нее распухает при каждом слове, опустила голову на спинку стула и погрузилась в мир каких-то своих образов. Она еще что-то сонно бормотала, потом закрыла глаза, как лунатик.

Томас с ужасом смотрел на эту человеческую метаморфозу и молчал, потому что ему больше нечего было сказать по этому вопросу, и он злился на себя за малодушие, за то, что поддавался порыву, — не чувству, а порыву, совсем как подросток. И чтобы развеять это гадкое чувство, он вышел из комнаты — ему уже ничего не хотелось. Минут через

пятнадцать он поймал себя на мысли, что в номере может произойти трагедия, взбежал по лестнице и толкнул дверь. Инга сидела на стуле и курила. Нетерпеливым жестом она погасила сигарету в старомодной глиняной пепельнице. Потом встала, сняла жакет и начала расстегивать платье, будто делала нечто само собой разумеющееся. Медленно и аккуратно сняла с себя все или почти все, прилежно складывая вещи на спинке кресла, давая благодетелю достаточно времени, чтобы оценить ее физические данные. Но вместо нежных восторгов, он сконфуженно произнес:

— Одевайтесь, Инга. Мне уже ничего не хочется. Давайте спустимся вниз и чего-нибудь выпьем.

Факт и комментарий

«Скания» с таинственным грузом в карго-листе значится под номером двенадцать. Водитель — гражданин Латвии Гунарс Гобиныш.

Телефонный разговор с руководителем таможенной службы Стокгольма Карлом Хеллерманом:

— Существует общеизвестное правило, которым руководствуются все паромы, курсирующие на Балтике, — транспортные средства и контейнеры, принятые на борт, регистрируются в карго-листе.

— Совершенно верно. Оригинал этого документа остается на пароме, а копия сохраняется в компании «Эстлайн». Этот документ сразу же по выходе парома в море передавался по факсу в Стокгольм. Так было всегда. Но на этот раз, а именно 27 сентября 1994 года, мы не получили в срок карго-лист. Не пришел он и на следующий день, что нас очень удивило. Лишь после настойчивых требований с нашей стороны документ был прислан. И тут мы обнаружили, что представитель экипажа, ответственный за погрузку, собственноручно внес в карго-лист сведения о последней таре, не включив все необходимые данные по ней...

— Знала ли об этих нарушениях аварийная комиссия?

— Да. Но, к сожалению, ни комиссия, ни полиция или прокуратура никогда не предавали гласности сведения о том, проводили ли они отдельное расследование по вопросу груза «Эстлайн».

— В перечне груза есть рукописная пометка о машине, которая не фигурирует в карго-листе компании «Эстлайн». Ясно, что фура перевозила контрабандный товар. Казалось

бы, для комиссии JAIC это должно было бы послужить зацепкой, но она проигнорировала этот факт.

— Комиссия работала по своей довольно нестандартной схеме, выбирая факты, которые лишь ее устраивали.

ПАРОМ «ЭСТОНИЯ». СЕРГЕЙ ПЕТРОВ

...Торжественно звенят церковные колокола. Он входит в божий храм, креститься и с любопытством разглядывает высоченный купол. Видит архангела с крыльями и с лицом... своего шефа. «Ну что, — говорит Кристапович, — допрыгался?!»

Сергей хочет ответить, но не может — будто гортань заклинило. Дикая боль перекатывается в черепной коробке. Физиономия шефа, купол и сторбленная фигура бабушки вдруг исчезают, а вместо них — яростное мельтешение геометрических фигур. Они вспыхивают радужными пятнами, набегают друг на друга и распадаются салютом цветистых искр под церковный перезвон. Но вот благовест постепенно затухает, и нависает тишина.

...Он приходит в себя и с трудом открывает глаза — вокруг темень. Храм, колокола, лица — все это явилось в кошмарном видении. Поначалу ему показалось, что веки не разлепились, и он решил раздвинуть их пальцами. Попытался поднять руку, но она тут же коснулась чего-то твердого.

— Где я? — простонал Сергей и опять выбросил ладонь вверх, но она вновь ударилась то ли о бетон, то ли о металл.

Он пошевелил ногой — колено уперлось о то же таинственное препятствие. «В гробу, что ли я нахожусь? — с ужасом подумал Сергей. — Может, я умер?»

От страха он лихорадочно застучал кулаками, и его музыкальный слух уловил металлический звон. Это его успокоило — не гроб вовсе. Гробы металлические не бывают. Впрочем, в цинковых гробах привозят трупы солдат и хоронят с воинскими почестями. Слава Богу, он никогда не надевал армейскую форму, и за ратные заслуги его не похоронят в цинковом гробу. Значит, он лежит не в гробу, а в странной металлической коробке.

Одеревеневшим языком проводит по шершавым губам и выцеживает по слогам:

— Кто ме-ня сю-да за-па-ковал?

Он пытается восстановить в памяти последние минуты, но задыхается от нехватки кислорода и вновь проваливается в темноту.

Со звонницы церковного храма опять гулко поплыл колокольный звон. Он властно перекатывается в черепной ко-

робке, в которой, помимо звона, лихорадочно вспухают вопросы и вспугнутой птицей бьются о железные стены логики, не находя ответа. В кровавых кругах проплывают лица — шеф, Валентина, сосед по столику, водитель фуры, человек с кейсом...

Через какое-то время он опять приходит в себя.

Итак, он покоится в крошечной темноте замкнутого пространства, где к тому же ощущался дефицит кислорода. Возможно, он в могиле, но не мертвец. Пока не мертвец.

Так что же произошло?

Выполняя задание шефа, он на пароме «Эстония» направился в Стокгольм. На экране памяти всплывают разрозненные картины: автомобильная палуба, лифт, оживленный зал казино, музыка. За столом — он, Валентина и еще какой-то тип... Они пьют коньяк.

Неужели он надрался до такой степени, что непонятным образом оказался в этом странной ёмкости? Сам ли он сюда залез или кто-то запихнул?

Спиной он ощущает какие-то неровности. Опускает туда руку и нащупывает что-то похожее на скрученные веревки или канаты.

«Боже правый! — вздыхает с облегчением. — Если подо мной канаты — значит это не гроб, а ящик, в котором лежит корабельное оснащение. Я почему-то запакован здесь неведомой силой».

«Пить меньше надо, — приходит он к выводу. — Галлюцинации начались».

Непослушными пальцами проводит по волосам, и ощущает саднящую боль на темени.

«Черепушка пробита, — морщится он и пробует мокрые пальцы на вкус. — Да, это кровь!»

Воспаленная память по фрагментам восстанавливает картину. Он подкрадывается к спасательной шлюпке, пытается рукой отбросить брезент и... небо вдруг валится на его голову.

Кто-то на меня напал, делает вывод Сергей, ударил по голове, и я потерял сознание. Потом мое тело спрятали в этом ящике. Пока, слава Богу, я не скакнул с ума, сердце еще стучит и не захлебывается от напора крови, вызванного нехваткой кислорода. Но дышать все тяжелее и тяжелее. Замкнутое пространство заполняется, выдыхаемым им же углеродом, а запасы воздуха тают. В необычном корабельном ящике ему уготовлена смерть!

От этой мысли с губ вдруг выплеснулся невеселый смех. Странно-нервный смех, от которого сотрясается все его тело. Взрыв веселья обрывается, и к нему возвращается дар речи.

— Рядом, — шепчет он, — за металлической переборкой, танцуют и целуются, жрут мясо и заливают пищу водкой, в каютах занимают сексом, а здесь человек погибает от нехватки воздуха!..

Мобильный телефон, мелькает в голове спасительная мысль, можно позвонить Валентине, она поднимет на ноги весь экипаж корабля. Ватными пальцами ощупывает карманы — они пусты. Нет ни бумажника, ни паспорта, ни телефона, ни ключа от каюты.

Он зарыдал, как маленький мальчик.

— Стоп! — слезливо приказывает. — Не паниковать. Надо взять себя в руки и осмыслить создавшееся положение. Ведь есть же выход!?

Он замолкает, словно желая перевести дух, — ему не хватает воздуха. Он чувствует, как в голове снова начинается та отвратительная ломота.

Проходит пара минут, а может, больше. Он не желает смотреть на фосфорные стрелки часов. К чему на них смотреть, когда знаешь, что тебе больше нечего ждать, кроме смерти. Кстати, напавшие оставили ему часы, словно для того, чтобы он мог отсчитывать последние минуты пребывания на этом свете. Это вызвало в нем злобу.

— Спасите! Помогите! — захрипел он, пытаясь ногами и руками стучать по металлу. Но шум дизелей и грохот волн захлестывали эти жалкие потуги.

Запас кислорода катастрофически уменьшался. Он пытается повернуть голову, но ни единой дырочки в этом металлическом склепе. Ему кажется, что темнота густеет и тяжелеет, превращаясь в смертельный сумрак, полный неясных видений.

— Итак, — подытожил он, — моя двойная жизнь приходит к логическому финалу. Следует лишь помолиться и ждать своей участи. Бог оценит все мои грехи. Но быть сексотом — это дополнительный билет в ад. Учет ли Всевышний, что пошел я по грязной стежке не по своей воле? Обстоятельства заставили... Чепуха! Трусость дала тебе визу в КГБ. Ты — трус, и лучшей кончины, чем в этой пропитанной ветошью берлоге для тебя не найти. Ты служил мерзкому ведомству по следующим причинам. Во-первых, тебе за грязную работу платили. Во-вторых, при социализме ты мог выезжать за рубеж, что для нормальных людей было проблемой. В-третьих, ты мог позволить себе вольности, за которые других посылали за решетку, а твой шеф постоянно вытаскивал тебя из многих передрыг. И последнее — тебе нравилась эта секретная работа. Выносившая что-то, ты при этом, как наркоман, испытывал настоящий кайф.

И чтобы прервать мучительную исповедь, он открывает глаза. Открывает мучительно, с большим трудом и пытается сосредоточиться на чем-нибудь реальном. А реальность одна — его уход из этого мира без родственников и свидетелей у покойного одра. Он нервно, из последних сил упирается коленями в крышку — в темноте мелькнул чуть заметный желтый просвет, и тонюсенькая струя воздуха вползла в логово. Это мираж, решает он, и опять вытягивает колени вверх. Но ноги становятся ватными, и щель исчезает. Он сверлит взглядом скраденное темнотой препятствие, как бы цепляясь за жизнь и в то же время понимая, что над ним непробиваемая металлическая крышка. Он нежно гладит её ладонью, как бы умоляя продлить жизнь. Эта злосчастная крышка вдруг начинает вращаться. Вращается медленно, словно в густом тумане. От этого вращения его начинает мутить, и он снова пытается вонзить колени в металл, чтобы явилась эта спасительная щель, но тело становится бессильным и неуправляемым.

«Я отдаю концы, — с ужасом констатирует он, — на заслуженном лобном месте! Небо против меня! Ну что поделаешь: есть люди, которые привыкли доводить дело до конца, выполнять задачу полностью, до последней точки, даже если это связано с риском не вернуться. И если взглянуть на это с профессиональной точки зрения, ты обязан был так поступить. Тебе было ясно, что ты приглянулся кому-то в качестве искупительной жертвы».

«Не трать силы! Лежи спокойно!» — шепчет ему чей-то голос, и он сцепляет ресницы, но в зрачках мельтешит та волшебная, тусклая нить света, словно желтая проволока. Она ведь была, эта полосочка!.. Была, была! Он опять врывается коленями в крышку. Желтая проволока в беспокойном сневидении, опутывает его, высасывая из опустошенного тела последние крупницы сил. Все! Он в сетях видений. Они желтой полосой манят и душат его одновременно. И, боясь задохнуться совсем, он снова открывает глаза.

Вокруг — графитная темень. И в этой темени плывут багровые пятна, а среди них, где-то вдали, словно одинокая звезда, мерцает полосочка света. Мерцает и исчезает.

— Я предавал людей, — процеживается шелест из его горячих губ. — По моей вине их сажали за решетку или увозили в психиатрическую лечебницу. Хороших, смелых и трезвомыслящих людей. Это кара, кара Божья! Думаю, что и он, всесильный Кристапович, умрет не своей смертью! И Валентина тоже. Все, кто служил дьяволу из трех букв. И имя ему — КГБ!

Он автоматически, до болей в суставах, таранит крышку. Она не подается. Он делает новую попытку. Тщетно. Вконец обессиленный, он плачет.

И снова сгущается мрак. Полнейший мрак. Значит, действительно все. Наконец-то. Столько раз приходилось думать о смерти. И как тут не думать, если она ходит мимо него. Как тут не думать, если он знал, что в один прекрасный день смерть неизбежно остановится возле него. Настало время ему самому увидеть, как оно там, по ту сторону жизни.

Он вдруг успокоился. Ему стало свободно и хорошо. Он даже попытался удобнее устроить свое тело, раздвинул канаты, которые змеились под ним. И в эту секунду рука коснулась металлического предмета. Пальцы забегали по металлу, пытаясь определить форму и размер.

Это был крюк. Вложив последние силы, он вцепился двумя руками в этот спасительный крюк, пытаясь выудить его из канатных витков. Понадобились немерные усилия, пока в его ладони оказался спасительный предмет.

— Боже, — хрипит он. — Спасибо тебе за помощь!

Воодушевленный подарком судьбы, он вкладывает остаток сил — появилась узкая полоска, в которую он втыкает острие крюка. Щель теперь не исчезает, и он липнет к ней губами, ощутив в склепе дуновение жизни. Струйка воздуха втекает в его тело, оживляя ослабленный организм. Он с удвоенной энергией орудует крюком, раздвигая просвет. Теперь, о Господи, он вне зоны удушья.

Подышав полной грудью всего несколько минут, он окончательно оживает. Очищается кровь, и мысли делаются яснее. Мысли о тех, кто, несомненно, караулит его снаружи. Надо действовать, решает он, расширять отверстие, кричать и звать на помощь. Он стал вращаться, менять позы, чтобы расшевелить застывшее тело.

Вдруг внизу у поясницы он ощутил небольшой твердый предмет. Просунул туда руку и вскрикнул от радости. Это был мобильный телефон. Как же ему угораздило оказаться там? И тут вспомнил, что в боковом кармане пиджака была дыра, поэтому телефон он носил во внутреннем кармане. Там, на палубе, он второпях сунул аппарат в дырявый карман, и тот скользнул за прокладку. Вот почему напавшие, обшарив карманы, не нашли мобильник.

— Теперь я спасен! — шептали дрожащие губы. — Спасен!

Он включил аппарат и стал набирать номер Валентины, который он недавно внес в память.

— Да, — услышал он ее голос и не поверил, что это явь. — Серж, это ты?

— Я, — выдавил он.

— Куда ты пропал? — В голосе Валентины сквозило недовольство.

— Валентина, слушай меня и не перебивай. Это очень важно.

— Ну-ну! — скептически бросила она.

— Валентина, на меня напали, когда я оказался на палубе.

— Брось дуричь, Серж! — хихикнула она. — Наверное, с кем-нибудь развлекаешься?

— Меня ударили по голове, — он сделал паузу и добавил: — я потерял сознание, а мое тело запихали в какой-то ящик... Люди, которые это сделали, в любую минуту могут вернуться. И тогда мне конец.

После паузы, Валентина ответила дрогнувшим голосом.

— Поняла. Я все поняла. Где тебя искать?

— Не знаю. Я в каком-то ящике на палубе. Одна тут не появляйся — это опасно. Поэтому обратись за помощью к экипажу парома. И поторапливайся.

— Ясно. Бегу, — тревожно проговорила она.

— Ящик для канатов, — успел крикнуть он, перед тем, как девушка выключила телефон.

Он закрыл глаза и ждал. В этом металлическом гробу он утратил всякое представление о времени — погребённых оно не интересует. Но все в прошлом. Теперь он с нетерпением поглядывал на часы, отсчитывая секунды.

Интуитивно он почувствовал приближение людей. Сквозь шум волн до него донесли голоса. Он приложил ухо к щели — да, это были голоса, и люди шли в его сторону. Он уже хотел криком привлечь их внимание, но что-то внутри остановило этот порыв. Голоса становились все отчетливее. Говорили на английском.

— Куда вы его спрятали? — вопрошал властный голос.

— Тут, в ящике, — ответил кто-то. — Появились курильщики, и нам пришлось быстро спрятать тело.

— Кто он?

— Сергей Петров. Эстонец. Он подозрительно крутился у лодки. Что-то вынюхивал. Даже под брезент полез, а там... Пришлось его убраться.

— Выбросьте его за борт.

— Хорошо, шеф.

Сергей лежал, затаив дыхание. До побеления костяшек пальцев он сжал крюк, готовый нанести удар любому, кто приблизится к нему. На карту поставлена его жизнь, и тут не до церемоний. Они, наверное, думают, что он задохнулся в этом гробу. В голове мелькнуло — возможно, эта твоя последняя схватка в этом мире. Внезапность — вот что его может

спасти. Надо нанести удар первому, кто сунется сюда, а потом вскочить на ноги и бежать, кричать...

Но удержат ли тело ватные ноги?.. Он напрягся, как хищник перед прыжком на жертву.

— Шеф, сюда идут люди! — раздался тревожный голос. — А, черт! Это матросы...

— Исчезаем! — приказывает главарь.

— А как же с этим?

— Потом ликвидируйте.

Сергей откинул взмокшую голову на канат. Облегченно вздох вырвался из его груди. Опять повезло. Он шепотом благодарил Бога, который сегодня был рядом с ним. Смерть опять прошла стороной. Невероятно, но факт. Только в этот день она, эта смерть, задержалась поблизости дольше обычного и заглянула ему в глаза. И, подумав немного, дала отсрочку.

Голос Валентины он узнал сразу и стал колотить крюком по металлу.

— Я слышу стук, — проговорили на эстонском. — Вон из того ящика.

Все, что происходило далее, Сергей помнит смутно. С трудом выкарабкался из ящика и стоял, опираясь о руку Валентины. Он пошевелил ногой, потом другой, проверяя, насколько они способны слушаться и держать тело.

— Ну, как ты? — беспокойно спрашивает Валентина. — Двигаться можешь?

— Вроде бы, — роняет Сергей, и слеза скатывается по его щеке.

— Отведем его к врачу, — говорит человек в форме.

— Да, — отвечает девушка.

Он осторожно преодолевает лестницу, так же осторожно пробирается по коридору, опираясь на руку Валентины.

Врачебный кабинет. Слезы все время катятся по лицу, пока женщина в белом халате промывала рану и ставит швы.

— Ничего страшного, — говорила она. — Вам повезло. Рана неглубокая. И если судить по реакции ваших глаз, то сотрясение мозга незначительное. В любом случае советую вам отправиться в свою каюту и попытаться заснуть. Покой — вот главный врачеватель...

Валентина заботливо ведет его в каюту. У дверей он полез в карман, но тут же воскликнул:

— Ключ мой тоже увели. Придется подниматься в администрацию.

— Нет, дорогой, — решительно проговорила она. — Этим займусь я. А ты отдохнешь в моей каюте. Если учесть, что ключ от твоего жилья у них, тебе опасно возвращаться в свою каюту. Пошли.

Она права, тревожно подумал Сергей. Люди, готовые это сделать, всегда начеку. Они не выпустят его из поля зрения, и ему нигде не укрыться от кары. И нет гарантии, что в каюте Валентины ему не грозит опасность.

Подруга заботливо уложила его на койку и ласково проговорила:

— Отдыхай. Я сообщу о пропаже ключа. И попрошу охрану присмотреть за тобой. Представитель судна заявил, что после отдыха проведет с тобой основательную беседу, и ты расскажешь о случившемся. Он составит протокол и возбудит дело о нападении с целью ограбления. Ведь те, которые на тебя напали, сейчас на судне. Их можно арестовать. Я еле уговорила представителя судна, чтобы дали тебе пару часов на отдых.

— Пауза мне нужна, — проговорил он задумчиво. — Не стоит пока поднимать шум.

— Они обязаны об инциденте сообщить на материк. Но они этого не могут сделать, пока не поговорят с тобой. Я пошла, а ты запишись изнутри.

— Подожди, — остановил он. — Посиди минутку рядом.

По всему чувствовалось, что он говорил не те слова, какие сейчас вольготно шумели в его голове от нахлынувших чувств. Он гладил ее руку и бездумно ронял какие-то случайные, ненужные фразы, хотя и глаза, и все его тело трепетало совсем от иной причины. Ему хотелось прильнуть к ее лицу, вдыхать ее запахи.

Она словно угадала его желание.

— Ладно. Посижу, — и ласково провела ладонью по его волосам.

Он радостно кивнул, привстал и обнял ее. Хмельное расслабляющее тепло коснулось его сердца, и мир вокруг него внезапно приобрел звук, запах, окраску. Лунный свет мелькнул в иллюминаторе, призывая к чему-то таинственному и желанному. Он потянул ее за руку.

— Тебе нельзя волноваться, — сказала она.

И эти ее слова отозвались в нем благостно и жарко. Горячие его пальцы сомкнулись на девичьем затылке.

— У меня муж и дочка, — лепетала она бессвязные слова. — Тебе нужен покой. Что-то не то мы делаем... А что подумает муж? А что подумает дочь?..

Он молча раздевал ее в головокружительном тумане. Он видел только ее мерцающие глаза. Они, высвеченные изнутри голубым полыханием, затягивали его в свой колдовской водоворот... Что за перепады, мелькнуло в голове, — от смертельной минуты до сказочного волшебства.

Под шум волн и рокот двигателя, их тела слились.

Как утверждает документ, каюту номер 6230 занимал Александр Воронин.

В одном из кабинетов компании «Эстлайн» я встретился с сотрудницей, у которой сохранился список пассажиров, отправившихся 27 сентября 1994 года на пароме в Стокгольм.

— Вы можете назвать фамилию пассажира, который располагался на четвертой палубе в каюте под номером 6230?

— Нам запрещено выдавать прессе какую-либо служебную информацию касательно парома «Эстония», — твердо заявила она.

— Но меня послал к вам, — я назвал имя ее родственника, — с надеждой, что вы поможете.

— Это другое дело. — Она достала из ящика стола бумагу. — В этой каюте ехал господин Воронин. Гражданин Эстонии. Тут, эээ, — женщина на секунду замялась. — Обычно эту каюту занимал второй капитан Аво Пихт. Почему он не воспользовался ею в последнем рейсе, остается загадкой.

— Этот пассажир ехал один?

— Нет. С ним в каюте было еще два человека, фамилии которых не указаны в этом списке.

— Я думал, что ваша служба фиксирует всех пассажиров парома?

— До катастрофы «Эстонии» в практике пассажирских перевозок не существовало определенных предписаний по обязательному составлению списков пассажиров. Так, например, глава семейства мог приобрести билет на перевозку своей автомашины и всех едущих в ней членов семьи без указания их имен. Каюта тоже оформлялась на одну фамилию. Правда, — торопливо заметила она, — после гибели «Эстонии» этот порядок изменен.

— Значит, — я больше размышлял вслух, чем задавал вопрос, — купить и оформить билет на свое имя мог один человек, а вместо него в плавание мог отправиться кто-то другой?

— Бывали и такие случаи.

— Каково количество пассажиров в вашем списке?

— 989 человек, из которых 162 — члены экипажа.

— Можно ли верить этим цифрам?

— Трудно сказать. Официально эта цифра не подтверждалась.

— Скорее всего, цифра является недостоверной, поскольку, по сведениям шведского прокурора Томаса Линдстрата, на борту парома находился контейнер, в котором тайно перевозилось от 148 до 174 нелегальных пассажиров.

— Все может быть. Например, в 1993 году был скандальный случай незаконной перевозки 17 курдских беженцев в контейнере морского буксира. Находившиеся там люди почти задохнулись и лишь в последний момент дали знать о себе криками и стуком. Шум услышал вахтенный матрос, совершавший обход буксира.

— Общее число официально находившихся на борту парома пассажиров и членов экипажа не совпадает со списком, которым располагала шведская страховая компания, осуществлявшая денежные выплаты родственникам погибших. По спискам страховщиков, на борту «Эстонии» находилось больше людей, чем это признавалось официально. И последний вопрос. Кто занимал каюту под номером 6230?

— Эстонский гражданин по фамилии Воронин.

ПАРОМ «ЭСТОНИЯ». МАРТИН НИЛЬСЕН

Он потягивал пенистое пиво и обозревал просторный зал. На освещенной танцевальной площадке не стихало страстное кружение. В грохоте оркестра и среди пьяного гвалта никто не видел и не слышал друг друга. Лихорадочная гульба, наподобие бездонной воронки, втягивала в свой водоворот туристов, командировочных, бизнесменов, студентов, обелённых сединой пенсионеров. Так уж случается во время морских путешествий на пассажирских судах, что вынужденное безделье заливалось спиртным в сбитых наспех компаниях.

Мартин слыл среди своих знакомых трезвенником. Из алкогольных напитков он позволял себе лишь пиво. В школьные и студенческие годы он активно занимался спортом и сознательно не брал в рот ни капли спиртного, выполняя основную заповедь своего тренера по плаванию. «Хочешь достичь в спорте результата — утверждал наставник, — забудь о том, что есть на свете женщины и спиртное». Женщины Мартина не интересовали, а от спиртного он шарахался, как от чумы, ибо в глубине души мечтал о спортивной славе.

Трудно было сохранить эту принципиальность в университете, где студенческая братия не мыслила себе жизни без шумливого застолья с недорогим вином. За твердый характер однокурсники нарекли его «трезвенником»

— Сколько тут одиноких баб, — восхищенно протянул захмелевший сосед по столу. — Я накачаюсь водкой и пойду танцевать. Повеzeit — заташу какую-нибудь деваху в свою каюту. И вам советую поторопиться, пока всех свободных баб не разобрали...

— Спасибо за совет, — бросил Мартин, — еще не вечер.

— Ну-ну, — пробубнил сосед и залпом опустошил рюмку.

Мартин откинулся на спинку стула и сомкнул ресницы. Перед ним всплыло утонченное лицо юноши с большими карими глазами, которые грустно контрастировали на бледном лице Андрея. Мартин почувствовал, как теплая волна прокатилась внутри, вызывая грусть. Сейчас, здесь, он вдруг почувствовал, как дорог ему Андрей.

Они познакомились года четыре назад на студенческой встрече в Тарту. Мартин влюбился в этого парня с первого взгляда и зачастил в Эстонию. Андрей учился на факультете иностранных языков в старейшем университете, а в свободное время писал статьи для газет и журналов, которые охотно печатали. Гонорары были приличной добавкой к тощему студенческому кошельку. Писанина настолько захватила его друга, что тот уже подумывал перевестись на факультет журналистики.

Мартин заканчивал отделение общественные науки стокгольмского вуза и прекрасно говорил на английском, немецком, финском, поэтому языкового барьера в общении у них не было.

Вспомнив университет, Мартин тяжело вздохнул. Год назад он получил диплом и, увы, до сих пор не нашел применение своим знаниям. В богатой Швеции, тоскливо размышлял он, нет ни малейших шансов доказать, что ты чего-то стоишь. Получается, что диплом — ерунда, ничего не значащая. Можно, конечно, зарегистрироваться на бирже труда и уповать на хоть какую-нибудь работенку. Но пособие по безработице не видать как своих ушей — ты же нигде не работал и, значит, не был уволен. Раз ты никогда не работал, ты не безработный... Бред какой-то...

Он мысленно вернулся к своему визиту в Эстонию. Андрей умолял его переехать в Тарту и начать совместную жизнь. Мартин готов был бросить Стокгольм и отправиться к любимому человеку. Но... на какие шиши они будут жить!?

Неделю назад, когда он на этом же пароме направлялся в Таллин, к столику подседа эффектно одетая женщина лет сорока. Разговорились. Он поведал о своих проблемах.

— С вашей внешностью, — удивилась она, — можно жить припеваючи. Вот моя визитная карточка. Звоните. Я попытаюсь помочь вам с работой.

Мартин взглянул в зеркало. На него смотрел высокий блондин с голубыми глазами и с фигурой Аполлона. Многие женщины ему говорили подобное и предлагали высокооплачиваемую работу. Но он хорошо знал, что потребуют от него за подобную услугу. Он не мог удовлетворить прихоть богатой

предпринимательницы, потому что... был голубым. Хотя меняй ориентацию, грустно подумал он, и от этой мысли его чуть не стошнило.

Сосед по столику, немолодой финн, глушил водку по-черному. Поймав осуждающий взгляд Мартина, он икнул, извинился и заплетающимся языком проговорил:

— Только тут, в море, я вдоволь получаю водки. И, извините, напиваюсь. Ну, не настолько, чтобы валится со стула и не дискутировать с достойным партнером.

Он уставился на Мартина мутными глазами. Тот лишь улыбнулся и слегка кивнул головой.

— Я возвращаюсь из России, — продолжал финн, — где подписал выгодный контракт. Сейчас русские нас, скандинавов, подкармливают... Впрочем, вся Европа сегодня кормится от Кремля. Там принимаются хорошие законы, позволяющие нам, иностранцам, обогащаться... Но дело не в этом!.. Ответьте мне, зачем Запад навязывает русским демократию? Это безумие! Демократия несовместима с дикими традициями этой страны. В девятьсот семнадцатом ввели ее, эту демократию, в дремучей России... И получилась кровавая бойня, где сын убивал отца, а мать предавала дочь... Простите меня, но история доказала, что такие понятия, как Россия и демократия — несовместимы. Тут нужен царь с жесткой рукой!..

Третьим за столиком сидел мужчина лет сорока, хорошо сложенный, среднего роста с густыми бровями и черными озорными глазами. Возможно, подумал Мартин, разглядывая соседа, в его жилах есть пару капель мексиканской или пуэрториканской крови. А может, он просто-напросто принадлежит не к «ковбойскому» типу янки, а к иному, европейскому. Мартину трудно было определить его национальность.

— У вас — сухой закон, — неожиданно заговорил черноглазый сосед по-английски с явным кавказским акцентом. — Нехватка алкоголя влияет на вашу психику. По этой причине вы не совсем правильно оцениваете Россию.

Финн округленными глазами смотрит на нового оппонента, опустошает рюмку и рычит:

— Да, мы недополучаем водку. Закон есть закон, и его мы соблюдаем на родине. Мы любим свою родину. За её территорию — мы расслабляемся и наверстываем упущенное.

— Если ваша родина такая хорошая, то почему же вы работаете в России!? — иронически вставил кавказец.

Жадно втянув воздух после очередного водочного глотка, финн поднимает вверх указательный палец и заявляет:

— Бизнес подчиняется рынку, а он сегодня, лично для меня, как и для многих других европейцев, привлекателен в России. Хотя в этой стране всегда царили темнота и невежество!

Мартин с улыбкой слушал этот диалог и не вмешивался в их разговор.

— Но вернемся к невежественной России, — закипает кавказец, — где, по вашему утверждению, невозможно посеять семя демократии?

— Вернемся! — икнул сосед. — Я докажу свою...

Финн не договорил, ибо ресницы его слиплись, и он принялся было сползать вниз, но оппонент, проявив завидую реакцию, вовремя поддержал обмякшее тело.

— Что с ним делать? — кавказец растерянно посмотрел на Мартина.

Сын Суоми, словно услышал фразу оппонента, тут же пришел в себя, виновато улыбнулся, потянулся было к бутылке, но махнул рукой и проямлил:

— С меня хватит. Пойду в свою каюту.

Пошатываясь, он заковылял к выходу. Кавказец поблагодарил Мартина за компанию и тоже удалился.

Он остался один, пил пиво и слушал музыку.

— У вас свободно? — услышал он за спиной молодежавый женский голос.

— Да, пожалуйста! — проговорил он и обернулся.

Перед ним стояла худощавая женщина в строгом черном костюме. Её партнер, высокий, полный мужчина лет пятидесяти, заговорил, обращаясь к ней, на немецком:

— Коллега, позвольте мне закончить свою мысль. Так уж получилось, что на протяжении многих веков духовный облик человека формировали религии. Религия — это продукт неустанного поиска человеком своей сущности, поиска ответов на глубинные вопросы бытия.

— Наконец-то, Хайнер, ты сбросил с себя мантию социализма и заговорил как цивилизованный ученый, — улыбаясь, проговорила она.

— Это все благодаря тебе, Ани! — Он нежно коснулся ее ладони. — Но я вернусь к своей мысли. К религии человек приходит, начав поиск смысла жизни, своего предназначения. Что есть Мироздание? Где начало всему сущему и где конец? Вот тут очень важный момент — какая религия дает правильные ответы? — Он вопросительно смотрел на соседку, моргая короткими ресницами.

— Бог един, дорогой профессор, — вздохнула она, — и нет смысла делить религии на правильные и неправильные. Человек рано или поздно приходит к мысли, что его собствен-

ная жизнь, окружающий мир подчинены каким-то раз и навсегда данным закономерностям, многие из которых выше его понимания. И в силу этого он ищет символ всему непонятному и непознанному. Таким символом, соединяющим в себе как созидание, так и разрушающие начала, для человека во все времена становился Бог. Но Бог как стержень Мироздания приходит в сознание людей всегда через какие-то верования, через религии, через учения, каноны и заповеди пророков — основоположников этих религий. Вот их имена: Будда, Моисей, Иисус Христос, Мухаммед...

— Дорогая, ты забыла сюда причислить самого загадочного среди пророков — Заратустру!

— Я о нем мало знаю, — призналась женщина и добавила: — К моему великому стыду.

— Ани, — вздохнул профессор, — религия Заратустры наиболее древняя, мало доступная для глубокого изучения. Именно этим она меня привлекла. Вот уже десять лет я серьезно изучаю Заратустру. Сегодня зороастризм исповедует лишь небольшая группа верующих в Индии и Иране. Они называют себя парсами. Я только что побывал в Узбекистане, где жил и творил великий Заратустра.

Мартин с интересом слушал диалог то ли преподавателей вузов, то ли ученых. О пророке Заратустре он читал в работах Фридриха Ницше, которым серьезно увлекся на третьем курсе университета. В своих тезисах этот немецкий философ писал о Заратустре как о проповеднике идеи «сверхчеловека». Ницше утверждал, что определяющей силой в природе и обществе является воля. Ход истории, по мнению немецкого философа, зависит от воли одиночек, стремящихся к власти. «Воля к власти», по Ницше, — главный побудительный мотив поступков и образа жизни «сверхчеловека» — «человека-зверя», «белокурой бестии», стоящей «по ту сторону добра и зла». Заратустра, по мнению Ницше, и был сверхчеловеком. Если бы природа не отпустила одной личности столько доброй жизненной энергии, сколько она вселила, скажем, в Заратустру или Будду, Иисуса Христа, Мухаммеда, Моисея, то они не сумели бы выделиться среди своих современников, не стали бы мессиями. Природа наделила этих пророков сверхкачествами, сверхчувствами, которые и позволяли им выходить к людям с новыми идеями, предсказывать будущее, воодушевлять людей, вести их за собой.

Втайне от других Мартин считал себя сверхчеловеком, поэтому изучал Ницше, и Шопенгауэра, и всех других ученых, которые проповедовали культ сильной личности. Разговор соседей по столику настолько заинтересовал Мартина, что

он забыл о своих невзгодах и внимательно слушал диалог представителей ученого мира.

— Я должен обратить внимание, — подчеркнул профессор, — на одну весьма характерную особенность: все пророки, основатели великих религий — выходцы из стран Востока. Будда жил и проповедовал в Индии. Моисей родился в Египте. Иисус Христос явился на белый свет в Вифлееме, близ Иерусалима. Мухаммед родился в одном из знатных городов Востока — Мекке. Не стал исключением и Заратустра. Его родина — древний Хорезм. Да иначе и быть не могло: великий человек всегда является там, где дух природы наиболее концентрирует свои начала. Такой чудотворной землей являлся Хорезм, что означает в переводе «Солнечная земля». Древний Хорезм, как утверждают персидские наскальные надписи и древние рукописи Греции, Китая и других стран, слыл весьма процветающей страной с высоко развитой материальной и духовной культурой.

Профессор оборвал свою речь, задумчиво посмотрел на собеседницу, улыбнулся и мажорно произнес:

— Дней пять назад я ходил по этой священной земле. — Он поднял к небу глаза, в которых сквозили гордость и восхищение.

Мартин сетовал на громкую музыку, которая накачивалась с эстрады и захлестывала зал ритмичными звуками, скрадывая фразы ученых.

— О, Хайнер, — воскликнула женщина, — ты посетил места древней цивилизации?!

— Да, Ани. Я видел знаменитый Регистан в Самарканде, древний комплекс «Чор-Минор» в Бухаре и знаменитый Чельпык — храм бога огня, который находится на территории Хорезма и в котором творил Заратустра...

— Ты меня заинтриговал этим пророком, — улыбнулась она. — Расскажи о нем подробнее?

— Притягательная звезда Заратустры зажглась на стыке четвертого и пятого веков до нашей эры. Это отнюдь не случайность. Давно стало закономерным: в каждый переломный период развития человечества появляются такие личности, которые концентрируют в себе новые идеи и своим примером, своей праведностью, своими проповедями укореняют их в сознании народов. Эти личности, пророки или государственные деятели, концентрируют в себе судьбоносные новшества, надолго определяющие пути стран и народов.

— Какому богу преклонялись люди, живущие тогда на этой территории? — Она встряла с вопросом и тут же извинилась: — О, Хайнер, я прервала тебя. Ради Бога, прости!

— Зачем же извиняться, Ани, — улыбнулся профессор. — Я ценю твое любопытство. Итак, в Иран, Хорезм, Вавилон ассирийцами-завоевателями и их жрецами был привнесён бог Молох. Ему повсеместно возводились храмы, куда приносили в жертву детей и взрослых. С особым рвением жрецы исполняли кровавый ритуал тогда, когда начинались войны или на народ обрушивались засухи, голод, чума. В те трудные времена Молох собирал ужасную «жатву». И чем отчаяннее было положение, тем ненасытнее становился Молох, тем щедрее одаривали его жрецы...

Он прервал свой рассказ, прислушался к мелодии и неожиданно проговорил:

— Дорогая Ани, я люблю медленный танец. Разреши оторваться от кровавых картин прошлого и пригласить тебя на танго.

— С великим удовольствием, Хайнер. — Улыбка осветила её лицо, и она торопливо поднялась, взяв под руку профессора.

Мартин сидел под впечатлением исторического диалога. Оно, это прошлое, сомкнулось вокруг него, словно забытый сон в гулком зале кинематографа, и кровавое месиво проплывало вокруг. Он пытался представить себе кровожадного Молоха, но образ расплывался. Зато его любимый Ницше предстал перед глазами четко и ясно и шептал ему о культе сильной личности, который утверждал себя в противовес реально существующим общественным отношениям и моральным нормам. Эта сильная личность не признавал ничего и шла к своей цели, сметая все на своем пути...

Они вернулись к столу довольные и улыбочивые. Профессор остановил кельнера и заказал по рюмочки коньяка, при этом вопросительно взглянув на Мартина.

— Спасибо, — поблагодарил Мартин. — Я пью лишь пиво, а на спиртное наложил табу.

— Вы поступаете совершенно правильно, — подчеркнул профессор и перешел на ораторский тон: — Я рассказывал о Молохе. Продолжу, с вашего разрешения. — Он окинул взглядом даму и соседа и, поймав одобрителные кивки, поведал: — В Карфагене стояла его главная статуя, сооруженная специально для принятия человеческих жертв. Она была колоссального размера, вся из меди, полая внутри. Голова бычьей, потому что бык был символом силы и солнца. Руки у статуи были чудовищной длины, и на огромные простертые ладони клалась жертва. Руки, движимые цепями на блоках, скрытыми за спиной, поднимали обреченного до отверстия в груди. Внутри статуи пылал костер. За несколько минут жертвы на раскаленной решетке превращались в прах, а под ногами колосса быстро росла горка пепла.

— Это ужасно, Хайнер! — воскликнула она. — Хотя история знает много жестоких страниц, где лютовали правители.

— Ты права, Ани. Но я вернусь к тем дням, когда лютовал Молох. Как я уже говорил, детей клали живыми на раскаленные ладони чудовища. Родным, присутствующим при ритуале, строго-настроено воспрещалось демонстрировать печаль и страдания. Матерям запрещалось своих чад оплакивать при жертвоприношении, чтобы не вызвать гнева Молоха. Если женщина не выдерживала, принималась голосить или падала в обморок, то ее предавали позору. Чтобы рыдания матери и ребенка не были слышны, во время обряда жрецы и служители храмов били в барабаны, играли на флейтах, придавая ритуалу жуткий, мистический характер...

— И часто подобное повторялось?

— Часто. Жертвы Молоху приносились не только в часы испытаний. Так, карфагеняне после победы приносили в жертву Молоху самых красивых пленных женщин. О том, что этот обычай бытовал в Персии и Хорезме, мы узнаем из повествований древнегреческого историка Геродота, — он достал из портфеля какие-то записи и стал читать. — «Жена Ксеркса Аместрида велела закопать дважды по семь персидских юношей знатного происхождения в честь божества, которое помещалось под землей, в благодарность за достижение глубокой старости. А ее муж, предводитель войска персов Ксеркс, после удачного перехода через Стримон, узнав, что местность эта называется «Девять путей», велел закопать в землю девять юношей и столько же девушек из местного населения»...

— А как же они объясняли свои поступки народу? — воскликнула она.

— Как бы они ни объясняли необходимость подобных жертвоприношений, все это вызывало возмущение у простых людей. Иногда случались и массовые протесты. Особенно сильные народные волнения были в Бактрии и Хорезме в первый год правления персидского царя Дария, о чем свидетельствует надпись, высеченная на Бехистунской скале (территория нынешнего Ирана). Восстание было жестоко подавлено. По приказу Дария при этом было убито 55 тысяч мятежников. Вдохновителем восстания, как свидетельствует история, стал сам пророк Заратустра. В своих проповедях он осуждал массовые кровавые жертвоприношения. Он утверждал, что никто не имеет право лишать человека жизни, что она священна. По его мнению, представители зла в реальном мире были алчные правители и жрецы кровожадного Молоха. Заратустра объявил им войну. Он призывал всех бесстрашно бороться со злом. Человек, живущий на земле, должен творить добро, ибо за зло ему неотвратимо придется отвечать перед великим судом. Это были новые духовные постулаты...

Мартин слушал затаив дыхание. Профессор опять неожиданно прервал рассказ и пригласил даму на танец. Мартин посмотрел на пустую пивную кружку и пошел к бару. Кто-то схватил его за рукав пиджака. Высокая и довольно крупная пассажирка, явно под градусом, бесцеремонно, взяла его под руку и проговорила:

— Под такую музыку грех разгуливать в одиночестве! Надо двигаться и наслаждаться жизнью. Пойдемте танцевать, викинг?

Он заколебался. Женщина, повысив голос, заявила:

— Вы же не можете отказать даме?

— Да, да! Конечно! — смутился Мартин.

Он торопливо вывел ее на середину дансинга и сразу же привлек к себе всеобщее внимание — партнерша завертела массивными бедрами с юношеским задором, сбивая всех, кто попадался на пути. Танцующие шарахались в стороны, ибо партнерша Мартина была килограммов под сто, и бесцеремонно таранила всех, кто мешал ей выделять сногсшибательные па.

Когда ритмичные звуки рока оборвались и он с облегчением готов был проводить партнершу, оркестр заиграл медленный вальс. Дама с кошачьей реакцией поймала его за руку, затем плотно прижалась и горячо прошептала:

— Обнимите меня покрепче, викинг.

Она с каждым движением вызывающе задевала его своими массивными бедрами, и ему ничего не оставалось, кроме как плыть в этом океане плоти.

— Я в каюте одна, — шептала она. — Не хотите ли составить компанию?

— В следующий раз, — пробурчал Мартин.

— А будет ли он? Сегодня я без мужа. В следующий раз я буду с ним. Не спешите с ответом, подумайте... Живем один раз...

— Я — человек уравновешенный, — лепетал Мартин, — мною руководит холодный рассудок. Стоит ли пускаться в связь с незнакомым партнером?

— Стоит! — решительно отрубил дама.

— Тогда я вас разочарую, — усмехнулся Мартин. — Я, мадам, другой ориентации.

— Голубой, что ли! — она шарахнулась в сторону.

— Вы угадали.

— Я ошиблась в своем выборе, — выдохнула партнерша и растворилась среди пар.

Мартин облегченно вздохнул и вернулся к своему столику.

— Жертвоприношения богам, — увлеченно рассказывал профессор, — этот кровавый ритуал, был ненавистен всем тем, кто вел на костер своих детей. Все это вызывало гнев не только к жрецам, основным исполнителям воли дэвов, но и к

правителям, которые покровительствовали жрецам и давали свое согласие на массовые жертвоприношения. Заратустра был первым, кто воспротивился этому губительному обряду. Пророк сказал, что ему богом ниспослана мысль о греховности приношения в жертву богам людей. Кстати, поговорка «Нет пророка в своем отечестве» уходит своими корнями в те давние времена, когда правители Хорезма, возмущенные проповедями Заратустры, стали притеснять его, угрожать физической расправой...

Итак, в какую бы эпоху ни жил пророк, он наилучшим образом концентрирует в себе все то, что содеяно человечеством и выстрадано им на этот период развития и в силу этого дает новое толкование жизни, новую направленность дальнейшему духовному развитию человечества. Вот и Заратустра, придя в жизнь в самый апогей поклонничества Молоху, первый увидел человеконенавистническую сущность этого вероучения и, совокупив увиденное с откровением божьим, вышел к народам с новой религией, стержнем которой стала любовь к человеку, к благочестию, вера в добро и сопротивление злу.

Профессор оборвал свою речь и тяжело вздохнул, как будто сам окунулся в те жестокие времена. Коллега тихо проговорила:

— Если бы природа не отпустила одной личности столько доброй жизненной энергии, сколько она вселила, скажем, в Заратустру или Будду, Иисуса Христа, Мухаммеда, Моисея, то они не сумели бы выделиться среди своих современников, не стали бы мессиями.

— Ты права, Ани, — устало выронил профессор.

Мартин порывался задать ему вопрос, но он считал себя лишним в этом диалоге ученых людей. Профессор внимательно посмотрел на него и мягко спросил:

— Вы так внимательно слушали нас! Увлекаетесь историей, молодой человек?

— Все, что вы рассказали, было очень интересно. Я, действительно, люблю историю. В работах Ницше о Заратустре я прочитал о каких-то «башнях молчания», которые создал этот пророк.

— О, — воскликнул профессор, — это действительно создал Заратустра. В эти башни после смерти — то ли от болезни или на поле брани — родственники и близкие приносили тела своих близких. Трупы укладывали на специальной площадке, затем отправляли погребальную службу и оставляли тела на открытом воздухе. Птицы, солнце и атмосфера делали свое дело. Вскоре от тела оставался желтый скелет. Родственники возвращались к «Башне молчания», собирали кости усопших и прятали их в специальных глиняных сосу-

дах-оссуариях, которые находились в храме огня. Эта форма захоронения наилучшим образом отвечала идее Заратустры о переселении душ. Согласно пророку тело покойного, находясь на открытом воздухе, легче высвобождает душу из своих бранных объятий, и она устремляется к Богу.

Профессор взглянул на часы и повернулся к коллеге.

— Ну что, Ани, позволь на этом закончить дискуссию. Пора на покой.

— Да, конечно, — закивала она.

Они попрощались с Мартином и медленно пошли к выходу под ритмичную чечетку, которую исполняли на эстраде сестры-близнецы.

Мартин досмотрел танец и направился к двери, ведущей на палубу.

В ночных сумерках, захлестывая пасмурное небо, колыхались серые волны. Дул порывистый ветер, бросая в лицо водный бисер. Он взглянул на часы — стрелки показывали час ночи. Палубу трясло мелкой дрожью, ноги скользили, и он вцепился в холодные поручни. Резкий ветер остудил его, и Мартин вернулся в салон. В длинном коридоре с многочисленными каютами увидел соседа по столику. Финн никак не мог попасть ключом в замок, отчего изрыгал почему-то трехъярусный русский мат. Мартин двинулся в его сторону, чтобы помочь бедолаге, но тут раздался грохот, и неведомая сила припечатала его к стене. Чрево судно, будто живое существо, затряслось, потрескивая обшивками. Свирепый грохот дизелей заложил уши больно и колко, словно стекловатой.

«Что это?! — тревожно пронеслось в голове Мартина. — Катастрофа?! Не может быть!..»

И как бы подтверждая его страшную догадку, невидимая сила встряхнуло судно и стало разворачивать, свет на палубе погас, и навалилась гнетущая темнота, наполненная грохотом, треском и паническим воплем пассажиров.

Но вскоре подозрительные звуки затихли, и к Мартину вернулось спокойствие. Он взял из непослушных пальцев финна ключ и открыл дверь каюты. Тот кивнул ему в знак благодарности и рухнул на кровать.

Мартин опять вернулся в ресторан.

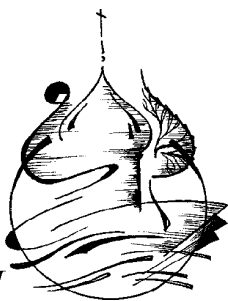
Продолжение следует

ИСИХАЗМ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Двадцать лет назад мы праздновали тысячелетие крещения Руси. Для Русской Православной Церкви это было началом ее постсоветского периода. Двадцать лет — важная веха, повод оглянуться на пройденный путь. Эта веха совпала с символической точкой распутия — моментом избрания нового Патриарха, духовная подготовка к которому — труд разума и совести и для клира, и для мирян.

Переход России из «подросткового» постсоветского во «взрослое» состояние отмечен, как знамением, мировым финансовым кризисом. По привычке мы ищем виновного в наших бедах на стороне. Рулевые экономической политики постоянно внушают нам, что Россия — часть мировой экономической системы, а потому мы зависим от всего, что в ней происходит. Как было подмечено одним наблюдательным человеком, говорится это с плохо скрываемой гордостью неопытного подростка, лишённого невинности развратной девкой, заразившей его дурной болезнью.

В лихие девяностые наши соблазненные «развратной девкой» подростки, включая министров и олигархов, прильнули к Церкви. Казалось, вот-вот

ОСОБЕННЫЙ ПУТЬ РОССИИ

покаются. Но этого не случилось. Забыв о Боге, они выбрали служение мамоне, бросив людей под власть «невидимой руки» и дурных болезней и получив за свое лицемерие и фальшивую набожность презрительное прозвище «подсвечники».

Сегодня появляется надежда, что посланный нам кризис вызовет катарсис и сыграет очистительную роль. Сумеет ли мы использовать данный нам шанс для излечения и возрождения, зависит как от нас самих, так и от РПЦ. Как много будет значить ее слово!

РПЦ «держит» и передает из поколения в поколение ту религиозную традицию, которая лежит в основе мировоззрения, скрепляющего русский народ и Россию как государство. Эта работа продолжается тысячу лет, несмотря на кризисы, расколы и конфликты. Стержень этой традиции — сохраненное в чистоте Православие. Принятое от Византии, Православие Руси и позже России придало нашей религиозной традиции качества, благодаря которым вокруг русского ядра собралась очень сложная по этническому, конфессиональному и социальному составу страна. Крепость ее связности была проверена войнами. Обеспечена эта крепость была нравственными нормами российской культуры, которые были заданы Православием.

Под культурой тут понимаются все стороны общественной жизни — хозяйство и государственность, человеческие отношения и военное дело. Важнейшие формы социальной организации также вызревали в религиозной традиции, а потом передавались в культуру. Уже одно то, что Православие на тысячу лет придало высокую жизнеспособность русской крестьянской общине, от которой отпочковались и артели, и казачество, и фабричные трудовые коллективы, объясняет многие особенности нашей цивилизации. Церковь стала образцом сложной иерархической вселенской организации, исключительно устойчивой и в то же время гибкой, с большим запасом знания и системой обмена информацией и по вертикали, и по горизонтали, и с внешней средой. Русская культура училась этому у церкви.

Взаимная поддержка религиозной и культурной традиций не ограничивается совместной выработкой и трансляцией новым поколениям мировоззрения, норм нравственности, социальных форм и знания. Религиозное восхищение миром породило в человеке потребность в сопереживании, в совместном размышлении о главных вопросах бытия. Современной культуры не было бы без многовековой религиозной практики с ее ритуалами, пространством храма, словом и музыкой, праздниками и чтением. Здесь вырабатывались и раз-

вивались коллективные преставления, создавалось общество. Мы сегодня не задумываемся об этом, потому что привыкли за тысячу лет.

Между тем влияние религиозной традиции на все стороны национальной культуры наблюдаемо и осязаемо. Церковные ритуалы и соборы, культовые здания и предметы, религиозная музыка и книги — все это явные, массивные стороны и религиозной практики, и культуры. Они сопровождают или даже служат материальной «оболочкой» сокровенного мистического содержания религиозного чувства и религиозной мысли. Это содержание невозможно измерить и «взвесить».

Но это сокровенное мистическое содержание реально помогает людям в их земной жизни. И не только смиренным фатализмом перед ударами судьбы в убежденности, что «на все воля Божья!» **Оно дает упорство в борьбе за правду и справедливость против зла и несправедливости в земной жизни. Более того, оно дает не только упорство, но и силу в любом подвижничестве ради Добра — не только в делах веры, но и в мирском труде, творчестве, исполнении воинского долга.**

Способ «подключиться» к сокровенному мистическому содержанию религии дает духовная практика. В христианской России духовная практика тысячу лет развивается в лоне учения, признанного в 1351 году на Влахернском поместном соборе официальным православным учением. До этого оно тысячу лет складывалось и совершенствовалось синайскими и египетскими отшельниками, а затем в Византии (особенно в православных монастырях на Святой горе Афон). Его название — исихазм, а в основе лежит представление о том, что можно созерцать непознаваемое (Бога) посредством божественных энергий.

Ради духовного созерцания Божественного света исихасты применяли безмолвную (неслышную) молитву. Но дело не в технике. Главное было в ощущении мира как пронизанного божественными энергиями, с которыми подготовленный человек может взаимодействовать. И получение благодатной божественной помощи (синергия) многократно увеличивает духовные, физические и умственные силы человека в его подвижничестве.

На Западе такое представление не было принято, и признание исихазма считается одним из различий между Православием и Католицизмом. Это расхождение увеличивалось и в протестантизме стало непримиримым. Было бы недопустимой самонадеянностью, не имея специальных знаний, вступать здесь в богословские рассуждения. Но нельзя не сказать о тех последствиях для культуры Запада и России,

которые имел спор о взаимодействии человеческой воли и божественной благодати. Спор этот длится уже 15 веков, и сегодня он вновь стал актуальным и выходящим за рамки собственно религиозной проблематики.

Суть спора — в возможности для человека «сотрудничества с Богом». Ведь грехопадение так изменило природу человека, что его общение с Богом (как личности, по собственной воле) прекратилось. Очень редко Бог является избранным, чтобы дать какую-то весть. Но если так, то и повлиять на свое спасение человек не может, в этом он пассивен и свободой воли не располагает.

В V веке монах Иоанн Кассиан выдвинул идею синергизма — спасения души при активном участии человеческой личности и Божественной помощи свыше. У Кассиана сказано: «В деле спасения нашего участвует и благодать Божия, и свободное произволение наше... Человек, хотя может иногда желать сам собою добродетели, но чтобы исполнить желания сии, всегда нуждается в помощи Божией; подобно как для больного недостаточно одного желания быть здоровым, нужно, чтобы податель жизни — Бог — дал силы для здоровья». Синергизм — это и есть «сотрудничество с Богом».

Развивая эту идею, Матвей Исповедник учил, что «человек содержит в себе часть божественной энергии, с помощью которой поддерживает контакт с божеством через веру и волю». В VIII веке Иоанн Дамаскин выдвинул тезис о присутствии в мире обожествленной материи, подтверждением которого и стало явление Христа.

В византийском богословии на первый план вышла проблема преображения человеческой природы и ее приобщение к божественной природе — обожение. При высоком напряжении духовных усилий Бог раскрывает себя человеку. Возникает взаимодействие благодати и воли (синергизм), в ходе которого рождается энергия, созвучная божественной, и человек встает на путь к внутреннему преображению. Византийский богослов Григорий Палама, который и создал учение об исихазме, представлял природу человека как тройственное и «неслиянно-нераздельное» единство духа, души и тела. Целостность этого единства обеспечивалась синергизмом на двух разных уровнях — синергизмом духа, души и тела и синергизмом Бога, мира и человека.

Идея синергизма, развитая в исихазме, была принята в русском Православии. К ней, в общем, терпимо относились и католики. Но с проблематикой синергизма была непосредственно связана концепция предопределения, принятая в радикальных течениях Реформации (особенно в кальвиниз-

ме). Здесь учение о синергизме было признано еретическим, и споры о нем в XVI веке велись с большой страстью.

Лютеранский богослов Флаций предлагал компромиссную формулу: общение Бога-Отца как Личности с человеческой личностью состоялось у Адама, Авраама, Моисея, Иисуса Навина. Такое общение с Христом было у апостолов Петра, Матфея, Иоанна, у Марии Магдалины и даже у Понтия Пилата. Но у большинства людей такого общения нет. Имеет место воздействие исходящей от Бога безличной силы или энергии (благодати) на безличный объект (человеческую природу).

Кальвинисты такую формулу не принимали. Они отвергали не только православное представление о синергизме, но и лютеранский тезис, что Бог направляет благодать на человеческую природу, то есть на каждого человека безлично. Кальвинисты стояли на том, что Бог направляет благодать только на избранных, предопределенных к спасению. На этой богословской идее и вырос «дух капитализма» с его разделением на избранных и отверженных, на богатых и бедных («добрых» и «злых»), на собственников и пролетариев, на гражданское общество и дикарей. За четыре века исходная идея скрылась под многими наслоениями, но и сегодня, как только случается кризис, все эти вопросы встают с новой остротой.

Сербский богослов и философ архимандрит Иустин (Попович), канонизированный Сербской Православной Церковью в 1993 году, учил: «Жизнь человеческая на всех ступенях — это богочеловеческий синергизм, сожителство Бога и человека, благодати и свободы, сослужение человека Богу, дополнение человека Богом, возливание небесного елея в светильник души. Человек — всегда небоземное существо, отсюда и жизнь его — небоземной подвиг.. Свобода воли — это поистине единственное наше (св. Симеон Новый Богослов). Богообразная свобода над богообразными душой и телом. **Главное — это возрастить волю во образ и подобие Божие, обогочеловечить ее, чтобы богочеловеческий синергизм стал ее правилом, и навыком, и ревностью».**

Нельзя не отметить, хотя это отдельная тема, что идея синергизма имеет мировоззренческий характер и сыграла плодотворную роль в развитии современных системных представлений. Синергические (кооперативные) эффекты, порождающие системное качество («целое больше суммы частей»), имеют ключевое значение для понимания мира сложности. И потому большую новую область знания, исследующую процессы самоорганизации, назвали синергетикой. Эта

область сегодня чрезвычайно актуальна. Ведь переживаемый нами кризис и является системой в процессе самоорганизации и череды фазовых переходов, в чем русская культурная традиция многое почерпнула у религиозной традиции Православия.

Философ Л.В. Лесков писал: «Нашего Бога не следует понимать как того Бога, которого имели в виду Эйнштейн и Спиноза и который символизирует жесткую определенность законов природы... Бог синергизма значительно ближе Богу русских философов: он также обладает даром свободы. Только этот дар он делегирует тем, кто обладает сознанием, т.е. разумным существам Вселенной.

С позиций синергизма речь должна идти о свободе выбора из альтернативных постбифуркационных вариантов и при жестком условии ответственности за этот выбор. Наш Бог, таким образом, дарует человеку не только свободу, но и скрижали завета с этическими правилами запрета тупиковых сценариев».

Но вернемся от синергетики к главной теме: что дает православная религиозная традиция, которую «держит» РПЦ, для мобилизации России в условиях нынешнего цивилизационного кризиса? Думаю, сегодня в очень большой части общества созрело понимание, что ценой обыденных усилий кризис не преодолеть, требуемые усилия уже выходят на уровень подвижничества. А подвиг — это всегда «сорботничество с Богом».

Для такого подвижничества нам надо первым делом закрыть те расколы и трещины в народе, которые были созданы за последние двадцать лет. Кому могло понадобиться беречь старые затянувшиеся раны? Только тем, кто действует по древнему принципу «разделяй и властвуй», той «пятой колонне», которая раз за разом въезжает в Россию то в одном, то в другом троянском коне.

Кому сегодня надо, чтобы молодежь презрела подвижничество своих отцов и дедов в 30—40-е годы двадцатого столетия — самые трудные и одновременно самые созидательные годы советского периода? Тот период можно определить как особое «страстное» состояние нашего народа. Это явление произошло на нашей земле, с нашими близкими, и мы еще можем вспомнить, как они выглядели, пребывая в этом состоянии.

Мы — дети и внуки поколений, совершивших подвижничество, духовное усилие, при котором произошло «сорботничество с Богом». Произошло преображение природы людей, воля которых соединилась с энергией божественной бла-

годати благодаря тому, что и наш народ, и наша культура были подготовлены к этому многовековой духовной практикой, сложившейся в лоне Православия. Представления «синергической антропологии» и сформулированная в современной российской философии «парадигма духовной практики» подтверждают: советское подвижничество принадлежит именно к тому классу явлений, которые обозначаются понятием глаза «исихазм», хотя, возможно, богословы и философы не согласятся с этим по ряду формальных признаков.

Философ Сергей Хоружий описывает общий тип явления исихазма в целом как «духовный процесс на антропологической границе, носящий холистический характер (т.е. действующий все уровни организации человека, физические, психические, интеллектуальные), осуществляемый сознательно и активно и ставящий онтологически значимую цель». Именно в таком состоянии находились советские люди в 30—40-е годы двадцатого столетия.

Это Стаханов, у которого открылся «гениальный глаз», так что он увидел критические точки напряжений в угольном пласте (ни на каком энтузиазме не выполнить в забое 14 норм). Это Шолохов, в 23 года написавший роман-эпопею с такой пронизательностью, как будто он прожил и продумал несколько жизней. Это защитники Брестской крепости, принявшие на себя удар в тысячи раз превосходивших сил противника и начертавших на ее стенах бессмертные слова «Умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина». Это атомная программа, которая велась в стенах монастыря, основанного Серафимом Саровским. Достаточно представить себе объем теоретической и экспериментальной работы, проведенной Харитоновом и Таммом, Зельдовичем и Ландау, всем коллективом ученых, инженеров и рабочих, прочитав записи Курчатова его бесед со Сталиным. Это как будто другой язык и другой тип коммуникации — синергизм сознания многих людей. Здесь буквально выполняется формула С. Хоружего. Он пишет об этом состоянии: «Речь идет о вхождении энергии человека в соприкосновение с такими энергиями, источник которых он не может идентифицировать, локализовать не только в себе самом, как таковом эмпирическом существе, но нигде в пределах горизонта своего существования».

Психофизиологи из школы Ухтомского изучали энергетический баланс рабочих на оборонных заводах Ленинграда во время блокады. В норме тот объем работы, которую они выполняли у станка, требовал намного больше энергии, чем содержалось в их рационе. В отчетах писали, что эти рабочие «как будто получали энергию от какого-то источника в про-

странстве». Тогда в СССР об исихазме не слыхали — откуда же у этих ученых формулировка как будто прямо из текста С. Хоружего? Из эмпирических наблюдений. Они это явление видели своими глазами.

Что в этом опыте подвижничества противоречит той парадигме, которую сформулировал С. Хоружий? Тот факт, что советские люди в подавляющем большинстве не прибегали к мистической практике, которая формально присуща исихазму, — многократное (до тысяч раз) безмолвное повторение определенной молитвы. На мой взгляд, это возражение снимается теми положениями, которые С. Хоружий приводит в развитие своей концепции. Это идея о значении духовной традиции как внешней поддерживающей среды для существования духовной практики. Феномен духовной практики в том, что человек реализует присущее ему устремление к инобытию. Он не соглашается с собой таким, каким он дан себе, со своей наличной данностью, не соглашается в самом фундаментальном главном смысле. Инобытие, по определению, никак не присутствует в круге нашего индивидуального опыта, поэтому в его границах мы не изобретем «путевой инструкции».

Инструкции создаются не индивидуальным трудом, а преемственной работой, осуществляемой сообществом. Речь идет о непрерывном опыте движения, и его же непрерывно нужно проверять — чтобы не вкрался чужой опыт, чтобы не вкрался иллюзорный опыт, который нам может казаться опытом продвижения к этой невозможной цели, а на самом деле таковым не является. Это сообщество вырабатывает «путевую инструкцию» для продвижения к инобытию и создает духовную традицию как некую объемлющую среду для практики. Духовная традиция продуцирует, репродуцирует и передает опыт практики.

Мог ли этот опыт быть передан поколениям 30—40-х годов в советском обществе? Духовная традиция, как пишет С. Хоружий, создавалась в монашестве, причем в монашестве уединенном, отшельническом. Но потом оказалось, что такое отшельничество требуется не существом дела, а для того, чтобы впервые открыть и выработать «в лаборатории» метод. **А когда формы уже найдены, то хранить и репродуцировать их человек может в любых условиях, не только в монашестве, но и в социальной жизни. Это утверждала сама же традиция исихазма.**

Многовековая духовная традиция была так переплетена и с религиозной, и с культурной традицией России (особенно с культурой низовой, общинной), что ею могли подпитывать-

ся, по меньшей мере, два-три поколения советских людей. Если они сами не молились на языке религии, за них тогда было кому молиться. Коммунист Константин Симонов писал о военных дорогах Смоленщины:

*Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь. Наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.*

Думаю, эта молитва была принята. Да и не дано нам знать, как была высказана неслышная молитва Матросова, закрывшего собой пулемет, или рабочих, трудившихся за пределами своих физических возможностей в блокадном Ленинграде. Мы не знаем, каков был в их душе образ Того, у кого они просили «сорботничества». Но они смогли совершить рывок в инобытие.

Россия сегодняшняя насильно втянута в систему большого западного общества, лидер которого — США — живет, как пишет Хоружий, вообще вне духовной традиции. Запад отошел от духовной традиции, сложившейся в христианстве. Но тот факт, что западный обыватель опустился до потребительства, не должен закрывать от нас важного противоречивого и даже страшного свойства Запада — его фаустовского начала. Фауст заключил контракт с дьяволом, чтобы обрести силу в познании и творчестве. Культурная традиция Запада пользуется этим контрактом, следуя принципу «знание — сила». Но эта сила без идеала любви тянет к вселенской катастрофе.

В свое время протестантизм с его идеей божьей благодати лишь для избранных, на котором вырос дух капитализма, придал определенный боевой импульс экономическому развитию, но за это пришлось заплатить дорогой ценой — разрушением духовного пространства человека. В мечтах о присоединении к «золотому миллиарду» российская «элита» не думала об этом. В цивилизационной войне она предала народ, встав на сторону противника. Да, большинство населения России поверило соблазнительям, которые обещали изобилие «хлебов земных» — надо только сойти с трудного пути России и встроиться в фарватер «цивилизации наживы».

Горе соблазненным, но что получила от этой «победы над своим народом» так называемая российская «элита»? Она мечтала воспользоваться плодами культурной традиции Запада, предав духовную традицию России. Она оказалась глуха и к предупреждениям Православия, и к пророчествам Достоевского, и к идеям великих западных мыслителей. А ведь

сказано было не раз, что плоды чужой культуры могут быть выращены только на почве своей духовной традиции — как новые плоды, результат культурного синтеза. Попытка имитации всегда оборачивается заимствованием худших сторон чужой культуры.

Так и вышло, в России был построен симулякр западного общества — с формальными признаками демократии, но презирующий ее суть, с западными потребностями, но без западных источников дохода. А главное, с культом наживы, но без протестантской этики, ограничивающей его разрушительную силу.

Что же приобрела российская «элита», изменив духовной традиции России? Она не подключилась даже к энергии фаустовского типа, пусть и в безжалостном оформлении кальвинизма. Забыв обо всем, она с головой ушла в потребительство. По данным налоговых органов Великобритании, только в Лондоне более 300 тыс. граждан России приобрели недвижимость в размере от 1 млн. фунтов стерлингов и выше. А ведь все эти люди занимают ключевые места в государственном аппарате, бизнесе и СМИ, готовят и принимают решения, определяющие судьбу страны.

Чего может ожидать народ от такой «элиты»? Она упала с высот духовной традиции России, но оказалась недостойной и того, чтобы прильнуть к культурным источникам ее противника. Что она может построить в таком состоянии, став де-факто безобразной люмпен-элитой, как в развратном, обесиленном Риме. Она фактически стала презренным наймитом, который в России выполняет заказ по растлению русского народа. Такой заказ был сделан противником России в цивилизационной войне и сформулирован в «плане Даллеса». Даже если этот документ является апокрифом — неважно. План Даллеса выполняется, и в основном силами российской гуманитарной «элиты».

В сфере разума дело не лучше. Сегодня вслед за Западом мы втягиваемся в новую культурную эру — постмодерн с его отсутствием смыслов и смешением всех норм и правил. За сиюминутные удовольствия «подросткового возраста» мы сегодня расплачиваемся тяжелыми социальными и нравственными болезнями. Наша люмпен-элита загнала нас в коридор безумия, в котором грузины громят Цхинвал, а русские танки громят грузин. Это она уже в разгар западного кризиса лихорадочно набирала долгов под ответственность государства и лоббировала вложение государственных денег в заведомо провальные финансовые махинации западных банков.

С такой правящей «элитой», лишенной разума, совести и духовных ориентиров, мы не выдержим той глобальной войны, которую больной Запад разжигает по всему миру. Операции по созданию управляемого хаоса видны повсеместно. Морские пути стали театром абсурда — чернокожие «пираты» в утлых лодках захватывают супертанкеры в присутствии военных флотов всех великих держав. В каких ложах сидят сценаристы? Почти месяц замерзающая Европа наблюдает за клоунадой украинских и российских газовиков и министров. Какие силы за ней стоят? Террористы и их сообщники, стирающие с лица земли целые города, воры-банкиры и акулы ипотеки, борцы с наркобизнесом, учреждающие под прикрытием миротворцев «серые зоны» и целые наркогосударства, — все это эпизоды того мирового гиперконфликта, о котором предупреждал идеолог глобализации Жак Аттали. Россия, если не сделает духовного рывка, сгинет в этом грязном водовороте.

У нас один шанс — после блужданий по духовной пустыне вернуться к своим корням. Дело за тем, чтобы труд разума и совести породил в нас самих «безумное стремление» к преобразению, к инобытию в самом предельном смысле слова.

ПАСЕКА

РАССКАЗ

После деда осталась пасека. Семь ульев с пчелами. А улья мне ни к чему: к меду я равнодушен. Когда его много — не хочется. Мед — это же не суп, его же не будешь хлебать ложкой... Ну, к чаю, конечно, да, можно поставить. Но сколько его можно съесть с чаем? Да нисколько, ежели на столе сахар стоит. С молоком тоже годится — но только с деревенским, а не с городским, которое только по цвету похоже. С молоком да со свежим хлебом, который еще не засох, — это да, можно и стакан меду съесть... Ну, хороший квас можно сделать, ежели вместе с клюквой, чтобы не так сладко: намять клюквы стакан, да стакан меду — такой квас очень хорош, например, к бане, это так. Ну, конечно, с кофе очень неплохо — тоже понятно. Ложку меда на чашку кофе — это мне нравится. Тем более, что кофе я пью чашек по десять в день — так хоть какой-то прок от этого кофе.

А дедовы улья стоят под хорошими яблонями, и по осени непросто там яблочек нарвать. Хотя яблоки на тех яблонях — самые, пожалуй, вкусные со всего сада. И не нарвать. Обидно! И по саду летом не погулять — того и гляди, какая-нибудь пчела ужалит. А жалят они так, что ходишь потом с фингалом под глазом — и на люди не выйти. Пчела-то, когда кусает, — сразу волдырь!

ПРОЗА

Ну что делать с этой пасекой, если она мне не нужна? И бабке не нужна, она мед пользует редко, только когда простынет. А за пчелами ведь нужно ухаживать! По весне рои снимать, летом рамки менять-подставлять, чтобы им там места было достаточно... Вроде бы и дел-то немного, но... В общем, думал-думал я, что с ульями делать — и ничего придумать не мог: их же не разоришь, пчел не выгонишь, пчелы-то живые! К тому же трудяги. Разве рука у кого поднимется пчел уничтожать?.. А сами они никуда не улетают. Если даже за ними никак не ухаживать, ничего там не делать, как делал дед, — все равно пчелы будут нектар с цветов в ульях таскать, в мед перерабатывать и сторожить его от незваных гостей. А незваные у них все — никого близко не подпускают, даже дед накомарник на себя надевал, чтобы к ним подойти, «поухаживать».

Но это ж не так просто — ухаживать за пчелами. Они же, бывает, и кусают! Особенно, если в одежде прорехи. А прореху — хотя бы маленькую дырку! — они быстро находят! Или когда без одежды — просто так смотришь, наблюдаешь, не началось ли роение... Ведь приходится не просто смотреть — а вкалывать, когда надо! Наденешь поплотнее штаны и что-нибудь сверху, чтоб не прокусили, — и весь в поту. Кругом жара, а ты весь мокрый, да еще и суетишься, чтобы не успел прогореть дымарь. А какая-нибудь пчела прореху в одежде нашла — за ней все остальные. Подруги. Тогда беги куда-нибудь под баню — и дай Бог тебе ноги. Бежишь как лошадь. Топот стоит такой, будто стадо бежит. А всего-то пять-шесть пчел, увязавшихся следом. Пять-шесть — а после них фингалы на лице, будто тебя отдубасили жердью.

В общем, первые два года, когда я приезжал на лето к бабке, к ульям я особо не подходил, пчел не трогал, не ухаживал за ними, как полагается, — но мед по осени все же понемногу откачивал: дед в свое время учил меня помогать ему, и я мало-мало знал, как к ульям с дымарем подходить, рамки внутри раздвигать и вытаскивать, тащить их потом в хату, закладывать в медогонку и крутить ручку, откачивать свежий мед... В общем, как с ними управляться — я знал.

Но если рамки летом не приводить в порядок, то к осени там — внутри ульев! — там все рамки между собой так склеиваются, что осенью только топором их можно расцепить, чтоб вытащить. И половина ломается, падает вниз, мед стекает, и все там внизу в грязи и липкости... Обидно! Обидно, что можно было раньше, в середине лета все это в чистом виде взять и сейчас не пачкаться.

И нужно еще всю первую половину лета рои собирать, когда пчелиные семьи увеличиваются и молодые пчелы вылета-

ют, чтобы поискать лучшего места под солнцем. Оно, конечно, и пусть бы летели, но... Они же забирают много меда с собой! А вроде бы жалко. Столько дармового меда — и... Потом они в чей-то чужой улей залетят — и там весь этот мед... Да что говорить — обидно. Да просто несправедливо! Это ж такая несправедливость — вроде бы свое, а... А главное, ладно бы улетали сразу — а то вначале собираются все рядом с ульем, на какой-нибудь ветке! И дразнят, висят клубком, пока не соберутся все до единой с духом. Чтобы в одном направлении лететь, а не в разные стороны. А куча такая, что невозможно смотреть — их же там тысячи! Тысячи, не сотни. И все — свои, из твоего улья. Жалко, если не стряхнуть их в корзину и не высыпать вечером опять в улей — в новый, как делал дед, или хотя бы в старый: зарешетить на ночь летки, чтобы там, внутри, пчелы разобрались меж собой, кто из них главный, а кто второстепенный...

Так что на третий год, как я ни хотел, пришлось немного поухаживать. Весной собрал несколько пчелиных отводков, в июле откачал пару ведер, в августе еще три... А куда его деть? Куда деть пять ведер меда, если мне для кофе и полведра на зиму хватает!

Раздарил всем по банке, себе ведро оставил.

Так и пошло — понемногу, но приходилось мне возиться, ухаживать за пчелиными семьями, чтобы кофе с медом пить. Но так не хотелось с ними возиться! Каждый раз, когда надо было идти к ульям, я шел туда, как на казнь. Как на каторгу. Ведь каждый раз надо одеваться, нахлобучивать на себя накомарник, — а на улице жара, не продохнуть! И непременно хотеть две-три пчелы, но укусят, найдут нужный момент.

Но однажды...

В общем, есть у меня приятель. Самовлюбленный эгоист до мозга костей, сам говорит — никого не слушает; всем советы дает, хотя его никто не спрашивает, на всех смотрит свысока, как учитель в школе для недоразвитых. И везде командует, лезет со своей инициативой, со своим носом вперед. Подходит, а впереди — его нос. Посмотришь со стороны — вначале нос, потом рот до ушей, уши, а посередине — наглые, как у нашей деревенской кошки, которой всегда все мало, — глаза. Противный парень. Но — друг детства, никуда не деться. И вот принес я ему как-то банку меда. «Вот тебе мед, — говорю, — у меня его много. Не знаю, куда деть. Бери, это подарок, денег не надо».

Приятеля моего зовут Мишкой. Фамилия — Кныш. Фамилия такая же противная, как и ее хозяин. Кныш! Будто вместо этого Кныша — фи́га перед твоим носом.

Поведал я своему другу детства о своей беде, рассказал об ульях и о том, как противно открывать на ульях крышки, когда надо залезть внутрь, чтобы мед забрать.

Мишка задумался. Обычно Мишка не думает — сразу совет дает. А тут — задумался.

— А меду там, у тебе в деревне, коко? — спросил он, когда подумал. Вместо «сколько» Кныш всегда говорит «коко».

— Семь ульев, — сказал я. — Но к весне обычно остается два-три с живыми пчелами, остальные не выживают. А весной роятся — и если новые рои собрать, то к лету опять все ульи с пчелами.

— А коко меду в каждом?

— Примерно по ведру, если за пчелами следить и немножко ухаживать.

— Не понял. Чего за кого ухаживать? Вместо них самому по полям летать, что ли?

Я тоже стал думать. Не дурак Кныш, иногда дельные слова говорит. Действительно, вместо пчел по полям летать не нужно. Перерабатывать нектар в мед — тоже сами все делают. Выходит, что только поднимать крышки с ульев да вытаскивать рамки с медом — чтобы откачивать. Ну, конечно, промеж делом, весной, в начале лета можно немножко поухаживать, поснимать рои, которые на ветках сидят, позаталкивать их назад, в улья...

— Миша, летать вместо них по полям, естественно, не нужно. Но так просто тебе не объяснить то, о чем ты спрашиваешь.

— Конкретно: косить траву, как русские крестьяне косят для своих коров — надо?

— Нет. Косить тоже не надо, — сказал я. — Это ж пчелы, а не коровы.

— А утром выгонять в поле?

— Да нет, сами летят.

— Значит, выгонять в поле не надо, косить тоже. — Мишка чуть приподнял голову вверх и оттуда посмотрел на меня — как на крестьянина, который летом может не выгонять своих коров в поле и не косить им траву на зиму, а просто лежать на печке, ничего не делая. — Так, откладываем в уме: косить не надо, — сказал Мишка и опять задумался. — А кормить каждый день, как все деревенские, с бывшей Украины, кормят своих поросят, чтобы добыть к осени сало, — это нужно? Кормить твоих пчел хряпой требуется по пчелиной программе?

— Не знаю, что такое по твоему мнению хряпа, но скажу тебе: нет, хряпой кормить не надо, — сказал я, начиная не

понимать, что же мне, в самом деле, не нравилось летом у деда, когда надо было немножко помочь ему поухаживать за его пчелами.

— И ты говоришь, у тебя беда? — Мишка опустил голову долу и посмотрел на меня, как школьный завуч в школе для ненормальных смотрит на одного из своих недоразвитых учеников. — Не знаешь, куда деть мед?

— Да, я не знаю, что делать с этими пчелами, которых не надо ни кормить, ни поить и вообще.

— Дурак.

Слово «дурак» — второе любимое Мишкино слово после «коко». Когда он чего-то не понимает или просто не знает, как ответить, он хлестко и тяжело — будто прихлопывает сургучную печать к конверту — говорит: «Дурак».

— Кто дурак? — на всякий случай уточнил я.

Мишка не ответил. Дал мне время, чтобы я сам сообразил. Потом задал еще один конкретный вопрос, от которого уже точно некуда деться:

— Когда в следующий раз уезжаешь в свою деревню на лето?

— На лето я в свою деревню в следующий раз уезжаю следующей весной, — честно, без обиняков сказал я.

— Поеду с тобой. — Мишка произнес это так, будто подарил мне хороший подарок. — Мне в этом году некуда деть время. На море надоело, на курорты тоже, так что поеду в деревню, посмотрю, как говорится, на русскую природу. Поеду к тебе и посмотрю все там сам. Научу, как качать мед из ульев.

— Ты разве умеешь работать с пчелами? — искренне удивился я. — Никогда не знал, что ты такой...

— Дурак. — Мишка выпятил нижнюю губу вперед и поглядел мне под ноги. — Пчелы — единственная домашняя живность, на которую не нужно работать. Ты меня понял?

— А как же ты будешь...

— Надо купить пособие, — уверенно, как обычно, сказал Мишка. Мишка Кныш. — Пособие по откачке меда из ульев. Понял? Экзамены в школе сдавал? Знаешь, что все, чего нужно, уже кем-то для кого-то написано? Остается только купить книжку или пособие — и прочитать. А там все уже есть — читай, если не дурак, и реализовывай! На этом построен весь мировой бизнес, вот так. Ты понял? По-русски читать не научился? — Мишка шлепнул нижней губой о верхнюю, выкатил глаза и стал похож на птицу марабу — такая большая, важная птица, которая водится в южных странах и гуляет, глядя выпученными глазами на окружающий мир. —

Коко дашь меду, если я сам все откачаю? Мед мне, конечно, не нужен, я могу его и купить. Но сейчас такое время... В общем, везде только бизнес, хороших товаров нет, кругом подделка. И мед, и кофе, и сигареты, и всякие там лекарства... В общем, везде подделка — а у тебя хороший мед. Настоящий. Ты же не насыпаешь в него сахару?

— Да ну. Зачем?

— И я тоже думаю: зачем тебе подсыпать в мед сахару, если ты и так не знаешь, куда его деть. Правильно? А твоя деревня — в глухомани, там все чисто, даже людей нет.

— Да, людей в наших деревнях уже не осталось. Только в городах, где бизнес.

— Значит, мед настоящий, без подделки. А настоящий мед — это лучшее лекарство для организма, я об этом читал. Понял? Особенно в наше время, когда все лекарства делают у Брынцалова на даче. Чужое лекарство купить можно, а свое личное здоровье — нет.

— Думаешь?

— Уговор такой: ты можешь лежать в деревне на печке, как все вы там... А все, что нужно, я буду делать сам. Договорились?

Деваться мне было действительно некуда. В том смысле, что вряд ли этим летом будет для меня хороший отдых. Вместо отдыха придется Мишке помогать: мед откачивать. А ведь там, у деда, — там и два озера, полные рыбой, и лес с ягодой... А в конце июня, когда колосится рожь, — в конце июня всегда появляются грибы. Грибы! Потом их собираешь, отвариваешь, засаливаешь — и ставишь на стол. Для закуски. Но... Но Мишка, гад, проходимец, хоть в чем-то — но прав: читать-то по-русски он еще не разучился, умеет. И все, что нужно про пчел, все прочтет и потом приедет ко мне и все там сделает так, как ему надо. А мне даже на кофе ничего не останется.

— Когда выезжать? — спросил Мишка. — Я лично готов в июне. У меня в июне записан отпуск по графику — я уже вписал моему шефу в его расписание, пока все остальные думают, ничего не делают. Пойду в отпуск в июне. Поеду в деревню.

— Миша, слушай, ты, может, не знаешь: пчелы-то иногда — кусают! — на всякий случай сказал я. — Читал про это или еще нет?

— Глупый ты. — Мишка нагнул голову, чтобы плюнуть на пол, подчеркнуть свое отношение к моей глупости. Но мы были не в моем доме, а в его. И потому Мишка не стал плевать. — Пчелиный яд — это же высшее целебное лекарство! —

сказал он, восторженно поднимая руки. — Причем, естественное. Люди в специальные лаборатории бегают, им там нужные люди специально пчелиные укусы организовывают! Берут пчелу пинцетом — и к больному органу приставляют. И клиенты, знаешь, хорошо платят за это. Понял? Это я так, к слову. Чтоб ты понял, о чем речь. Потому что вы уже настолько все обленились там, у себя в деревне, что просто противно.

— Ладно, — сказал я. — Если все там будешь делать сам... И дымарь разжигать, и крышки с ульев снимать, и рои — если еще будут в июне — обирать и сажать в ульи...

— А мед, вообще-то, долго хранится?

— А ты про египетских фараонов книжки читал? Знаешь, что мумии медом обмазывали? И до сих пор тот мед не загнил.

— Так, с фараонами мне понятно. Значит, все буду делать сам. И рои собирать: нужно, чтобы все улья работали! Все семь. Понял? Все! А помощи от тебя мне не нужно. Договорились?

— Договорились.

— А меду мне коко дашь, если только я буду там все за тебя делать? — Мишка выпятил нижнюю губу. — Ведь тебе мед, говоришь, не нужен?

— Да бери, сколько тебе... — начал я, но вовремя спохватился. Мишка же все возьмет, мне ничего не оставит! А хотя бы полведерка мне надо. На кофе. — Половину того, чего наберешь — твое! — неуверенно сказал я. — Половину всего тебе, половину всего — мне.

Мишка начал думать.

— В общем, бери, сколько утащишь, — уточнил я. — Сколько утащишь за раз — все твое. Но уговор: я тебе помогать не буду, понесешь сам. Дороги у меня там нет, деревня глухая, ближайший автобус, чтобы добраться по поезду — километр. Если ехать на машине, то оставить ее там где-нибудь поблизости негде — упрут или раскурочат. Сейчас такое время... Так что придется тебе на поезде ехать.

— Договорились. — Мишка Кныш раздвинул рот к ушам и протянул мне руку. — Значит, говоришь, можно ведро собрать с каждого улья? Коко их у тебя? Коко всего ульев?

— Я же сказал: семь.

— Значит, ежели семь ведер, то, по минимуму... — В мозгах у Мишки захрустело. — Значит, ежели по минимуму... По минимуму получается, что моих три. И еще одно — мне в подарок. С подарком будет четыре. Это же бизнес: мнелагается процент за потерю моего времени. Коко кило меду на базаре стоит?

— Не знаю. Есть и по сто пятьдесят за кило, а есть и по триста пятьдесят, — сказал я. — На московской распродаже.

— Понятно.

— Миш, а как ты за раз четыре ведра утащишь?

— Это мое дело. У тебя эмалированные есть? Которые по двенадцать литров.

— Есть. Но заниматься пчелами будешь только ты, — твердо сказал я. — Мне лень. И к автобусу тебе ведра не поволочу. Понесешь сам, они тяжелые. Сколько унесешь — все твои.

— Ну, уж до автобуса-то я... — Мишка ухмыльнулся. — Коко там, у тебя, по расстоянию? Коко топать до остановки?

— С километр, — сказал я. — И такси там не ходит.

— Отволоку. Как говорят в народе, своя ноша не тянет.

Что ж. Наступила весна, я уехал в деревню. Но погода в тот год не заладилась: деревья распустились только в мае, а дожди пошли еще с апреля — и не заканчивались. А солнца нет — и тепла нет. Так что роиться дедовы пчелы начали лишь к июню, когда закончилась непогода. К июню, когда приехал Мишка. Кныш Мишка приехал — и сразу дожди закончились, солнце светит, с утра небо чистое, как на море, куда мы ездили с Кнышем лет несколько назад, когда учились в институтах.

— Про погоду специально наврал, чтобы я не приехал? — посмотрев на небо, спросил Мишка, когда мы проснулись на первое утро после его приезда. — Погодка, смотрю, тут отличная. Не хуже, чем у Черного моря. Пожалуй, тут отдыхать удобнее, чем на курорте. Не надо в столовую ходить, деньги им там, дуракам... За ничто платить... А какая красота вокруг — посмотри! — Мишка глотнул полной грудью — как кружку пива с подноса! — свежего деревенского воздуха. — Слушай, какая же здесь благодать! Не хуже, чем на Канарах!

— Естественно, — сказал я. — Если нет дождей. И когда комаров мало.

— Не о комарах речь. Коко, говоришь, выжило у тебя пчел после зимы?

— Три улья, — сказал я. — Остальные погибли.

— Значит, надо ловить новые рои, чтобы было семь ульев в работе.

На небе не было ни облачка. И тепло. Градусов под двадцать пять. А в такие дни — если до того шли дожди — пчелы тотчас начинают роиться.

И верно: сразу после одиннадцати в дедовом саду зашумело. Я посмотрел через окно: над крайним ульем быстро и резво метались взад-вперед пчелы — верный признак того, что

сейчас все поднимутся вверх и будут искать себе место, куда сесть. Потом посидят на ветке — и улетят. И поминай как звали.

— Пойдем на улицу, — сказал я Мишке. — Надо посмотреть, куда они сядут. А то потом не найдешь. Тебе надо надеть дедовы холщовые штаны, чтобы не прокусили пчелы. А сверху — телогрейку. Варезки тоже есть.

Старая бабка топила печку: надо ж в обед покормить гостей!

— Говоришь, телогрейку? — Мишка выволок из-под кровати свой чемодан и вытащил из него белый хлопчатый костюм. С капюшоном. Специальный костюм для работы с пчелами: колпак-капюшон с широким ободком, впереди — удобная сеточка для глаз. Чтобы смотреть.

— Понял? — не глядя на меня, спросил Кныш. — Я же все прочитал, чего надо. — Он опять сунул руку в свой чемодан и выволок оттуда маленькую книжечку. — Видишь? — Он потряс перед моим носом книжкой. — Это называется пособием по уходу за пчелами. Тираж — два миллиона. Бестселлер. И тут все написано. Про то, что надо и чего не надо. Первое дело — нужный костюм. Понял? — Мишка стал напяливать поверх своих тренировочных штанцов нужный костюм.

Я переодеваться не стал: не мне же работать.

— Корзина для роев, надеюсь, у тебя есть? — спросил Мишка, засовывая брошюрку в передний карман и шаркая по хате, как водолаз по палубе.

— Естественно, — сказал я. — Дедова роевня всегда под рукой. Даже две.

— А где дымарь? Не мешайся мне тут под ногами, тащи дымарь, хоть какой-то прок будет с тебя.

— Дымарь сейчас не обязательно, — сказал я. — Собрать рой можно и без него.

— Ты пособие читал? — Мишка достал из переднего кармана брошюрку и полистал. — Дымарь нужен всегда, когда идешь к пчелам.

Мы вышли во двор, я принес гнилушки, разжег дедов дымарь.

— Ну, теперь можешь возвращаться на свою печку. — Мишка попробовал, хорошо ли дымит дымарь. — Иди, я управлюсь один. — Он накинул на голову капюшон с полупрозрачной сеткой и затянул молнию под подбородком.

Я хмыкнул.

Мы вместе обошли дом и сели на траву напротив ульев — со стороны дороги, и по ту сторону изгороди. Изгородь почти

развалилась, редкие жерди свободно провисали на невысоких столбиках, и отсюда хорошо просматривалось все, что происходило перед пчелиными домиками. Ульи стояли метрах в пяти от изгороди, в тени под яблонями.

— Хорошее место выбрал, — похвалил меня Мишка. — Сколько я ни учу тебя уму-разуму, обычно до тебя сразу не доходит, ничему тебя не научишь. А тут — сразу сообразил, хорошее место для обзора выбрал. Сам, без меня.

— Сейчас начнут, — не без удовольствия, предвкушая дальнейшие события, сказал я. — Готовься.

Позади ульев поблескивали окна дедовой хаты, из одного оконца остро поглядывала на нас бабка. С высокой березы трещала сорока, посвистывали птахи в кустах.

— А ты чего в одной рубашечке? — Мишка окинул меня с ног до головы. — Иди домой, надень на себя чего-нибудь. Если уж взялся мне помогать. Но — заметь! — это твоя инициатива. Я лично тебя ни о чем не просил. Я могу все делать сам.

— Мне не надо одеваться, — сказал я. — Я же не участвую в предварительном мероприятии. Мое дело — получить мою долю после откочки.

— Надень, говорю, а то закусают. — Мишка направил дымарь в свою сторону и пустил из него густую струю дыма.

Мы сидели напротив ульев — и тьма пчел, выписывая зигзаги, металась перед нами, занимаясь своим делом: готовилась к роению. И сейчас им было не до нас.

— А ты говорил, что кусают. — Мишка расстегнул молнию на подбородке и откинул накомарник на спину. — Тащи роевню, чтобы хоть какой-то прок был с тебя.

— Подожди, еще не сели. Вот сейчас сядут...

Мощный гул не дал мне договорить: тысячи пчел одновременно поднялись над яблоней — и их шум заглушил все звуки вокруг. Вылетевший рой, казалось, заслониł солнце — на землю легла легкая тень. Стрекоза, бойко порхавшая до этого вдоль забора, ткнулась в облако пчел и, как маленький бильярдный шарик, ударившийся о борт, отскочила в сторону.

Большой рой. Первак. Каждый раз, когда видишь такое, всегда поражаешься масштабу происходящего. Шум стоит, как на небольшом аэродромном поле. Пчелы мечутся взад-вперед с такой скоростью, будто заштриховывают пространство. Солнце просвечивает сквозь них, как сквозь легкое кучевое, наполненное водою, облако. Сколько их там, этих пчел, которые вышли из одного улья и поднялись в воздух? Тьма! Поднялись, чтобы спустя три-четыре минуты снова опуститься вниз, на одну из яблонь, — и собраться в одном месте, на одной ветке, в небольшую кучку, в живой комок! И

зависнуть там, как большая летучая мышь. Зависнуть и, не издавая более ни звука, молча дожидаться своих пчел-разведчиц, которые улетели утром в те места, которые уже подобрали для нового дома, и вот-вот вернуться, чтобы поднять весь вылетевший рой и указать направление, куда всем нужно лететь. И когда разведчицы прилетят — уже поздно будет что-либо делать здесь, внизу, на земле. Лишь еще раз воздух наполнится шумом, похожим на шум взлетающего самолета, рой поднимется вверх — и исчезнет. В мгновение ока от него не останется и следа. Будто и не было.

— Ну, чего они не садятся? — вжимая голову в плечи, прокричал Мишка. — В пособии написано, что они должны... — Мишка опять полез в карман за брошюрой.

Пчелы быстро, одна за другой, начали обметывать большую яблоню над ульем, из которого вылетели. Я встал, чтобы углядеть место, куда они будут садиться. Пока ищешь, могут и улететь! Времени теперь в обрез — надо успеть залезть к ним на дерево, куда сядут, — и стряхнуть весь комок в роевню. Хотя иногда они могут сидеть и по часу и больше. Никогда не угадать, сколько.

Я вытащил сигарету из кармана, закурил, молча перешагнул через жердь на заборе, прошел мимо ульев и встал под той яблоней, над которой они кружились. Если сядут высоко — надо длинную лестницу, а если низко, то можно и так, без лестницы обмахнуть...

— Эй, ты что! — закричал Мишка. — Уходи оттуда! И выбрось сигарету, а то они сейчас тебя...

Когда пчелы роятся, они редко жалят: они заняты только собой. Хоть с сигаретой тут стой, хоть еще с чем. Мишка это не знал. В пособиях-то ничего об этом не пишут! Во всех пчелиных пособиях — как и во всех остальных! — пишут обо всем, кроме того, что нужно... Я спокойно стоял рядом с ульем, под деревом, где гудели пчелы, покуривал и смотрел, куда они сядут. Ни одна пчела не вилась рядом со мной.

— Эй! — крикнул сзади Мишка. — Ты что, с ума сошел? — Гул заглушал его голос. — Сейчас заедят, а я не доктор! Заедят, — я тебя лечить не буду. Весь мед достанется мне!

Я не спеша докуривал.

— Сейчас же выбрось сигарету! — скомандовал Мишка. — Что мне все время приходится тебя учить! Читал пособие? Знаешь, что пчелы не выносят сигаретного дыма?

Гул сверху утих, пчелы быстро проваливались в густую листву, и ветка, на которую они садились, с каждой секундой прогибалась все ниже и становилась все толще и толще, как небольшой резиновый шланг, по которому пустили струю

воды, но один конец заткнули. Пчелы садились друг на друга, и комок все больше провисал и, казалось, что еще чуть-чуть — и все посыплется наземь. Но я-то знал, что так не бывает. Пчелы садятся плотно, и так крепко сидят, вцепившись друг в друга, что комок этот не распадается. И весь этот громадный рой, что только что походил на кучевое облако, — весь этот рой был похож теперь на большую бороду Деда Мороза, отцепившего ее перед хорошим застольем и потом забывшего ее здесь после хорошей ночной трапезы.

Рой привился чуть повыше середины ствола. Немного в стороне от развилки сучьев. Значит, нужна лестница.

Я смотрел вверх. Сквозь листву было плохо видно, но рой уже собрался в одном месте и затих. Ни одного звука! Будто и нет никого. Я оглянулся на Мишку — он все еще сидел там, на траве, и теперь тоже, как я, курил сигарету.

Я приволок со двора лестницу, подтащил ее к яблоне и, не без мытарств, прислонил к стволу. Потом принес роевню — широкую корзину, свитую из ивовых прутьев. И лоскут марли, чтоб накрыть роевню, когда там будут пчелы.

— Во, дела! — Мишка выплюнул сигарету, переступил через жердь на заборе, рысью одолел нужное расстояние и, не накидывая на себя капюшон, встал рядом со мной. — А ты говорил, кусаются. Во, подколот ты меня! Лапшу на уши повесил! Говорил, что телогрейку... — Он посмотрел в сторону дымара, который оставил у забора. — А я потратился, специальный костюм купил — чтоб не кусали... А знаешь, коко он стоит, мой костюм?

Он активно жестикулировал обеими руками, и пчел из соседнего улья это заинтересовало. Несколько штук тотчас полетело поближе.

— Во! — Мишка с любопытством наблюдал, как они выют-ся около него. — Смотри, какие они ручные. Не кусаются.

Одна ужалила его, и он замолчал.

— Надвинь накомарник, — сказал я, отодвигаясь от своего приятеля метра на два в сторону: если уж одна пчела ужалила, то и другие сейчас будут здесь. — И как следует застегни молнию, — сказал я. — Перед тем, как полезешь наверх с роевней.

Мишка посмотрел на меня, оценивая ситуацию. Посмотрел, вешаю я лапшу на уши или нет. И вид у него был несколько снисходительный: мол, ничего особенного, одна укусила — и это очень полезно. Для здоровья.

Да, Мишка много чего не знал о пчелах и уходе за ними. В нужных пособиях про это не написано. Мишка не знал, что если пчела ужалила, боль приходит не сразу. Боль приходит через две-три секунды. Причем, резко. И в следующие пол-

минуты разрастается как пожар на сухом току. А еще через полминуты — начинает плавно затихать, так что скоро почти не остается даже в памяти.

Через секунду Мишкино лицо исказилось гримасой, и уши его стали багроветь. Но он стойко терпел, стараясь не подавать виду. Его стойкости хватило еще секунд на десять. Потом стало невмочь — и Мишка Кныш с силой прихлопнул пчелу, размазав ее до самого уха. Мишка не знал, что если пчела укусила, то не нужно размазывать ее по тому месту, которое она укусила. Надо снять ее и отбросить в сторону. И вытащить жало из того места, куда укусила. Потому что весь яд в жале. Хотя... Хотя все равно с минуту будет очень больно.

Прошло еще секунд десять, и Мишкины уши становились все багрянее, а на щеке начал вздуваться фингал.

— Надвинь накомарник, — добро посоветовал я. — Досчитай до тридцати — и боль начнет утихать.

Его укусила еще одна — и Мишка сразу же размазал ее по лбу. С разбегу воткнулась в щеку и зажужжала еще одна. Причем, жужжала так, что тотчас к ней прилетело еще штук десять. На подмогу. Мишка же не знал, что если пчела кого-то кусает, то жужжит именно для того, чтобы ее услышали подруги. А подруг-то — хоть пруд здесь пруди...

Мишка судорожно нахлобучил на лицо капюшон с сеткой. Но запутался в молнии — и еще штук пять победно зажужжали над его белым, хлопчатым костюмом, которые иногда шьют в ателье, чтобы продать втридорога в магазинах для юных пчеловодов.

— Ну, ты это зря. — Я отошел от него еще на пару метров и укоризненно посмотрел. — Ты что, забыл, что пчелиный яд — самый полезный из ядов? Люди там бегают, ищут нужные лаборатории, нужных людей... А ты...

Мишка молчал. Цвет лица его постепенно становился похож на цвет свеклы, когда с нее снимают верхнюю шкуру. А выпученные глаза были абсолютны бессмысленны.

Я просчитал мысленно до тридцати. Мишкино лицо начало постепенно принимать свой обычный цвет.

— Теперь полезай вверх, — сказал я. — Возьмись там за ветку пониже того места, где они сидят — и стряхни. Делов-то! Но тряхни, как следует, чтоб все сразу свалились. А корзину держи прямо под ними, чтоб мимо не падали. Понял?

— Отойди от меня, — кривясь и подергиваясь, сказал Мишка. — Хочешь совет? — Он помолчал, раздумывая, чем бы уколоть меня, чтобы и мне стало больно. — Иди-ка ты-ка на свою печку и не мешайся тут. Пендехай отсюда. Я и без тебя тут все сделаю. Понял? Не учи ученого, не то...

-
- Чего не то?
 - Не то... не то... — Мишка подыскивал слово похлеще.
 - Ну, че?
 - Да вот ничего!
 - Интеллигент хренов. Говорить-то по-русски не умеешь.
 - А ты вообще...

Мы помолчали, обдумывая, стоит ли нам продолжить беседу или же заняться делом.

— Полезай наверх, — скомандовал я. — Они там не будут ждать тебя, взлетят — и поминай как звали. Килограмма два уволочут с собой меду. А может, и больше. А мне-то мед ни к чему, это тебе надо.

Мишка попробовал нижнюю ступеньку лестницы — нижняя была совсем гнилая. Он ступил на вторую и медленно полез по лестнице вверх.

— Возьми роевню и марлю, — сказал я. — Когда ссыплешь пчел, накрой их марлей. А то вылетят.

Мишка спустился обратно, взял левой рукой роевню и марлю и снова полез наверх.

Я опять закурил.

— Ну, чего, все еще сидят? — тихо, чтоб не спугнуть пчел, спросил Кныш с третьей ступеньки.

— А ты чего, сам не можешь посмотреть? — не без злорадства спросил я.

— Да тут... Тут даже голову не повернуть, колпак мешаетя. — Мишка, осторожно отодвигая от себя ветки, полез головой в гущу листвы. — Через сетку ничего же не видно, — пожаловался он сам себе. — Очень широкая шляпа, неудобная. — Он долез до половины лестницы и теперь пробовал заглянуть вверх, туда, где висели пчелы. Но шляпа упиралась в листву и съезжала на глаза.

— Отлومي там лишние ветки с листьями, — сказал я. — Отлومي ветки, которые мешают. Иначе не подставишь роевню под пчел.

Мишка начал осторожно ломать. Те, что тыкались через сетку в лицо.

— И не порви накомарник, — сказал я. — Там у тебя такая хилая марлечка в колпаке... Где покупал, в каком магазине?

Мишка немножко ругнулся матом. В мою сторону.

— Подставь там роевню на ветку под роем, — сказал я. — А то на весу не удержишь. Пчелы-то тяжелые!

— Да что ты меня все учишь? — сквозь зубы процедил Мишка. — Я и без тебя все знаю!

Он ступил, наконец, на верхнюю ступеньку и поправил на себе колпак с широким ободком. Широкий ободок очень

мешал: ветки закрывали сеточку перед глазами и сдвигали колпак в сторону. Пожалуй, простой накомарник удобнее: обзор больше.

— Ну, что ты там? — спросил я.

Весь рой теперь висел прямо над Мишкой, и Мишка норовил задрать голову вверх, чтобы увидеть его — и каждый раз ветки сверху сдвигали его колпак вниз, на самые уши, а Мишка опять поднимал его и опять пытался задрать голову вверх.

— Да отломи ты сучья вверху! — не выдержал я. — Расчишь пространство!

— Так я ж спугну пчел, — сказал Мишка. — Они ж могут улететь!

— Никуда они не улетят. Делай, как сказано, а то и вправду...

Мишка осторожно отломил ветку сбоку, подsunул роевню поближе к пчелам и стал искать нижний сук, на какой опереться роевней. Наконец, ему удалось втиснуть ее чуть ниже роя. Мишка взялся за ветку, с которой свисал клубок, и осторожно, боясь не спугнуть пчел раньше времени, потряс. Боже, что тут началось! Клубок закачался, и с него начали слетать нижние пчелы, которые не смогли удержаться. Некоторые — меньшинство — падали вниз, в роевню, а все остальные, пронзительно жужжа, садились на Мишкин колпак. И ниже. Тотчас вокруг Мишки образовалось облако, чуть поменьше того, которое только что носилось над яблоней. Но основной ком продолжал висеть на ветке.

— Тряхни сильнее! — крикнул я. — Тряхни ветку по сильнее, чтоб все упали в корзину!

Мишка судорожно ухватился за ветку и потряхнул по сильнее. Яблоня вздрогнула, лестница закачалась... Но я успел ухватить лестницу снизу за перекладыны и удержать Мишку в равновесии.

— Ну, ты, эквилибрист, — мирно сказал я. — Че ты там?

— А ты чего, не мог сразу лестницу подержать? — глухо, сквозь колпак, проговорил Мишка. — Что ты там стоишь, как истукан? Иди на свою печку, не мешай мне тут... — Для убедительности он хотел махнуть мне рукой в сторону хаты — чтоб я знал, в какую сторону мне идти, — но я немного отпустил лестницу, и Мишка опять закачался вверху, как цирковой гимнаст на канате. Правда, страховочной сетки внизу здесь поблизости не было.

Я отошел на всякий случай чуть в сторону и посмотрел вверх: половина роя, которая свалилась в роевню, уже вылетела обратно и опять облепила водопроводный шланг, сразу же утолщив его до нужной величины, а частью превратилась

в кучевое облако вокруг Мишкиной широкополой шляпы, удобной для всякого дела, кроме самого непосредственного.

Лестница перестала качаться, но Мишка продолжал вертеться, отмахиваясь одной рукой от кучевого облака, а другой удерживая корзину на весу.

— Ну, ты, там! — крикнул я вверх. — Чё ты крутишься, как... — Я немного ругнулся, чтобы закончить фразу в нужном музыкальном ключе. — Чё ты крутишься, ты же в костюме! Они же не могут прокусить материю. Не обращай на них внимание. Делай свое дело, а они будут делать свое. Сейчас они все опять усядутся на прежнее место.

— Держи лестницу, а то упаду! — крикнул Мишка.

— А ты разуй глаза! — прокричал я снизу. — Там, на лестнице, прикручена сверху веревочка! Привяжи ее к дереву, чтоб лестница не болталась, как... — Я опять немного ругнулся. Для рифмы.

Мишка, облепленный пчелами, как шмат сала мухами, начал искать веревочку. Шляпа его опять сдвинулась вбок, и Мишка тоже ругнулся. Но без рифмы, неинтересно.

— Ну, привязал? — спросил я.

Мишка крепко прихватил веревкой лестницу, еще крепче взялся за сук, на котором уже собрались все пчелы, за исключением тех, которым шляпа понравилась больше, — и так потрянул, что вся яблоня — вместе с лестницей! — заходила опять ходуном.

Лоскут марли, которым нужно было закрыть роевню с пчелами, плавно спланировал на мою голову. Я чуть отошел — и лоскут опустился на землю.

Торопясь и не попадая ногами в перекладыны, Мишка начал спускаться вместе с роевней вниз по лестнице. Легкая тучка пчел, поднимающаяся из корзины, как пар из кастрюли, и конденсирующаяся на Мишкином костюме, опускалась вместе с ним.

Я накинул на себя дедов накомарник и отбежал в сторону. Несколько пчел все же догнали меня, но я остановился и замер. Пчелы потыкались в мой накомарник, но со мной было неинтересно — я же не дирижировал руками! — и они присоединились к тем, которые спускались вместе с Мишкой.

Про нижнюю ступеньку Мишка забыл. Хотя... Хотя и та, что была над нею, тоже была не новая. И когда Мишка слишком грузно ступил на нее, она тонко хрустнула и переломилась пополам. То есть посередине. Следующая, которая была пониже, — то есть, последняя! — сломалась сама собой — пришлось Мишке как раз между ног, а Мишка тяжелый, всегда жрал помногу, я ему говорил...

Свалившись на землю, Мишка с минуту молчал, пуча глаза и глотая из-за сетки воздух. Пот заливал ему глаза, но он же не мог откинуть колпак с головы и подышать вволю!.. Сотня-другая пчел, вместе с которыми он свалился, кружилась над ним, но быстро рассеивалась, снова поднимаясь на яблоню: сейчас у них было более важное дело, чем разборка с незваным гостем.

— Что ж ты, Миша, такой неповоротливый, — сказал я. — Жрешь много, потому и тяжелый. Кто теперь будет чинить инвентарь?

Мишка долго смотрел на меня из-под сетки. Потом медленно, с чувством, произнес:

— С-сволочь. Этой бы лестницей — да по твоей башке...

Я заглянул в роевню: она оказалась почти пустой. Все пчелы — те, которые были на Мишке, и те, которые попали в роевню по недоразумению, — все уже поднялись вверх и уселись на то место, где и сидели до того времени, пока Мишка не начал свой эксперимент по претворению теории в жизнь.

Да, Мишка много чего не знал о пчелиных роях, которые сидят на дереве, а не в улье. Про то, чего не пишут в пособиях. Не знал, например, что если уж пчелы не хотят сами слетать со своего места, где ждут указаний от своих разведчиц, — то стряхнуть их оттуда не так просто: они снова и снова будут садиться туда, где сидели: ведь там, где-то в середине, сидит главная из них — матка. И пока она там сидит, пчелы никуда не улетят.

Естественно, что я-то знал про все это. Чего ж тут не знать, если мне уже приходилось — и не раз! — залезать с роевней по лестнице вверх и стряхивать пчел с дерева. А потом слезать с тяжелой роевней вниз... Конечно, раньше это все делал мой дед, и ступеньки на лестнице были поновее... Но и я иногда помогал. И дед потом заглядывал в мою роевню и молча сам лез с ней по лестнице вверх. Так что не зря я отлынивал от «ухаживания» за пчелами. Это же такое противное слово — «ухаживать». Его ж сами пчеловоды придумали. Для пчеловодов оно, может, и таит в себе что-то — какой-то особый смысл! — но для всех других... Для всех других это слово не слишком точно обозначает нужный процесс. Так что...

— Экий ты, Мишка, неловкий, — произнес я. — Теперь придется мне самому лезть на яблоню и снимать с нее рой. Ладно уж. Покажу тебе, как это делал мой дед. Сам-то я... Мне-то самому, я тебе уже говорил, не слишком нравится такая... такое... Погоди, я пойду накину что-нибудь на себя.

Я сходил в хату, надел поверх вторую рубаху. Напялил штаны на подкладке. Варезки брать не стал: дед учил работать без варезек. Вернулся к яблоне, поправил лестницу, выку-

рил еще одну сигарету. Потом накинул на голову накомарник, взял роевню с марлей, осторожно — чтоб вконец не разломать лестницу! — поднялся наверх, подставил — и, понятно, стряхнул. Все пчелы дружно свалились в корзину. Дело!.. На ветке осталось лишь штук пятьдесят. Ну и ладно. Куда им деться, этим, которые остались одни, без матки? Сами слетят потом на корзину и облепят марлю сверху, чтоб быть вместе со всеми!! Они же дружные ребята.

Прикрыв роевню лоскутом, опять осторожно — чтоб не забыть про нижние ступеньки! — спустился вниз и спрыгнул на землю.

— Теперь поставим ее тут, внизу, а вечером ты их ссыплешь в новый ящик, — сказал я. — Сам вечером ссыплешь или помочь? — Я поставил роевню под яблоню, снял плотные штаны и вторую рубаху. Вокруг меня не было ни одной пчелы. И вокруг Мишки тоже. Все были в корзине и немного сверху, на марле. Теперь они там будут молча сидеть, пока мы с Мишкой не сбросим их вечером в новый улей.

— Не вспотел? — ехидно спросил Мишка. — Смотри, не простудись. Наверное, устал.

Я хотел что-нибудь ответить. С рифмой. Но, посмотрев на моего приятеля, заметил, что молния на его подбородке чуть-чуть расстегнулась. Молния, которая скрепляет колпак с нагрудником.

Я подошел поближе, чтоб удостовериться. Замок на молнии чуть отошел назад, видно, Мишка случайно задел его, когда слезал с яблони — и теперь там, в конце молнии, где она была раньше застегнута, просвечивала дырка. Дырка-то, конечно, маленькая... Но две пчелы, которые уже пролезли в нее, так пронзительно жужжали... А Мишка думал, что они жужжат поверх сетки, а не внутри. А ведь когда одна или две жужжат, то все остальные, которые поблизости...

— Мишуля, ты чего не застегнул молнию на шее? — миролюбиво спросил я. — Я же тебе не доктор. Я спасать тебя не буду. Хотя, скажу тебе честно, лишний мед мне не нужен. Мне и моей доли хватит.

Те две пчелы, которые были уже внутри шляпы, наконец, переползли с сетки на шею и теперь, громко жужжа, поднялись к нижней губе, готовясь к нужному делу.

Не знаю, что почувствовал Мишка. Вернее, знаю, но противно перемещать акцент на себя... Мишка начал нащупывать задвижку на молнии. А как ее нащупаешь, если на руках варежки?

С минуту он все же пробовал отыскать нужную маленькую висюльку, с помощью которой застегивается и расте-

гивается всякая молния, придуманная на заре цивилизации. И, пока он искал, еще несколько подружек нашли эту маленькую дырку, которую никак не мог найти Мишка, — и поползли, знакомясь с обстановкой, по сетке внутри колпака.

Когда Мишкины уши начали багроветь, он не стал снимать с рук варежки — он судорожно стряхнул их с себя, так что варежки улетели куда-то под хату, и сразу затерялись в крапиве.

Потом он снова начал искать конец молнии — тот, который немного отстегнулся. Но рядом же не было зеркала, куда бы посмотреть и точно примериться.

Подружки, которые ползали по Мишкиному костюму вверх и вниз, — подружки начали быстро переползать с рукавов на его голые руки. Две-три ужалили сразу, остальные не торопились.

Мишка терпел не более двух секунд. Потом начал размазывать их рукавами по верхней части костюма... Но разве ж их всех размажешь? Их же там столько...

Его ужалили еще три-четыре — из тех, что ползали под колпаком. Мишка сморщился так, будто ему прищемило палец в дверной петле. Но, заметив, что я смотрю на него, принял беспечный вид.

— Это полезно, — сказал он. — Пчелиный яд — это же... — Он не договорил: его ужалили еще штук пять, которые сползли с рукавов на руки. И Мишкино лицо стало похожим на печеное яблоко, сморщившееся на раскаленных углях.

— Уже несколько укусов, — весело сказал он. — Пять или шесть. Несколько укусов в день — это для здоровья очень полезно.

Все, которые были под колпаком, уже перестали жужжать: теперь уже все занимались делом.

И Мишка побежал. Вначале побежал к тому месту, где оставил дымарь. Изгородь он сломал с лёту — понятно стало, что жерди там тоже не новые. А когда взял дымарь и попробовал им подыметь... Но дымарь, естественно, уже потух. Понятно же, что ежели его не прокачивать время от времени... Он же маленький, этот дымарь. А Мишка, конечно, и про дымарь ничего не знал. Наверняка в пособии про это не написали. Думали, что читатель сам сообразит. Я тоже раньше, когда помогал деду, про это не знал, и вот так же, ломая изгороди — хотя тогда жерди были поновее! — подбегал к дымарю и пробовал им подыметь...

Наконец, Мишка понял, что нужно бежать дальше — куда-нибудь подальше от этого места. Я тоже, в свое время, не сра-

зу соображал, в какую сторону нужно дать дёру. Это уж потом я сразу бежал к бане, а вначале-то...

Мишка бежал вниз по тропинке, мимо хаты, по направлению к огороду.

Я пошел во двор: оттуда было лучше видно.

Мишка бежал по тропинке вниз огорода — туда, где была баня. Хотя вряд ли он знал, где стоит баня. Мы с Мишкой еще не ходили париться — он же сразу захотел к пчелам... Молодец, Кныш! Такая интуиция!

Я смотрел ему вслед. Все это мне было знакомо, я тоже так бегал. Так же, как лошадь. В низ огорода, к бане. А больше некуда бежать. Бегут всегда вниз, а не навверх.

...Мишка скакал, отмахиваясь от роя руками — и топот от него стоял, как от нескольких лошадей сразу. А не от одной. Он бежал, облепленный со всех сторон пчелами, втягивая голову в плечи — потому что внутри тоже кусали! — и ничего не видел вокруг. Но в правильном направлении — прямо к бане.

Я вспомнил, что, в свое время, когда я в первый раз добегал до бани! — то только там понял, что пчелы летают быстрее, чем бегают лошадь. Но Мишка про это еще не знал.

Ну, что ж...

Через некоторое время в низу огорода хлопнула дверь. И я, сев на траву, достал сигареты. Теперь не скоро Мишка вернется назад: мне приходилось отсиживаться там по часу, ладно хоть, там, в бане, всегда есть вода. В большом котле. Водой можно окропиться — воду пчелы боятся. Мишка — если не дурак! — должен сообразить.

...Мишка вернулся минут через сорок. Во как! Проворливый! А я-то, бывало...

Он был весь, с ног до головы, мокрый. От пота и от воды. Мокрый — но все еще в колпаке.

— Снимай шляпу-то, — сказал я. — Тут пчел нет.

Мишка откинул колпак, — голова его была в тине, а на лице штук пятнадцать волдырей.

— Ну, чё ты? — сказал я, прикидывая, как же Мишке удалось влезть в котел с водой? Котел-то все же не такой уж и большой. — В баню-то сразу забёг? — поинтересовался я.

Мишка тяжело посмотрел на меня. Помолчал, раздумывая, стоит ли отвечать на глупые вопросы... Но чего молчать-то? Все равно что-то нужно сказать — по делу или просто так.

— В баню забёг, — шамкая, как старый дед, сказал Мишка по делу. Он потрогал языком распухшие губы — и помолчал, подумал, стоит ли дальше... — Но они, таки, и в бане, шволочи, жалят! — выговорил Мишка, взывая к моему сочувствию.

Я присмотрелся: на верхней губе у него было три пузыря, на нижней четыре. Ну и, конечно, под глазами, под скулами... В общем, как обычно.

— И что, когда забег? — спросил я.

— Пришлось выбежать: они же все вместе со мной залетели... Но там у тебя, перед баней, — колодец, вода под верх. Выбежал, сунул голову — вроде полегче. А потом и весь туда. Еле залез. А уж потом... Потом отсиделся в крапиве. — Мишка все это проговорил так, будто ему в рот засунули вставную челюсть. Причем, по благу, за хорошие деньги, по бизнесу... А ведь там, где бизнес... И за большие деньги...

— Там же в бане котел с водой стоит, — сказал я. — Можно было в котел голову сунуть.

Мишка посмотрел на меня.

— Что ж ты не сказал, гад, что в бане вода есть? Что ж не крикнул мне вслед?

Я тоже помолчал, раздумывая.

— Так ты же так бежал, что все равно бы ничего не услышал, — помолчав и подумав, сказал я. — Когда пчелы над тобой жужжат, а на тебе еще и накомарник, — ничего же не слышно вокруг.

— Гад, — прошамкал опять Мишка.

Я подумал еще раз, сказать ли Мишке еще чего-нибудь — про то, что он не читал в инструкции...

— Бежать от пчел бесполезно, — вспоминая себя, сказал я. — Надо сразу укрыться где-нибудь, например, в хате или темном сарае. Можно в бане. Баня — хорошая вещь, полезная для всякого дела, а не только париться... Но ты правильно бежал, прямо к ней.

— Это случайно, — сказал Мишка через две буквы «ш»...

Мы оба помолчали, обдумывая, стоит ли продолжить беседу.

— И не надо махать руками, не надо дергаться, — сказал я. — Уйди в сторону от того места, где жужжат, — отойди и замри. Тогда пчелы особо не садятся. Мой дед вообще никогда не надевал телогрейку. Работал в рубахе и накомарнике.

— Гад ты, — еще раз прошамкал Мишка. — Што жи раньше про это не говорил?

— А ты сказал, что сам все знаешь, — не удержался я. — Мол, в книжках написано.

Мишка начал снимать с себя пчелиный костюм. Снял штаны, начал стаскивать куртку, которая с капюшоном. А она же мокрая, стягивается плохо. Мишка потянул, и она треснула на боковом шве.

— Ну что ж ты, — опять не удержался я. — Надо было осторожнее. Чек-то остался? Чек от магазина, в котором попуал?

Мишка с ненавистью смотрел по сторонам. Но под глазами его — и над ними! — вздувались волдыри, и глаз практически уже не было видно. Одни лишь шелки. Что там смотреть-то, из этих шелок? Смотри, не смотри, а ничего не увидишь.

— Предки-то твои, наверное, из Китая? — сказал я. — Самые первые предки? А ты скрывал. Что ж ты скрывал свою родословную? Говорил, что со святой земли. От стены плача. Я, конечно, верю, что и в Китае тоже есть своя святая земля и своя стена плача, — но она там, в Китае, такая большая, что не знаешь, в каком месте остановиться и в каком подойти, чтобы утереть слезы. Платок дать?

Со стороны сада послышался шум. Еще один рой вылетел из какого-то улья, и нужно было идти смотреть, куда, на какое дерево, он сядет.

Я поплелся к дороге.

Рой уже поднялся — натужно гудя, как эскадрилья бомбардировщиков на взлете. А над яблонями уже сгустилось облачко, и на землю легла легкая тень.

Я опять сел перед изгородкой. Теперь, без жерди, которую сломал Мишка, обзор был еще лучше, чем раньше.

Через некоторое время появился и Мишка. Перешел на другую сторону дороги — и уселся там. Обсохнуть на солнце.

Через пару минут рой сел — прямо передо мной, на невысокую молодую рябинку. Верхушка ее, облепленная пчелами, начала медленно прогибаться, и согнулась так, что можно было достать до нее руками.

Я не спеша сходил за второй роевней и, не надевая на себя накомарник, подставил роевню под рябину. Наклонил верхушку, потрянул — весь рой свалился в корзину. Дел-то!

Мой школьный товарищ смотрел исподлобья, как я укрываю корзину марлей.

Времени было уже третий час. В такое время пчелы уже перестают роиться, так что можно было возвращаться в хату, чтобы позавтракать, а заодно и пообедать. А, может быть, даже сразу и поужинать: вечером-то нужно обсаживать собранные рои в улья!

— Миша, пойдём, перекусим? — предложил я. — Тебе, конечно, много есть нельзя, ты и так толстый. Но чуть-чуть...

Мишка пошел первым, я вслед. На столе уже стояла миска с вареной картошкой. Пучок лука, кусок соленого сала.

— Молодцы, что вовремя пришли, — сказала бабка, разламывая свежую буханку черного хлеба. — Я уж боялась, что все остынет. Федя, сходи во двор, нарви там лопухов или подорожника, от подорожника, бывает, волдыри спадают быстрее.

— Я не хочу картошку, — коротко, как отрезал, сказал Мишка. — Я взял, что поесть, с собой. Немножко перекушу и пойду отдыхать.

Я сел за стол, а Мишка полез в свой чемодан. Достал оттуда колбасу, две банки сельди, баночку красной икры, два целлофановых пакета — из одного вытащил две селедки, из другого тонкие ломти белого хлеба.

— Перекушу, чем Бог послал, — сказал Мишка, устраиваясь на другом конце стола. — Бабушка, вам селедочки отрезать? — Мишка показал глазами. — Или лучше колбаски?

Селедка воняла так, что сразу было понятно: рыба была с самого начала несвежая.

Что ж. Немного затухла. Где ж теперь найти хорошую свежесоленую, если кругом — бизнес и рыночные отношения... Тонко нарезанные ломти белого хлеба тоже были не первой свежести: зачерствели так, что хоть гвозди забивать. Понятно: отрубей там больше, чем самого хлеба.

Мишка покосился в мою сторону. Картошка на столе чуть дымилась паром и источала такой аромат, что впору было глотать слюни. Аромат от свежего хлеба заглушал вонь селедки и добавлял в букет остальных запахов свою прелесть. Да еще сочные перья лука со своего огорода... Сало, понятно, тоже было свое: наверняка бабка купила его у кого-то из соседей деревни, когда ходила за хлебом.

— Садитесь ближе к столу, — сказала бабка. — Что вы по разным углам расселись?

Второй раз Мишку приглашать было не нужно. Мишка никогда не был кисейной барышней.

Мишка Кныш подсел поближе, наступил своим башмаком мне на ногу, молча, не извинившись, переставил его в другое место, взял кусок свежего черного хлеба, который из местной пекарни, ложку, — и стал метать со стола, будто до этого постился с месяц на сухарях.

— Не торопись, — сказала я, сморщившись. — Не ешь много, а то опять лестницу сломаешь. У нас впереди работа — пчел в улей сажать.

— Я сегодня не могу, — прошамкал Мишка. — Я сегодня не готовый. Завтра обсажу. Я читал: они могут сидеть там, в роевне, дня два. А иногда три. Если не задохнутся. К тому же, у меня, по-моему... — Мишка пощупал свой лоб. — По-моему, у меня поднимается температура: я читал, от пчелиных укусов у некоторых поднимается температура.

Да, мне немного не повезло: я хотел, чтобы вечером Мишка сам разжигал дымарь, шел к улью, снимал там крышку, раздвигал клеенные прополисом рамки, сыпал туда пчел и

потом — а все основное было потом! — пробовал согнать дымарем пчел со стенок улья, чтобы загнать их на рамки. А потом снова сдвигал... А пчелы в это время очень раздраженные. Бывает, даже варезжки прокусывают!

Мне не повезло: к вечеру у Мишки и впрямь поднялась температура, и он полез на печку: с печки удобно было смотреть телевизор. Что, кстати, и делал мой дед после всякого хорошего ужина.

Да, в первый раз, когда жалят пчелы, бывает, что температура немного поднимается. Но... По-моему, Мишка все же поднастукал градусник снизу. Чтоб нагнать столько, сколько надо. Раньше-то — когда было нужно! — он умел это делать: пойти в поликлинику и настучать там нужную температуру, чтобы получить бюллетень. Наверняка Мишка не забыл старую практику! Кныш.

Так что пришлось мне самому вечером разжигать дымарь, надевать телогрейку и обсаживать пчел. Дело это, конечно, несложное — мне хватило на него минут десять. Но Мишка бы... Да, обидно.

А на другой день — к обеду — пошел дождь. Повезло Мишке еще раз: когда дождь, пчелы чувствуют его задолго до того, как ему пролиться. И сидят в своих ящиках, вылетают только на ближние травы. Или сидят на лётках.

Через два дня Мишка пришел в себя. Поправился. Выпили мы с ним бутылку самогона, как рукой все сняло.

Мишка пришел в хорошее настроение, разговорился, начал мне советы давать — о том, чтобы тоже такой, как у него, пчелиный костюм купить, и о том, что в магазин мне ехать за костюмом не нужно, — он, Мишка, мне свой отдаст, когда будет уезжать домой.

Я подумал, стоит ли продолжать беседу.. Но после самогона, естественно, хочется поговорить. Тут, в нашей деревне, теперь такая глухомань... Не с кем даже побеседовать.

— Вот если самогон сразу было принять после того, как нажали пчелы, — сказал я, — волдыри сразу бы, в тот же день исчезли. Через два часа.

— Это ты серьезно? — Мишка наморщил лоб. — Про то, что самогон...

— А ты что, не читал книжки, где черным по белому написано для таких, как ты: первое противоядие — это стакан водки. Даже от змеи. А от пчел — тем более.

— Сволочь, — хрипло сказал Мишка. — Что ж ты, гад, мне про это сразу не напомнил? Я б свою бутылку, которая у меня... Я б ее вчера достал, мы б выпили. А у меня водка хорошая, дорогая, я сразу доставать не стал, думал, на отъезд...

— Так ты ж, говоришь, про все читал, про все знаешь, — сказал я. — Что ж тебя учить? Как говорится, не учи ученого, не то...

— Не то чего?

— Не то... Не то...

Говорить было не о чем. Но самогон дошел и до Мишки, — и Мишка скоро опять пришел в хорошее настроение. И опять начал давать советы.

Но кто же из нас любит советы?

— За коко отдашь? — прервал я Мишку, едва он приступил к своему маневру. — Сколько денег?

Мой школьный товарищ сразу оживился.

— Кого? — чтоб не спутать, спросил он.

— Ну, кого, кого. Твой костюм, разумеется. За коко отдашь?

— Вообще-то, он дорогой, — сказал Миша.

— Конечно, — поддакнул я. — Когда новый, он всегда дорогой. Пока швы не разошлись.

— Но тебе обязательно нужен такой костюм, — загорячился Миша. — Такой, как у меня. Разве можно сравнить его с твоей телогрейкой? И с твоими штанами.

— Не знаю, — сказал я. — Даже и не знаю, что сказать. Может, мне съездить в Москву, купить себе новый? Такой же, как у тебя, только новый. Как думаешь?

— Так и мой только что из магазина! — с горячностью сказал Мишка. — Я же его только раз надел.

— Это так, — поддакнул я. — Лучше бы ты его не надевал. Раз надел — и сразу испортил. Кто ж его теперь возьмет? Даже в комиссионку не примут.

— Так я тебе сбавлю, — сказал Мишка. — Я с тебя не как за новый возьму.

Костюм мне был не нужен. Но не хотелось заканчивать беседу.

— Миша, хочешь совет? — сказал я.

Советы Мишка тоже не любил.

— Какой? — Он вскинул голову, готовясь нокаутировать мне сразу же, как я только начну.

— Миша, сейчас же, сам знаешь, кругом подделка...

— Но у меня хороший! Такой костюм, как я купил, ты нигде не найдешь! Скажу честно, я его сам еле отыскал. Все нужные магазины перезвонил — нигде нет. А я по благу достал. Через знакомого.

— Да, ты не дурак, — похвалил я. — Ты знаешь, где покупать. Правильно, надо только через знакомого. Сейчас же, сам знаешь, какое время. Везде только бизнес, хороших то-

варов нет, кругом подделка. И кофе, и сигареты, и всякие там лекарства... Особенно, по блату, через знакомого. Он же бизнесмен?

— Кто?

— Ну, кто, кто... Тот, у кого ты купил. Он бизнесмен?

— Естественно. У меня все друзья бизнесмены.

— Значит, подделка, — сказал я. — Из какого-нибудь дешевого материала шьет. Вот ты бы — если бы ты занимался такими костюмами! — ты бы стал тратить на дорогую материю, если знаешь, что покупать такие костюмы будут только несведущие? Такие, как ты?

Мишка помолчал.

— В общем, кругом бизнес — а у тебя хороший костюм пропадает, — опять, чтобы не терять нить беседы, ободрил я Мишку. — Куда ж ты его теперь денешь? А ведь хорошую вещь в магазинах трудно найти.

— Ладно, за полцены отдам, — выдавил из себя мой школьный товарищ.

— Да ты что? — испугался я. — Я так не могу. Какая там материя, я точно не знаю, но ты же за этот костюм хорошие деньги платил!.. Он же не пять рублей стоит! А ты — за полцены. Нет, я так не могу.

— Бери, — твердо сказал Мишка. Как сургучную печать поставил. — Тебе отдам за полцены. Как личному другу.

— Нет, я не могу. Тем более, личному.

Мишка насторожился.

— Что это ты? — хрипло спросил он. — Ты ж понимаешь, мне все равно его везти обратно. А тебе потом по магазинам бегать, искать.

— А у меня денег с собой нет, — соврал я. — Представляешь — ни копейки. Все перед отпуском истратил, потому и в деревню приехал. Тут дешевле, чем на Черном море. Причем, с обеих сторон: с нашей стороны дешевле, где Крым, и от Турции, с другой стороны, — тоже дешевле. И даже со стороны Греции. Тебе Греция понравилась? Ты говорил, что был там.

— Сволочь, — сказал Мишка. — Что же ты мне раньше не сказал, что у тебя нет денег?

— Ну, сейчас такое время... И везде подделки. Даже мед теперь делают из сахара... — Я сделал паузу. — А у меня настоящей, сам видишь.

— Ладно. — Мишка хлопнул себя по коленке. — За одну треть мой костюм возьмешь?

— Миша, подумай сам: ну зачем мне этот костюм? — пожалел я его. — К тому же ты еще не называл настоящей цены. Той, которую ты платил... А я и без телогрейки подхожу к

пчелам, я знаю, как к ним подходить. И даже без накомарника. Ты же сам видел сегодня.

— Что ж ты раньше мне не сказал?

— Про што?

— Што тебе не нужен костюм.

— Миш, но поговорить-то надо! Что ж нам тут с тобой — молчать, что ли? Ну, чё ты ждешь, доставай свою водку, надо ж поговорить.

Водку Мишка сразу достал. Когда выпьешь одну бутылку на двоих, всегда кажется мало.

Миша полез за бутылкой, которая дорогая. И к дорогой нам, естественно, пригодилась и баночка икры, которую Мишка хотел на отъезд, и две банки с сельдью, и ветчина, и еще там много было чего в чемодане. Хотя селедку мы сразу выбросили, чтоб не съесть ее машинально, под последний стакан. Чтобы не отравиться.

Посидели, выпили дорогую. Естественно, опять не хватило.

— А тут, поблизости где-нибудь, магазин есть? — спросил Мишка.

— Только в соседней деревне, — сказал я. — В нашей уже нет никого, осталось три дома, остальные мужики переехали в соседнюю, где можно чего купить. Так что все покупаем в соседней, даже молоко. Но сегодня я не пойду. Мне лень.

— Ладно, сам сбегая, — сказал Мишка. — Коко тут идти до соседней деревни?

— Километр, — сказал я. — Мы с тобой уже шли, ты что, забыл?

— Мне показалось, километров двадцать. — Он встал со стула. — Ладно, сбегаяю.

— Деньги дать? — машинально спросил я.

Мишка остановился.

— Да вообще-то у меня есть. — Он опять достал чемодан из-под кровати, вытащил из него кошель и, выпятив нижнюю губу, посмотрел — Вообще-то у меня только эти... зеленые. У тебя есть простые? — Мишка достал из-под зеленых простые, бумажные, и, выпятив губу еще больше, взглядом пересчитал бумажные. — Простых денег у меня мало, только на обратный билет. Ты не в курсе, там, у них в железнодорожной кассе, есть сдачи с зеленых?

Я дал ему двадцать рублей.

— Ну, ты чего? Что ты мне в лапу сунул? Я же сказал: у меня только зеленые. А водка, даже самая дрянная, стоит за сотню. И больше.

— У нас, здесь, в деревнях, бутылка водки стоит двадцать рублей, — сказал я. — Хоть дрянная, хоть хорошая. Больше двадцатки не давай, если спросят.

— Двадцать? — Мишка посмотрел, не разыгрываю ли я его.

— Миша, мы же с тобой интеллигенты, и врать мне противно. Двадцать рублей — и не хуже, чем за сто пятьдесят. Но если будет выбор, бери лучше самогон, он безопаснее.

Мишка снял с себя тренировочный костюм, который покупал в Москве в хорошем магазине, у бизнесменов. Вытащил из чемодана еще один, получше и подороже. Нормальный костюм, в котором не стыдно зайти, например, в провинциальный театр. Переоделся.

— Миша, — добро сказал я. — Если пойдешь по деревне в этом костюме, то самогон тебе продадут рублей за четыреста. Если не хочешь идти в своем тренировочном, надень дедову телогрейку.

Мишка понял. Все, что касается купли-продажи, Мишка понимает гораздо быстрее, чем все остальное. Снял хороший костюм, напялил на себя дедову телогрейку. И — руки в ноги. В соседнюю деревню, где самогон за двадцать рублей. А я залез на печку и стал смотреть телевизор. Лежа на печке, смотреть легче, если вдруг объявят об очередном повышении цен на бензин. Мне-то, конечно, бензин ни к чему. Но после бензина все цены на все товары поднимаются, как крапива на огороде.

Цены в тот раз не объявили, решили, как всегда, втихаря повысить, чтобы дать возможность телевизионщикам с государственного канала потом попридуриваться, позадавать вопросы за «круглым столом», мол, почему нам заранее не объявили, почему скрыли, почему душите свободу слова; им же там, на первом канале, приятно потом объяснять в очередной раз всем радиотелеслушателям и зрителям: мужики, это, оказывается, повысили специально, чтобы заторов на дорогах стало поменьше.

С полчаса я смотрел в телевизор и ждал: вдруг с госканала чего-нибудь скажут о бензине или о мировых ценах на нефть — им же тоже надо работать, свою зарплату оправдывать... Но на всех каналах шла реклама — и я быстро уснул. А добрый сон — лучше похмелья: когда Мишка прибежал, я был уже трезвым.

Мы опять сели за стол. И бабка достала из печки котел вареной картошки и крынку с топленным молоком. На закуску. И когда Мишка попробовал топленое — ох, как оно ему понравилось, ох, как понравилось... Особенно с вареной картошкой. Недопитую крынку с молоком с собою на печь уволок, чтобы ночью отпаиваться.

Да, хорошо посидели... Так что наутро у Мишки — даже после топленого молока! — очень болела голова, и он перенес

всю работу по уходу за пчелами на конец недели. Правда, Мишка не сразу мне сказал, что хочет перенести, а попытался сделать это как-то помягче, чтоб я не стал попусту спорить и давать советы... А я и не спорил. Зачем мне спорить — погода-то была нелетняя. Шли дожди.

Дожди шли с неделю. И к концу недели я истопил баню. В баню Мишка любил ходить. Но не в такую, как у меня, в настоящую, — а в городскую. В московскую. Когда-то мы с ним вместе начинали ходить по баням, а потом я перестал. Перестал после того, как начал ходить в дедову деревенскую баню. В настоящую. А после настоящей бани в городскую уже не пойдешь — как говорят, слишком большая разница. Причем, не в пользу городской.

Истопил я и стал ждать Мишку: он сказал мне, что в деревенскую, которая по-черному, с сажей, — не пойдет ни в коем случае. Но я знал, что он придет: Мишка любил париться и ходил в Москве в самые дорогие бани — чтобы получить кайф. А в Москве, хоть и много бань, но хороших нет — там только подделка. И чем дороже, тем хуже. Потому и пьют там, в московских банях, очень много пива — больше, чем в простых пивных. Без пива там, в банях, вообще нечего делать.

Про деревенскую баню Мишка тоже ничего не знал. Естественно, он же городской. Откуда ж городским знать про деревенские бани?..

Так что через полчаса Мишка не утерпел и все же пришел. Расхлебсил двери, стукнулся о дверной косяк — и уселся на лавке у самого входа, поглядывая по сторонам: много ли здесь сажи и где можно сесть, чтобы не испачкаться.

Про баню по-черному Мишка абсолютно ничего не знал. А я знал... Знал, что испачкаться сажей в ней невозможно — если, конечно, не принять до этого ведро самогона. Самогона или просто воды. После ведра воды так же хочется лезть вверх по стенке, как и после ведра самогону. Знал я и... Ну, многое, чего там... Но особенно я знал — как сделать так, чтобы новый человек, который никогда не был в деревенской бане, сразу б не убежал из нее, когда кто-то начнет поддавать там хорошего пару. А я про это, естественно...

— Миша, сядь на тот край, а то лавку перевернешь, — попросил я. — На дальний конец. Что ты, как сирота, сидишь тут, у входа? А я чуть-чуть поддам пару, а то холодно.

Холодно не было, но я немного поддал. Мишка сел в дальнем углу — и когда я поддал третий раз, то встать на ноги, чтобы убежать, было уже поздно: слишком горячо двигаться. Когда поддаешь нормально пару, то — если сидишь вверху на полке или просто в дальнем углу на лавке! — то в это время лучше не шевелиться вообще. Чуть шевельнешь рукой или ногой — и

сразу обжигает. А Мишка, естественно, после первой поддачи, когда я плеснул поначалу чуть-чуть, — Мишка сразу пересел с лавки повыше, на полок: чтоб получить кайф. И я б сделал так! Чего ж сидеть на лавке в холоду, если наверху есть полок?

Когда я подал в четвертый раз, Мишка осторожно сполз на пол. И сразу же захотел выскочить в предбанник. И я бы так сделал, если б можно было. Но для этого же — чтоб выскочить! — нужно еще раз пошевелиться! Пошевелиться — чтоб доползти до дверей. В городских банях, куда мы ходили когда-то с Мишкой, тоже иногда кто-нибудь из нас поддавал хорошего пару. Но это было редко: там обычно мешают те, которые не хотят, чтобы пару было много. Хотя мы всегда старались поддавать там побольше, и тоже, бывало, иногда не могли пошевелиться, если пар был хороший. Сидели первые две-три минуты молча, прикрыв рот ладонями, чтобы не обожгло легкие... Кстати, в деревенских банях тоже многие не любят, когда пар обжигает. Люди все разные — что в городе, что в деревне... А Мишка, к тому же, никогда не умел правильно работать веником: выбирал такой, что пожиже, и хлестал им кого-нибудь из своих приятелей так, что на спине у того выступали бурые полосы — и нам приходилось терпеть, жаловаться-то некому. Да, садист был Мишка.

— Ну, как? — спросил я. — Еще поддать или подождать?

— Подожди, — медленно, чтоб не обжечь губы, сказал Мишка. — Не сразу.

Что ж, не сразу, так не сразу.

Горячий пар стал оседать, теперь можно лезть на полок. Я прошел, пригнувшись, в сторону Мишки, сел вначале на лавке, подождал, пока пар еще немного остынет, и полез на полок.

Харр-рошо!

Мишке стало неудобно, что я вверху на полке, а он сидит внизу. Ведь когда-то мы вместе... Причем, совсем недавно, лет шесть-семь назад.

— Ну, чё, еще поддать? — спросил я, прикрывая рот рукой, чтобы легче было дышать.

— А веники есть? — выдохнул Мишка, тоже через ладонь.

Во, Мишка! Не совсем дурак, знает, о чем спросить.

Я принес из предбанника два свежих веника, которые наломал. Окунул в кипяток и сразу вытащил.

— Заваривай их как следует! — скомандовал Мишка. Как раньше, до того, как приехал ко мне откачивать мед. — Ты что, не знаешь, как их заваривать? Заваривай, чтоб лист сошел!

— Свежие не запаривают, — сказал я. — Ты что, никогда не парился свежими? Давай, ложись, сейчас отпарю тебя, как сидорову козу.

— Нет уж, давай я тебя первый, — умно сказал Мишка. — А то... А то...

— Так у тебя же сил не останется, чтобы потом ложиться под веник, — сказал я.

Мишка подумал.

— Соображаешь, — нехотя согласился он. — Правильно: лучше вначале ты будешь парить меня, когда веник еще хороший. А я — потом.

Мишка заполз на полок, я макнул веники в холодную воду и — веник по венику! — начал нужную процедуру. Отхлестал так, что Мишка едва сполз на пол. И, когда сполз, сил у него, естественно, уже ни на что не было. Я залез наверх, расположился, прикрыл голову правой рукой — на всякий случай. Мишка поднял веник, но сил у него, естественно...

— Ну что же ты, — обиделся я. — Забыл, как ты это делал?

Мишка еще пару раз стегнул — и поплелся в предбанник. И я тоже. Мы сели на лавку в предбаннике — дверь на воздух была открыта, и воздух там, за дверью, был сладкий, как мед. Даже лучше. Это ведь и на самом деле, такое удовольствие — подышать после парилки чистым деревенским воздухом! Ни с чем не сравнить.

— Слушай, вот это баня! — сказал, все еще пуча глаза, мой приятель. — Давно я такого пара не чувствовал. Во, благодать, а? А я думал, в деревенской хуже.

Мишка достал из целлофанового пакета пачку дорогих сигарет — и мы закурили.

— Сюда бы еще и пивка, — мечтательно проговорил Мишка, — тогда и вообще бы.

Я вытащил из пакета двухлитровую пластмассовую бутылку с квасом.

— Что это? — У Мишки даже губа оттопырилась. — Неужели...

— Миша, это не пиво, в которое сейчас везде льют спирт, и после которого ходишь полдня как пришибленный и ничего не соображаешь. Это квас с медом и клюквой. Хлебни — и не оторвешься.

Мишка хлебнул — и на мою долю осталось меньше половины.

— А я-то, дурак, себе баню по-белому сделал. — Он хохотнул. — На своей даче. В моем коттедже. Там, у нас, все делают по-белому. Во всех коттеджах. Во дураки, а!.. Приеду — сразу раскурочу все и сделаю так же, как у тебя. А потом приглашу всех, кто меня не уважает, посажу в дальний угол — и поддам. Раз десять. Уморю, чтоб не мельтешили перед глазами... — От предвкушения того, что он может сделать, Мишка совсем подобрел. — Слушай, давай завтра опять твою баню

истопим... Но завтра я первый буду тебя парить! Ты сядешь в дальний угол — а я поддам.

— Баню в деревне топят раз в неделю, — хмыкнул я. — На каждый день дров не хватит. Так что...

— Да? Обидно. А то бы я... Я бы тебя... А то сегодня у меня сил не было. Надо, кстати, зарисовать тут у тебя: как сделать вот так же. Чтоб не забыть.

— Что тут рисовать-то? Обыкновенная деревенская баня. Не обшитые досками бревна, куча гранитных камней, сбоку котел, а на потолке — дырка с задвижкой... Но тут настоящий дух — а его дают только такие прокопченные бревна, как в бане по-черному. Это как копченая рыба — без хорошей коптильни от нее духа не будет. Ты копченую ел?

— Опять ты меня обидеть хочешь. — Мишка посмотрел на меня с некоторым укором. — Слушай, был бы ты нужной породы, я б тебя в свои замы взял. Помощником. Скажу тебе честно: мне такие люди нужны. Я бы тебя... Жалко, что ты...

— А почему я не нужной породы? — опять вроде бы обиделся я.

— Но ты же не по этому делу. Не по бизнесу. А бизнес — знаешь, что это такое? Бизнес — это умение правильно считать. А правильно считать умеют только очень умные люди. Очень. Нужной, так скажем, породы.

— Чтобы правильно считать, нужен калькулятор, — умно сказал я. — А если нет калькулятора, можно и на компьютере.

— Дурак, — коротко, будто квакнул, сказал Мишка. — Правильно считать можно только в уме. Иначе пропустишь процент. На бумаге — одно, а в уме должно быть другое. Без хорошего процента бизнес не работает... А нужная порода — только у нас. — Мишка почему-то скуксился. Но тут же воспрял. — А про стену плача я тебе не скоро забуду. И замом тебя не возьму! Чтобы ты, таки, знал, не строил там...

— Иллюзий, — подсказал я.

— Правильно, иллюзий. — Мишка повернул ко мне голову и, выпятив нижнюю губу, почти с сожалением закончил: — Жалко, что у тебя не такая порода.

— А какая у тебя? — спросил я. — Ты больше похож на китайца, чем на...

— А у меня такая, какая нужно, — не отвечая на поддевку, сказал важно Мишка. — Если бы не наша порода... — Он задрал голову вверх, прогнулся в спине и, приподняв брови, опустил глаза, чтоб не потерять меня из виду. — Да ты сам рассуди, — сказал сверху Мишка. — Все в мире банковские империи — это мы там. Мы там главные. Все банки, все ювелирные магазины... А в Голливуде кто? — Он ткнул себя в грудь. — Тоже мы! Кто еще мог создать такую мощную миро-

вую киноимперию? По отмыванию этих... По сбору. Сейчас, когда везде рынок, даже на нашем телевидении все лучшие фильмы — это оттуда, с Голливуда. Понял? И везде — мы! — Мишка ткнул себя в грудь кулаком.

— А ты разве с Голливуда?

— Ну, это я так, к слову. Как Анатолий Борисович. Он так всегда говорит у нас на собраниях.

— Думаешь, не много он на себя берет?

— Не думаю, — сказал Мишка. — А ты думаешь, кто делал в России первую революцию?.. Мы!

— Девятьсот пятого года?

— И девятьсот пятого, и семнадцатого, и в начале девяностых... Неужели ты не понял, что любая революция — это просто реформа? С винтовкой в руках.

— Да, — растерянно сказал я. — Спорить не буду: главное в любом деле...

— Нет, не винтовка. И даже не автомат. Главное — инициатива. К примеру, кто-то из наших по делу что-то сказал — а ваши все кругом уже стоят с ружьями и спрашивают нас: в кого, братцы, стрелять, чтобы все, как говорите, было по справедливости? Чтоб у богатых отнять и перераспределить по совести!

— Дураки, — сказал я.

— Конечно! — воскликнул Мишка.

— Я не про тех, — сказал я. — Я про первых.

— Про этих?.. А почему, думаешь, эти... эти, которые первые, — такие уж и дураки?

— Да потому что умных людей в мире очень и очень мало, и они ничего не распределяют...

— Ой, мало умных, ой, мало! — Мишка схватился за голову. — Вот в этом ты прав! Даже среди нашей породы...

— А наверху, когда все уже перераспределят между собой, — в самом конце обязательно на самом верху опять оказываются дураки — из самых жадных, которым всегда мало.

— Да, — сразу согласился со мной Мишка. — И потому реформы никогда, скажу тебе, не закончатся. Это я только тебе. Как другу.

— Но в конце каждой будущей реформы все равно наверху обязательно окажутся... — начал подсказывать я.

— Да, ты воображаешь даже без калькулятора. В конце концов, там обязательно окажутся... — Мишка опять скуксился. — Там всегда оказываются...

— И чем глупее жадный, — продолжил я, пока Мишка соображал, — тем больше амбиций: дурак всегда думает, что уж он-то — среди всех дураков! — самый умный. И всегда у

него руки чешутся: хочется от себя чего-то нового. Более свежего, чем эта твоя селедка, которую мы пару дней назад выкинули с тобой на помойку.

— Но вначале она была хорошей! — сказал Мишка. — Когда я ее покупал, она такая казалась...

— Не ты же ее засаливал? Ты бы сделал лучше.

— Конечно! Я бы все это сделал, как надо. Молодец, соображаешь. — Мишка искоса взглянул в мою сторону. — Но про стену плача я тебе никогда...

— Миш, ну что ты, в самом деле...

— Все равно не забуду. Хотя, кое в чем ты, конечно, прав: там, наверху, после распределения, почему-то всегда в начальниках оказываются...

— Самые из всех жадные. А жадность — это первое свойство...

— Да, — сказал Мишка. И надолго задумался. И, когда вышел из прострации, добавил вслед: — Впереди всегда оказываются самые жадные и самые тупые. Которым всегда мало. — Мишка печально опустил голову. — Так вот подумай: вроде бы жить, дуракам, да жить! И налоги отстегивать. Ан нет! Такие, скажу тебе, глупые... Но это я только тебе. Как другу. Больше никому. Ведь если по большому счету... Если по большому, то для того, чтобы считать в уме, много ума, тебе скажу, ума много не надо. А, может, и вообще никакого. Как другу.

— Конечно. Греки, к примеру, в пору расцвета их цивилизации, умели считать только до десяти тысяч. А все, что дальше, называли бесконечностью. Потому что были нежадные.

— Да ты что? Точно? Во греки, умный народ!

— Но шумеру, к примеру, которые жили еще до греков и даже до египтян, умели и считали до тридцати нулей. Как мы сейчас.

— Да что ты говоришь!

— Потому и пропали, — сказал я. — Исчезли из истории, и никто не знает, куда.

— Да ты что! Ох, ты!

— А аккадцы тоже умели считать. И тоже куда-то... А после них — иудеи...

Мишка приподнял брови.

— Иудеев не трожь. — Мишка подозрительно посмотрел в мою сторону. — Египтяне были раньше иудеев — и живут до сих пор!.. Где это ты всего этого начитался?

— Миш, но я же не занимаюсь бизнесом. Читать — читаю, но считать...

— Да, жалко, что ты не умеешь правильно считать, я б тебя взял... — Мишка подумал. — Но об этом даже не думай. Я

тебе, про твою стену с плачем... Про эту стену плача я тебе никогда не забуду.

— Миша, ну что ты, в самом деле, что ты расстроился? Думаешь, тем бедным людям даже и поплакать негде? У них же такие учителя... Они же, эти учителя, — они же, кроме того, что неправильно считают, — ничем другим в жизни не занимаются: из них энергия бьет, как из нефтяного фонтана. И все — идеи, идеи... И все в голове, на бумажках не пишут.

— Но нефти у нас там нет, — грустно сказал Мишка. И тотчас поправился: — А и не надо, зато самим не нужно качать! Когда есть деньги, то все остальное... Как думаешь?

— Но лучше все остальное, чем такая малость, — сказал я.

— На полном серьезе?

— Естественно. Ты ведь знаешь: жадность — это первое свойство...

— Дураков! — радостно выпалил Мишка.

— Эх, дать бы тебе сейчас хорошее...

Мой бывший школьный товарищ внимательно посмотрел на меня.

— Ты дурака-то из меня не делай. — Мишка нахмурился. — Не надо делать из меня этого... И себя тоже.

— Ну что ты, Миш... Я же просто продемонстрировал тебе твою же реформаторскую направленность: главное — подвести к мысли, а все остальное за тебя сделают те, кого ты подвел.

— Не надо. Хотя, конечно...

— Конечно, ты прав: жадность — это первое свойство дурака.

Мишка поднял голову.

— Да я бы... — он задохнулся. — Я бы всех этих жадных, которые... Я этих, этих я... Всех жадных... — Русских слов не хватало, и Мишка, по-моему, пожалел, что родился не на Украине: в украинском языке русских слов еще больше, чем в русском. — Я бы всех жадных, тебе скажу! — Мишка утер со лба пот. — Ты меня понял? Чтобы не мучились!

— Это ты зря, — сказал я. — Не знал я, что ты такой наци... нацио... Извини, нужное слово забыл.

Мишка начал остывать.

— Ну, чё? — сказал я, поеживаясь. — Может, пойдем в хату, примем на грудь? И поговорим о погоде. Если завтра будет погода, тебе, Миша, придется...

— Знаю, знаю, — скороговоркой произнес Миша. — Но то — завтра. А сегодня...

— Но про банковскую империю ты хорошо сказал: все банки — ваши.

— Естественно.

— А банки там, в этой империи, частные?

— Конечно.

— Тогда плохо. Частный банк — это обыкновенная ростовщическая лавка. Но в стиле модерн. Под черный квадрат. Работают под процент, считают в уме. Так что правильнее бы называть твою империю...

— Ну, ты уж совсем... — Мишка еще раз скуксился. — Хотя, конечно...

— Миш, а что ты говорил о Голливуде?

— О Голливуде? — Мишка опять воспрянул. — Голливуд — это мировая киноимперия, которую создали тоже мы! — Мишка не удержался и опять стукнул кулаком себя в грудь. Как Анатолий Борисович.

— Что касается твоей киноимперии, то более отвратительных сцен, какие они там придумывают и потом делают на этом свои деньги...

Мишка сморщился.

— Да, тут они немного переборщили. — Он посмотрел по сторонам. — Но это же все рассчитано на потребителя.

— Только на дебилов.

— А с них самый большой доход, они же за все платят!

— Миша, так те, которые на Голливуде, сами такие! Эти ж фильмы делают только самые ущербные люди, которые раньше, в детстве, подсматривали в замочные скважины. Или залезали на крыши домов, чтобы заглянуть в женскую баню... Или просто пакостили друг другу. Ты вспомни, что печатают их пресса: у них там, в голливудской компании, самое большое развлечение — это напакостить друг другу. Они ничего другого просто не умеют. Причем, с самого детства.

— Но это же востребовано!

— Что востребовано?

— Такие фильмы, вот что!

— Да брось ты. Кем это востребовано, кроме таких же ущербных, как эти, которые... Сейчас даже наши режиссеры, которые всему этому научились, тоже делают на этом деньги. И потому теперь все наши фильмы и смехопанорамы — сплошная ущербность. Посмотришь, а там — что в зале, что на сцене! — там же у всех личики полных... Забыл слово.

Мишка стал думать. И совсем скуксился.

— Но деньги в нашем мире все же пока главное, — неуверенно выговорил Мишка. — Деньги пока...

— Это пока, — сказал я. — Вспомни шумеров.

— Ну, а что ж сделаешь, если сейчас весь мир такой.

— Какой?

— Ну, из этих... Сам знаешь, из кого. Я тебе только что подсказывал.

— Ну, это ты зря. Не весь мир.

По крыше мелко забарабанил дождь. И через минуту затих: в жаркое лето дожди коротки и не противны.

— Ну, чё? — Я выглянул через открытую дверь. Небо было сыро и неопрятно. Но погода явно шла на поправку. — Ну, чё, пойдём в хату?

— Пойдем. Пойдем в твою хату, перекусим чего-нибудь, что приготовила твоя бабка. У нее наверняка найдется хороший закус!

— Вряд ли она там чего приготовила, — сказал я. — Наверное, только то, что послал Бог. А в деревню никто ничего лишнего давно уже не присылает. Все думают, что здесь и так все есть. Это я — только тебе. Как бывшему другу.

— Почему бывшему? — обиделся Мишка.

— Но ты же националист, — сказал я. — Знал бы я, с кем тут имею дело...

Мишка посмотрел на меня.

— Нет у тебя ничего этого... — Мишка тоже забыл нужное слово. — Ничего у тебя нет..

— Святого, — подсказал я.

— Вот именно.

— Так время, Миша, такое. Потому и жить трудно: или делай бизнес — или сиди и пей водку.

— А можно делать и то, и другое, — ободрил сам себя Мишка. — У тебя там, в заначке, что-нибудь осталось? У меня, к примеру, еще есть.

Объединенные идеей, мы вышли из бани и, сбивая по пути высокие одуванчики, пошли по узкой тропинке вверх, к хате.

Еще через неделю я откачал мед. Предварительно, до главного медосбору, который в августе. Мишка крутил тяжелую медогонку, а я проявлял инициативу, подсказывал, давал советы. Сам Мишка проявлять инициативу никак не мог: на верхней губе у него было четыре волдыря, а на нижней... На нижней, помоему, был один — но объединенный из нескольких.

Под конец, когда мы уже откачали, он все же нашел в себе силы и прошепелявил:

— Штранно. Ты говорил, что ш каждого улья — по ведру.. А тут всего два.

— Миша, так это еще не вечер. Главный-то медосбор только сейчас начнется. По осени, естественно, накачаю ведер семь. А, может, и больше.

— А што жи ты мне раньше не говорил? — Мишка пошевелил губами, чтобы размять. — Я бы мог и к августу отпуск взять.

— Но у тебя был записан в июне. Ты сам говорил.

— Но я бы мог... Хотя, конечно... — Он посмотрел в открытое окно, на деревенскую природу. — Красиво, конечно, тут. Но пусто... Людей нет. — Он вздохнул. — В августе лучше отдохнуть на Канарах, а не тратить время на... Или в Турции, там дешевле.

— Да, теперь у нас пусто, — согласился я. — В деревнях никого не осталось, даже побеседовать не с кем. Все разъехались, кто куда. Бизнес делать, как вы учите. А остальные, кто считать в уме не научился, — те все уже померли. А кто не помер, тот пьет. С утра и до вечера. Так что жрать вам всем скоро нечего будет. Только синтетику. Из подделок.

— Да, только два, — проигнорировал мою мысль Мишка. — Только два, — прошепелявил он, обозревая два больших ведра, до краев наполненных тяжелым, густым медом. — Но ты помнишь, как мы уговаривались с тобой в Москве? А уговор, между прочим, дороже денег.

— А как мы уговаривались?

— Все, что откачаем, все забираю с собой.

— Мы уговаривались, что все пополам. И свою половину потащишь сам.

— Но потом ты сказал: все, что утащу — мое. Ты чего, отказываешься от своих слов? Начинаешь жадничать? — Мишка загорячился. — Вспомни, что мы с тобой говорили в бане про жадных!

— Да чего ты так разволновался? — Я кашлянул. — Все, что утащишь — все твое.

— Вот так! — Мишка победно посмотрел на полные ведра. Как хозяин на сундук, набитый добром. — А тут только два! И я их, естественно...

— Тащи, — сказал я. — Но я помогать тебе не буду. Дотащишь?

— Умные люди говорят: своя ноша не тянет. Из умной породы. Дай марлю и бечевку. Надо завязать, чтоб не пролилось по дороге.

На следующий день Мишка отбывал в столицу. Стояла жара, на улице — не продохнуть. Мы попрощались в хате, я выходить не стал.

— Скучно, наверное, будет одному-то? — пожалел меня мой школьный товарищ. — Все же тут такая глушь...

— Да ничего, как-нибудь.

Мишка взял за ручки ведер и попробовал эти ведра чуть-чуть приподнять. Мишка не знал, что мед тяжелее воды почти в полтора раза. И что в каждом эмалированном ведре — если не до краев — почти пуд. А если до краев — то килограммов под двадцать. Так что тащить два пуда в руках... Причем, с гаком.

— Что-то тяжеловато, — сказал мой приятель, опуская ведра на пол. — Ты мне не поможешь? Тут рядом, один километр. А дальше, на станции, я возьму, конечно, такси. И в Москве тоже.

— Не, Миш, — сказал я. — Мне лень. К тому же, уговор, как ты говоришь, дороже всяких там... Слово забыл, подскажи.

Мишка с отчаянием посмотрел себе под ноги.

— А рюкзак у тебя есть? — спросил он, подумав.

— В рюкзаке ты мед не утащишь. Прольется. Так что только твой чемодан.

— Чемодан я оставляю, он тебе пригодится. Знаешь, коко я за него отдал? Он хоть и маленький, но кожаный, и с колесиками... Тебе такой чемодан обязательно нужен!

— Коко? — спросил я. Хотя Мишкин чемодан мне тоже был абсолютно не нужен.

— Да я тебе его за полцены отдам! Но... Но за это ты...

— Не, уговор дороже, — твердо произнес я.

Мишка подсел под ведра — как под штангу! — и встал. Я помог открыть дверь, прошел сзади метров пять. Дальше идти было незачем, Мишка все равно остановился.

— Нет, два я не утащу, — честно сказал он. — Дай мне пустое ведро, я разолью одно на два. Уж по полведра-то я...

Мы молча разлили одно ведро на два, Мишка поднатужился — я открыл дверь... Мы вместе дошли до дороги, напротив сада, в котором дедовы улья, с которыми я не знаю, что делать. И остановились, чтобы Мишка обтер со лба пот и немного передохнул. Естественно, Мишка же сразу вспотел!

Но когда на жаре потеешь, тем более, рядом с ульями... К тому же от ведер несло именно таким запахом, который любят пчелы. И если такой запах не из ульев, значит, мед украден. А пчелы всегда на стреме!

Одна подлетела к Мишке сразу — и я отошел в сторону... Пчела так громко жужжала, будто ее кто укусил. Потом впиалась жалом в Мишкино левое ухо и замолчала. И еще штук пять-шесть были уже на подлете... Но реакция на пчелиный укус у моего школьного друга кой-какая все же выработалась. И он, хоть и сморщился, но, заметив, что я смотрю на него, постарался принять более-менее бесстрастный вид. Он смотрел на меня, стараясь не морщиться, и только уши его все багровели и багровели.

— Ничего, это полезно, — сказал Мишка, будто кого-то успокаивая. — Пчелиный яд — это... — Он не договорил: его укусила вторая. Он опять посмотрел на меня. — Уже два раза, — весело сказал он. — Но первые секунды уже прошли, — и Мишкины уши начали наливаться кровью. Наверное, так наливаются у испанского быка глаза, когда испанскому быку

показывают красную тряпку. На русских быков, насколько я знаю, тряпки не производят должного впечатления.

Я отошел от Мишки еще шага на два, чтобы — если он побегит! — не мешаться у него под ногами...

— Ну, все! — сдавленным голосом произнес мой школьный товарищ. — Я пошел. — Он поднял за ручки два ведра, наполненные наполовину, — и, качаясь из стороны в сторону и топая, как лошадь на плацу, пошел-побежал в сторону большака, к соседней деревне. — А чемодан, если тебе не нужен, выброси на помойку! — не оборачиваясь, крикнул он. — Забрось его туда, где селедка. Кожу для чемоданов, скажу тебе, теперь делают тоже непонятно из чего! Но не из кожи!

...И вот теперь я сижу в деревне один. Главный взяток по медосбору прошел, надо откачивать мед. В этом году, пожалуй, ведер девять будет. А, может, и больше. И куда его деть, этот мед? Я же его... И моей бабке тоже много не надо.

И есть у меня одна мечта. Приехать в Москву пустому, ничего с собой не брать. Сходить там на московский пчелиный базар, где мед в бочках привозят и на каждую честно наклеивают бумажку: «липовый...» Купить там маленькое ведерко этого липового, товарного, дешевого, притащить к Мишке и сказать: «Миш, я тебе немножко меду принес. Подарок, денег не надо. У меня его много: девять больших ведер в деревне стоят, не знаю куда деть. Я-то его... А мед настоящий, без подделки, сам знаешь».

И куда ему деться, этому Кнышу! Моему школьному товарищу. С его нижней губой и природным даром считать в уме. И он опять ко мне в деревню за медом придет: у него хорошая машина, кажется, джип. Доедет на джипе до соседней деревни — а от моей деревни до соседней мне знакомые мужики донесут. Поставлю мужикам бутылку самогона — они хоть десять ведер отволокут. Ну, в крайнем случае, поставлю им две, Мишка расплатится. И обойдется мне все это... В общем, одна бутылка самогона стоит... А две... А потом еще поделить на два: мы же с Мишкой вначале уговаривались, чтобы все поровну... Но надо правильно посчитать. На бумажке. В уме-то, конечно, тоже можно, но... Может, стоит научиться считать в уме? Так, как считает Мишка! Чтобы знать, кто кого и насколько. Хотя... Хотя никакого ума для этого...

И мы славно проведем с моим школьным товарищем время. Попаримся, побеседуем о жизни.

Скучно сейчас одному в деревне. Даже поговорить не с кем.

РАССКАЗЫ

ТОРЖЕСТВО

Тетка шестой год пилила Михаила за то, что с Нинкой они не расписаны. Выговаривала:

— Были бы живы отец да мать, так фиг бы позволили такой пролетариат! — имела в виду детей. — Это ж стыдобушка, безотцовщиной бегают!

— Да какая нужда кому? — огрызнулся Михаил. — Живем спокойно, честь честью, чего еще надо?

— Печать в паспорте, вот чего!

Она, наконец, допилила — незарегистрированные супруги подали заявление в загс. За день до торжественного события уговорили соседа, имевшего «Волгу», — к загсу подкатят с шиком!

Жили они на городской окраине, в собственном доме у большого пруда. С вечера Михаил поставил сеть, но был сильно не в духе — отличное грузило, гирию от амбарных весов, кто-то украл, и пришлось теперь тащить на пруд кирпичи. «Знать бы, кто спер, рожей бы об забор изъездил! — ругался Михаил. — Гирия-то была какая! Эхма!»

Оттого, что он был не в духе, сеть приспособлял слишком долго, начерпал воды в лодку, а когда привязывал лодку к железному колу на берегу, неудачно спрыгнул и подвернул ногу. Прихрамывая, шел домой и досадовал на жену:

ПРОЗА

«Никакого толку от нее! Вот Светка, та какая-то удачливая: берешь с собой сети снимать, таза три рыбы вытащишь. А с Нинкой никогда! А ведь на реке выросла! Правда, Нинка веслами заправски машет, а у Светки лодка как ищейка рышет. «На Васькин дом, на Васькин дом правь!» — талдычишь ей. — «Как задом-то наперед увидишь?» — «Да ты ровней гребь, что у тебя, руки разные?» — «Шас вообще брошу весла!»

Тетка истопила баню, запарила ромашку — Михаил с Нинкой намылись всласть. Нинка разомлела, полезла к Михаилу целоваться... А ночью не смогла уснуть: вдруг в загсе спросят, почему так долго не расписывались? Что ответить? Мишка, мол, не хотел? Ну, ничего себе, скажут, Мишка не хотел; а ты почему не настояла?

Щелкнул соловей, Нинка прислушалась, но соловья перебила кряква, которая вывела у канавы утят и орала теперь дни и ночи.

«Тьфу, никак не заткнешься!» — послала ей Нинка.

Потом на улице заревела корова — значит, так и не нашла дорожку в свой хлев. Весь вечер шаталась по улицам, горько мыча, забредая то в один двор, то в другой, и из тяжелого вымени текло молоко. «Не своя скотина, так не своя, — осудила Нинка работников частной фермы. — Хоть в лес пусть идет, какая беда? Изревелась, бедная...»

Под утро она задремала, а когда проснулась, увидела, что Михаила нет. «Куда это он? В десять уже в загс надо!»

А Михаил, сбегав за соседкой Светкой, торопился снять сеть. Проходя мимо Васькиного дома, увидел на его крыше новенький флюгер-чайку. Фыркнул: «Нашел порядочную птицу! Она же башки у рыб отъедает. Вытащишь, а карась без головы! А она еще летает над тобой, хохочет. Змея!»

В плавни Михаил шел первым, Светка след в след, потому что по бокам невидимой тропки было глубоко. Отцепил лодку, забросил в нее китайскую сумку и подождал, когда соседка залезет.

— Поедем, красавец, кататься! — подковырнула она его. — Сам-то ручки боишься смозолить?

Она гребла, и невольно любовалась красивым утром, раскинувшимся над водой розово, тихо и нежно.

— В кругосветку, что ли, собралась?! — заорал Михаил. — Не видишь, где бутылка торчит? Учишь, учишь тебя!..

Светка развернула вправо, сильнее замахала веслами, и лодка, как по команде, уперлась носом в горлышко пластиковой бутылки. Затем лодка встала чуть боком, Михаил выбирал сети, и они со Светкой азартно считали карасей: раз, два, пять, восемь... вот бы с полсотни выловить! Но выловили только двенадцать штук.

— Подвела тебя сегодня удача, — Михаил запихнул в сумку сеть вместе с карасями.

— Возьми мою долю. Гостей, чай, не много будет? У меня в огороде любисток подрос, положишь в брюшки, вкусно получится.

В это время во двор Михаила въехала «Волга», и ее владелец, Георгий Демьянович, был крайне недоволен, что хозяин отсутствует. Нинка тоже была как на пружинах: время в загс, а мужа все еще нет. Она расфрантилась, надела новые туфли... Пришлось надевать галоши, идти к пруду.

— Мишааа-а! Миии-ш! — обрывая голос, кричала с мостков. — Миша-ааа! — махала руками.

Он, наконец, увидел. Отнял у Светки весла, и в пять минут был у берега. Дома наскоро вымыл «чушку», переделся, и, наконец-то, сели в машину.

Георгий Демьянович нервничал:

— Всю работу из-за вас бросил, а вы! В жизни больше не соглашусь!

В волнении он неудачно сдал назад, багажник «Волги» стукнулся о забор, рухнула поленница и перегородила выезд.

— Всё! Всё! Можно не ехать! — бесилась тетка, откидывая вместе с Нинкой и Михаилом чурки, тогда как Георгий Демьянович осматривал багажник. — Не примут вас, довыдывались!

Но Михаила и Нинку приняли. И вообще бракосочетание прошло хорошо.

— Ой, Мишенька, — льнула она к нему на обратном пути, — ой, мы женатые теперь!.. Щас стол накрою, Васька с Таней придут, Света, Григорий Демьянович, Дашутка, детишки ихние...

Михаил улыбался, а едва подкатили к дому, напялил болотные сапоги, и с удочкой ушел на пруд: «Хоть с десяток карасей еще подловить».

И снова Нинка бегала по берегу, кричала, что гости на пороге.

— Да иди ты с ними! — отмахивался он. — Такой клев, а она «гости, гости»!

И лишь когда жена подплыла к нему на Васькиной лодке, когда Михаил, вытаращив глаза, увидел на дне этой лодки свою украденную гирию, он бросил все, и стремглав полетел к Ваське — разбираться.

ЗА ОПИЛКАМИ

— Чужим людям так ты привез, а про нас с отцом и не подумал! Да нам бы не машину, нам бы хоть мешков двадцать, и то бы хватило кроликам на целую зиму! Тебе нравится, что отец выпрашивает эти опилки в столярке? Ты сходи туда сам! Опилки им не нужны, выкидывают, а придешь, как на волка смотришь! Бутылку ждут, понимаешь? Идешь, и бутылку носи! А ты вот специально поехал для какой-то Натальи Михайловны, а

мы с отцом на себе таскаем! А мяско-то любишь, носочки пуховые любишь — вишь, в пуховые носочки-то вырядился!

— Да замолчи ты! — обозлился сын. — Привезу завтра! Давай полтину.

— За двадцать мешко-ов? Золотые, что ли, опилки-то?

— Ну, купи дешевле, если знаешь где.

— Отдай, отдай, Галя, — простонал муж. — Замаялся я уже ходить к этим плотникам.

Мать отдала сыну пятьдесят рублей и долго ворчала, что «для какой-то Натальи Михайловны, поди, бесплатно привез, а с родителей не совестно шкуру драть».

На другой день сын уехал в район, куда его отправляли от ЖЭКа за краской, трубами и прочими нуждами, а родители остались ждать.

— Полсотни! — негодовал отец. — Заработай столько! Ничего, паразитская душа, не понимает! Точно, что половину себе прищучит.

Зимние дни коротки, и к пяти часам стало темно. Сын не появлялся.

— Дорога плохая, дальняя, по потемкам, ой, как бы чего не случилось! — запереживал отец.

— Да что с ним случится-то, постоянно ездит.

— Конечно, тебе что, жалко ребенка? Пускай хоть замерзнет! Ты глянь, как по стеклам хлещет. Пурга, видать, начинается.

— Да какая пурга? Я ходила к кроликам, ничего там нет.

— А вдруг в районе пурга? Застрянет где-нибудь по дороге, и до утра!

— Там же автобусы ходят.

— Какие автобусы?! Ты посмотри на часы!

— Что?! Половина шестого.

— Так темень же, темень, как он едет-то бедный? Навязалась со своими опилками, я бы их и здесь набрал. Он же из-за них крюк делал. Давно бы уж дома был!

— Ну, начал, начал... Приедет Андрюша твой, никуда не денется.

Однако время шло, а сын не возвращался. Отец бегал по комнатам, зачем-то включал и выключал свет и бушевал:

— Замерзает, замерзает! Замерз уже! И зачем я тебя послушал? Тайга же там вкруговую! Кто спасет?!

Мать тоже стала беспокоиться, а когда часы показали десять, заплакала:

— В милицию, что ли, звонить?

Но тут телефон сам зазвонил, громко, пронзительно. Супруги кинулись наперегонки, и в мыслях было одно: Андрюша в морге!

— Алло! Мама! — бодрим голосом прокричал сын. — Я тут застрял. Как раз на середине пути. Жду вот, чтоб кто-нибудь вытащил. Да чё реветь-то, машина теплая. Часа через три дома буду.

— Это ты, ты во всем виновата! — напустился муж на жену. — Из-за тебя все! Он там руки отморозит, у него же перчатки, без пальцев останется! Разорвало тебя с опилками! Я сейчас к Ваське пойду, может, дежурку даст, надо спасать...

Но жена вдруг растерянно открыла рот:

— Постой-ка, постой... Если посреди леса застрял, то откуда там телефон?

— А и правда... — опешил муж.

— Там шум был. В трубке шум. Ты знаешь, где он? В котельной!

В мгновение ока отец добежал до котельной, находившейся рядом с домом, и увидел своего Андрюшу живым, только вот сильно выпившим. Вместе с Андрюшей пропивали полтину два мастера и домоуправ.

Счастью родителя не было предела!

— Жив! Жив сынок! — хватался за сына. — Испереживались за тебя! Ты долго тут еще просидишь?

— Посижу еще... — сладко потянулся сын. — А вы спите давайте, что вам меня караулить? Опилки привезу в другой раз, сегодня не посылали в район.

ПОД МУЗЫКУ

Была выставка местных фотохудожников. Портреты, пейзажи, натюрморты, — в общем, все то, что бывает на таких выставках. Публика медленно перемещалась из зала в зал, что-то находя для себя, чего-то не находя.

— Надя, — подошла к Надежде Ивановне сестра одного из фотохудожников, — Петька в больнице, так я тебя попрошу: напиши о его работах прочувствованную статью?

— Я ведь не журналистка.

— Ну и что! У тебя душевно выходит, ты хоть и редко пишешь, а зато все твои статьи запоминаются. Приезжай ко мне в воскресенье, я тебе еще много чего покажу, все альбомы брата у меня хранятся. И музыку послушаем. Эннио Морриконе. Нравится Морриконе? Ну вот!

— Я не могу в воскресенье. Надо к Новому году подготовиться.

— А тридцать первого что будешь делать, спать? Я жду тебя!

Тридцатое декабря оказалось на редкость морозным. Надежда Ивановна спешила к автобусной остановке, а ветер набивался в рот и рвал горло. Из пригорода в центр автобусы ходили с перебоями, и, увидев, что автобус приближается, она побежала бегом. К счастью, шофер подождал, она вскочила в салон, но сердце, загнанное бегом и ледяным ветром,

стучало, как молоток в доску. «Хоть бы кто-нибудь мне место уступил!» — смотрела она по сторонам. Но места уступать здесь было не принято.

А сердце не унималось, оно едва не выпрыгивало из открытого, жадно лоящегося воздух рта. «Согнать бы вон того парня!» — подумала Надежда, умиленно созерцая лохматушки снега на веточках рябин, вспомнила, как в августе эти рябины обвесились крупными кистями, как долго хватало корма снегирям, — и, отдохнув, пошла к Татьяне Львовне. Когда открыла дверь в ее узкую маленькую прихожую, сердце почему-то опять застучало, и это испугало Надежду Ивановну.

Татьяна Львовна сидела на кухне; напротив нее соседка, и на столе перед ними стояла бутылка водки.

— Налей мне, Тань, — попросила Надежда Ивановна. — Пока добиралась к тебе, сердце загнала.

Залпом выпила стопку, потом еще одну; заела кусочком хлеба.

— Вон пирожное, чего не берешь? — показала хозяйка на тарелку с эклерами.

— Водку с пирожными?

— А какая разница. Мы недавно молочный ликер заедали рыжиками.

Соседка кивнула и продолжила прерванный появлением Надежды Ивановны разговор.

— Ну и скажи, кому такие специалисты нужны? Зуб сломала! Набила мне полный рот алебаstra и тянет. Нигде уже алебастровые слепки не делают, только в нашей дыре! И, главное, зуб сломала, и хоть бы хны. «Давай, посиди, говорит, вон там, в бытовке. Отдохни, посмотри каталоги косметики, может, что выберешь для себя, мы с сестрой косметикой при-торговываем». Вот те на! — думаю.

— Да у нас кругом такая зараза! — махнула рукой Татьяна Львовна. — Ну что, по стопке еще?

— Я не буду, — отказалась Надежда Ивановна. — Покажи мне фотоальбомы твоего брата, я кое-что подберу для себя, да и поеду.

— Успеем. Тебе котенка не надо? Кошка троих родила. Одного я уже отдала, два остались.

— Нет, что ты, у нас два кота.

— Где два, там и третий.

— Нет, нет!

— Да тут водки-то на донышке! — взялась за бутылку соседка. — Допиваем, и я еще принесу.

До альбомов дело не дошло, и к позднему вечеру, зато под музыку Морриконе и азартные разговоры прихлопнули еще водочки.

— Были, были у меня ошибки! — горячо жестикулировала Татьяна Львовна. — А у кого их не было? Живем сразу набело, никто нам не предоставит возможность сначала примериться, а потом жить!

— А вот сны бывают одни и те же, — перебила ее соседка. — Представляете, один и тот же сон повторяется каждый раз!

— Это потому, что время имеет свойство сжиматься. То, что, казалось, было сто лет назад, вдруг явится, как будто вот только что.

Зазвонил телефон. Татьяна Львовна подняла трубку, ей что-то сказали, и она взвилась до небес:

— Нет, не котенок, а вы виноваты, вы! Несите его сюда. Немедленно! Немедленно! Я приказываю! Немедленно!

— Что случилось-то? — перепугалась соседка.

— Взяли котенка, и говорят, что он их ненавидит, царапает! Негодяи! — Татьяна Львовна заревела. — Это ж надо, котенок возненавидел! Они над ним издевались, голодом морили...

Она рыдала до тех пор, пока женщина, взявшая котенка, не вернула его назад, — очаровательное существо с белыми лапками и влажным носиком.

— И вот такая кроха вас исцарапала? — заорала Татьяна Львовна.

Женщина исчезла, а Надежда Ивановна, разжалобленная участю несчастной крохи, сказала, что заберет котенка себе.

— Договорились! — воспрянула духом Татьяна Львовна. — Сейчас мы тебя на остановку проводим.

Было темно, вдоль аллеи горели фонарики, три пьяные женщины громко сетовали на людскую жестокость.

К изумлению, автобус долго ждать не пришлось. Надежду Ивановну втолкали в дверь. Татьяна Львовна в белой шапочке помахала ей белой варежкой...

Пассажиров было немного. Надежда Ивановна села, пристроила на коленях портфель, котенок за пазухой тихо мурлыкал. Подошла кондуктор, она полезла за деньгами, портфель упал, расстегнулся, вывалились бумаги, ключи, кошелек. Котенок не шевелился. Кое-как все это собрав, оплатив проезд, Надежда Ивановна устала в темное глухое окно, в котором отражалось ее лицо, такое же красное, как у Татьяны Львовны. Зато сердце не беспокоило.

«Хорошо, что не надо писать статью, — думала она. — Это ведь кто не знает только, считает, что написать легко...»

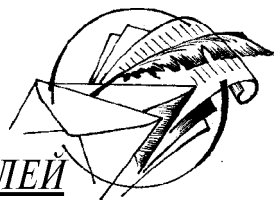
И Надежда Ивановна расслабленно прикрыла глаза.

ЧТО ДЛЯ МЕНЯ СССР?

Я родился в 1986 году в Союзе Советских Социалистических Республик. Обычно этот год считается точкой отсчета последнего этапа жизни Советского Союза, но все же СССР тогда еще существовал и первые пять лет моей жизни он растил меня.

С начала 90-х годов советское прошлое подверглось жесткой критике, а точнее — критиканству со всех сторон. Его клеймили позором экономисты, политики, историки, ученые, общественные и религиозные деятели. Не все, конечно, но в большинстве средств массовой информации слово давали именно тем, кто всячески поносил советский строй. Эта кампания по травле всего советского продолжается до сих пор, хотя теперь она немного утихла, приобрела более обтекаемые формы, и тем не менее для любого внимательного телезрителя очевидно, что плюнуть как бы между делом в советскую историю является для большинства тех, кто присутствует на телеэкране, признаком хорошего тона.

Антисоветская кампания имела и имеет огромное значение в формировании сознания молодого поколения. Очевидно, что люди более зрелого возраста, имеющие устойчивые воззрения на жизнь и собственную систему ценностей, мень-

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

ше подвергаются воздействию пропаганды. Тем не менее ломка стереотипов сознания, перестройка всего мировоззрения захлестнула и эту часть общества. Что уж в таком случае говорить о молодежи, чье сознание формировалось как раз в годы яростной антисоветской информационной кампании? В ее сознание глубоко вошли основные антисоветские постулаты. Новое поколение стали воспитывать на иных ценностях, идеалах, образах, нежели предыдущее. В результате традиционный конфликт отцов и детей в российском обществе перешел все нормальные границы. Образовалась огромная пропасть во взаимопонимании поколений.

Для меня до сих пор остается загадкой: понимали и понимают ли те, кто распространяет антисоветские настроения, какой клин вбивают своими действиями в фундамент нашего общества?

С первых лет моей жизни я попал под влияние антисоветского течения. Будучи рожденным в СССР, я не понимал, что это моя Родина. Советский Союз воспринимался мной как нечто нехорошее, устаревшее, давно умершее. Все, что напоминало о его недавнем существовании, вызывало у меня негативные эмоции. Помню, какое презрение вызывали у меня советские деньги, уже вышедшие в тот момент из обращения. Герб на советских копейках прочно ассоциировался с какой-то тоскливой старостью, дряхлостью. Образ Сталина и его эпохи был в моем сознании сильно демонизирован. Я представлял себе тридцатые годы как какой-то сплошной, непроходящий мрак, в котором людям жилось очень плохо и очень страшно. Этому способствовали чтение моими старшими родственниками книг Солженицына и их высказывания по поводу прочитанного. Сильное влияние оказали на меня политические анекдоты о советском прошлом, которые толстыми томами издавались в первой половине 90-х годов. Грязь и нищета «коммуналок», тотальный дефицит, вожделения — каждый со своим прибаблом (Хрушев с кукурузой, Брежнев с наградами), серость и хамство повсюду, всемогущие КГБ и коррумпированность бюрократии — вот те представления о Советском Союзе, которые были вложены в мою голову стараниями издателей анекдотов, телеведущих, режиссеров и прочих деятелей образования, науки, культуры.

Абсолютное непонимание вызывали у меня тогда люди, в основном преклонного возраста, остававшиеся верными социалистическому строю, желавшие возвращения всего советского в нашу жизнь. Телевидение и газеты «помогли» тогда понять их мотивы: почти все коммунисты — «старые маразматика», совки, не понимающие очевидных вещей. Еще

большее отторжение вызывали те, кто любит Сталина и при удобном случае восклицает: «При Сталине такого бы не было! Сталин бы навел порядок!»

Такие взгляды сохранялись у меня вплоть до начала 2000-х гг. Переосмысление всего, что связано с СССР, приходило далеко не сразу, постепенно, и я безмерно благодарен тем моим знакомым и тем книгам, которые позволили мне узнать советское прошлое совсем с другой стороны. Сегодня мне жаль тех молодых людей, которые до сих пор не знают, не понимают, чем был Советский Союз на самом деле, которые до сих пор доверчиво относятся и к «43 миллионам репрессированных» Солежницына, и к горьким воспоминаниям о дефиците. Но я стараюсь помогать таким моим сверстникам и считаю эту работу полезной, достойной усилий всего нашего общества.

Сегодня, когда нападки антисоветских идеологов поутихли, пора более трезво оценить наше недавнее прошлое. Многие люди, жившие уже при Брежневе, знавшие лишь по рассказам старших ужасы войны и голода, недооценивали, порой просто не видели того благополучия, в котором они жили. Между тем в Советском Союзе к 70-м гг. было построено удивительное, уникальное для всей человеческой истории общество. Это общество, в котором голод, нищета, безработица, бездомные, беспризорные практически отсутствовали. К минимуму была сведена преступность (это достижение мы сегодня как никогда можем оценить), половая распущенность, проституция. В советском обществе забота о детях не была пустым звуком: на столе у каждого ребенка был нормальный рацион, насыщенный белками и витаминами. Пусть те, кто говорит, что сегодня в России живет лучше, чем в СССР, расскажет эту сказку сотням тысяч беспризорных детей и еще сотням тысяч (а может, и миллионам) тех детей, которые недоедают!

Некоторые современные обществоведы приходят к выводу, что часть советских граждан воспринимала основные материальные блага как естественные. К таковым относились: жилье, отопление, горячая вода в кране, детские сады и многое другое. Живой пример такого отношения к действительности показан в комедии Э.Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром». Все, наверно, помнят эпизод, когда герои Евгения Мягкова и Барбары Брыльски сетуют на свою невысокую зарплату за свою работу. Они говорят об этом в то время, как совсем недавно получили по квартире в новостройке! Получили не кредит, как на Западе, и никто их из этой квартиры не выгонит за неуплату коммунальных услуг, как в

современной России. Право на жилье в Советском Союзе не было пустым звуком, а реализовывалось постоянно. Сегодня в России право на жилище — это в основном право купить жилище за его полную стоимость, а то и с процентами за кредит. Пусть же те, кто нахваливает современный российский строй в сравнении с советским, расскажет об этом нашим бездомным, до которых уже никому нет дела — их даже не считают при переписи.

Когда нынешние либеральные активисты призывают покончить с пережитками советского прошлого, которые якобы мешают России нормально развиваться, так и подмывает спросить их: что же они называют пережитками?. Относят ли они к советским пережиткам фабрики и заводы, построенные в советское время, которые еще отчасти работают и обеспечивают нас необходимыми вещами, относят ли к советским пережиткам гигантские ГЭС, ТЭЦ, атомные электростанции, дающие свет и тепло нашим домам? Надо ли покончить с таким «проклятым» советским пережитком, как оружие стратегического назначения, обеспечивающее России безопасность и суверенитет в столь беспокойном мире? Нравится ли критикам такой советский пережиток, как общеобразовательная школа, в которую они водят своих детей, система высшего образования, куда по «жуткой» советской традиции еще можно кое-кому поступить бесплатно? Да, пока еще вокруг нас одни «советские пережитки». Мы за счет них еще живем, их мы сегодня активно доедаем, донашиваем. И будет ли построено что-то на смену этим «советским пережиткам»?

Многое из советского наследия уже утрачено, что-то — безвозвратно. Но благодаря этим потерям люди теперь быстрее начинают понимать, что они потеряли в лице СССР. Намного раньше россиян это поняли жители некоторых бывших советских республик, особенно тех, где в свое время рекой лилась кровь в результате межнациональных конфликтов. Пусть антисоветски настроенные граждане расскажут бедным иммигрантам-нелегалам — таджикам или узбекам, на свой страх и риск едущим на заработки в Россию, что СССР был страшной «империей зла», что Россия угнетала и эксплуатировала национальные окраины! Зато теперь она (а точнее — ее часть) их действительно эксплуатирует.

Нет, я отнюдь не стремлюсь идеализировать, приукрасить советскую действительность. Было в СССР и хорошее, и плохое. Но сегодня почему-то предпочитают раздувать все плохое, ни слова не говоря о хорошем. Плохое именно раздувают, популяризуют часто надуманные проблемы. Обратим-

ся, например, к проблеме дефицита, о котором так много говорилось и писалось. Удивительные вещи происходят в сознании общества: в Советском Союзе производством молока, например, было в два раза выше, чем сегодня в России, но о современном дефиците почему-то никто не говорит. В СССР еды хватало всем: пусть и недостаточно было некоторых продуктов питания: самые необходимые все равно были у каждого на столе. Сегодня упало не только потребление россиян в целом, резко сократилось количество белка, витаминов, других питательных веществ в ежедневном среднестатистическом рационе. Да, сегодня нет дефицита на прилавках: часто потому, что население просто не имеет денег, и товар не покупается, а красуется на витрине. Зато абсолютно реален сегодня дефицит веса и дефицит здоровья у части населения, особенно молодой. С этой проблемой уже столкнулись наши военкоматы: призывать становится некого.

Конечно, реальные проблемы в СССР были — с этим трудно поспорить. О них уже много сказано, много написано. Безусловно, если бы этих проблем не было, СССР дожил бы и до наших дней. Был и бюрократизм, и карьеризм некоторых коммунистов (впоследствии они оказались «демократами»), был недостаток свободы, была и определенная бедность (еще бы после такой войны!). Проблемы были, но была и возможность их решить мирно, постепенно, без ломки коренных устоев общества. Сегодня некоторые ученые начинают понимать, откуда происходили проблемы в советском обществе. Тогда же мы действительно «не знали общества, в котором живем».

Советское общество родилось в тяжелейшее для нашей страны время. Российская Империя, пораженная глубоким системным кризисом, ослабленная войной, в 1917 году рухнула. Наша крестьянская страна выбрала для себя особый путь. Мы свернули с проторенной дороги капиталистической модернизации и начали прокладывать путь такой модернизации, при которой сохранялись бы основные устои традиционного общества. В результате возникло общество особого типа, показавшее народам мира настоящую альтернативу капиталистическому развитию. Сегодня феномен советского общества недооценивается и не изучается, а нас призывают строить в России гражданское общество по западному образцу. Весьма сомнительны эти призывы. Во-первых, потому что они звучат из уст тех, кто еще недавно звал строить коммунизм. Идеал коммунизма ушел, а «строители» остались и теперь зовут нас строить демократию, «правовое государство» и пресловутое «гражданское общество». Во-вто-

рых, я сильно сомневаюсь, можно ли вообще целенаправленно построить такое общество: на Западе процесс этот шел стихийно, был обусловлен объективными причинами и длился несколько веков. Западное гражданское общество не появилось бы без Реформации, без революций вроде Великой Французской, без крайней индивидуализации сознания — неужели и к этому призывают нас наши «строители»? И в-третьих, никто из призывающих не говорит, в каком обществе мы жили до этого — ведь какое-то общество было. Теперь можно ответить на этот вопрос: мы жили и отчасти продолжаем жить в модернизированном (осовремененном) традиционном обществе.

В основе гражданского общества лежит принцип рынка: все торгуют со всеми, каждый пытается выторговать себе материальное благо. Коммерсанты продают товар, рабочие — свой труд, кое-кто — свое тело, политики торгуют программами и обещаниями, заключают сделки с бизнесом и электоратом. В основе же советского общества лежал принцип семьи: все друг другу братья, заботятся друг о друге, помогают в беде. Само государство было выразителем этой идеи семьи. Оно заботилось о детях, о стариках и инвалидах, оно распределяло материальные блага «по едокам» — как в крестьянской общине. Советский Союз стал общим домом для многих народов — никто не выяснял тогда, чья тут земля — армянская или азербайджанская, русская или татарская, чеченская или ингушская — земля была общей для всех, каждый имел право жить на ней.

Советское общество сразу же после своего возникновения стало мешать многим внешним силам. Поэтому, чтобы сохранить его, народу нашему пришлось вынести на своих плечах тяжелейшие испытания. Сначала — братоубийственную Гражданскую войну, потом — форсированную индустриализацию как подготовку к новой войне. Величайший подвиг совершили наши отцы, деды, прадеды, победив в Великой Отечественной войне. По сути, они отразили натиск всей Европы, всей ее военной и экономической мощи. Они избавили мир от фашистской угрозы и вызволили многие народы из фашистского плена. Они своей кровью доказали всему миру жизнеспособность и стойкость советского строя. Подобно тому, как с Куликовского поля вместо москвичей, рязанцев, тверичей вернулся с победой единый русский народ, из Великой Отечественной вышел с Победой великий советский народ, вобравший в себя более сотни разных народов и народностей.

Мы сообща строили новое общество, где будет место счастьем каждого. Нужно понять, насколько великим достиже-

нием, например, было избавление людей от угрозы голода, от страха остаться без дома, без работы, без смысла жизни. Советский Союз часто сравнивали и сравнивают до сих пор с Западом, который якобы благополучен, в котором все есть и все живут счастливо. Насколько оправдано такое сравнение? Ни на сколько! Во-первых, потому что стартовые возможности западной и российской цивилизаций неизмеримо отличались: различны климат, урожайность, различной была угроза со стороны внешних врагов — например, степных кочевников. При всех этих различиях не в нашу пользу мы смогли построить великую державу, несколько раз отразившую натиск со стороны Запада. Во-вторых, сравнивать надо не Запад с Советским Союзом, а Запад и страны «третьего мира» с Советским Союзом, ведь ни для кого не секрет, откуда западная цивилизация черпала и черпает немалую долю своих богатств. Многие бывшие колонии европейцев сегодня по-прежнему подвергаются эксплуатации — только теперь более скрытой: например, зарплата европейского рабочего может в разы, а то и в десятки раз превышать зарплату такого же рабочего где-нибудь в Бразилии — при том, что они работают на заводах одной компании. «Третий мир» — это как бы обратная сторона Запада. В результате такого более корректного сравнения мы увидим, что средний советский уровень жизни был неизмеримо выше того, что было и есть за рубежом, в капиталистическом мире. Но если даже мы будем сравнивать одни только развитые страны с СССР, все равно сравнение будет в пользу советского строя: на Западе до сих пор есть и бездомные, и беспризорные дети, и голодающие, а уж такие «блага» цивилизации, как наркомания, секс-индустрия, там просто процветают.

Все, что сказано выше, было осознано мной совсем недавно. Теперь мне стыдно за себя прежнего, за свои прежние взгляды, за то, что я не понимал очевидных вещей. Зато теперь великая гордость есть в моей душе: я родился в Союзе Советских Социалистических Республик, в великой стране. Это моя Родина. Нет и не будет у меня иной Родины — не заменит ее так называемая Российская Федерация, страна со страшным настоящим и смутным будущим. Страна, идущая неизвестно куда. Страна, рвущая свои связи с родителем — СССР. Страна, плюющая в свое собственное прошлое, изменившая своим прежним священным идеалам. Страна, кричащая, что она — «новая Россия», но при этом живущая за счет всего того, что создано в советское время, и не создавшая пока ничего сопоставимого по величине с тем, что было создано в нашем великом прошлом.

Мы можем сегодня сколько угодно говорить о великой русской культуре, восхищаться Достоевским или Толстым, Пушкиным или Ломоносовым, Шаляпиным или Репиным — все это будет в высокой степени цинизмом. Мы ими восхищаемся, но мы предаем их на каждом шагу. Вот уже жуткие образы Петербурга Достоевского стали для нас обычной реальностью. В наихудшем варианте эти образы воплощаются в нашей действительности. Сонечка Мармеладова теперь не стыдливо, а почти демонстративно занимается своим «делом», Родион Раскольников теперь убивает старушку не из-за каких-то затейливых соображений, а просто из-за денег, делец Лужин торгует всем и вся, вообще не считаясь с совестью и законом, Свидригайлов грешит еще больше, да еще и рассказывает об этом со вкусом в популярных ток-шоу. Вернулись в нашу действительность тридцатилетние женщины с пропитыми лицами, охрипшими голосами, растерянной жизнью, подорванным здоровьем, вернулись чумазные ребята в лохмотьях. От всего этого избавили нас наши предки, построившие Советский Союз. Мы же вновь (и кто-то с большой радостью) к этому всему вернулись, развалив СССР.

Сегодня СССР для меня — не просто Родина. Это утерянная цивилизация, с которой нужно срочно восстановить связь, иначе — катастрофа. Советский Союз — это важное звено в цепи перевоплощений нашей великой русской культуры. Только переосмыслив советский опыт, мы сможем двинуться дальше, вновь обрести свой путь, по которому шли веками. Восстановить утраченное, вернуть связь поколений, рассказать молодежи правду о нашем прошлом — вот что нам нужно делать сегодня, чтобы Россия вновь стала великой и повела за собой народы к благополучному, счастливому будущему для каждого человека.

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Михаил АНИЩЕНКО (Самарская область)

СТУДЕННЫЕ РОСЫ

* * *

Положим, проселок, дорога,
И лес утопает во мгле...
Положим, что это не много
Для счастья на этой земле.

Положим, что это не много.
Но как хорошо, что во мгле
Есть именно эта дорога
На именно этой земле!

ОЧИЩЕНИЕ

Гром на рассвете разбудит.
Встану — а небо в крови.
Кажется, больше не будет
Веры, надежды, любви.

Волга черна, словно Лета.
В пропасти прожитых лет
Спят облака Параклета,
Спит в облаках Параклет.

Нет у России наследства,
Врали цари и вожди.
Листья летят — не надейся,
Звезды сгорают — не жди!

Пусто на сердце и грустно,
Время расправу вершит.
Господи! Как же искусно
Мир для погибели сшит!

Справа и слева — могилы,
Слева и справа — кресты.
Господи! Хватит ли силы
Верить, что все это — Ты?

Так говорю — и немею,
Будто бы слышу ответ.
И над землею, над всею,
Вижу незыблемый свет.

Вижу луга и дубравы,
И понимаю, что вновь
Вера рождается — справа,
Слева — сияет любовь!

Выйду в студеные росы,
Тихо растаю во мгле.
Так вот и кончится просто
Время мое на земле.

* * *

Мальчик играет. Кораблик плывет.
Лошадь слепая по кругу идет.

Мальчик мечтает. Грустит и поет.
Лошадь слепая по кругу идет.

Мальчик мужаает, науку грызет.
Лошадь слепая по кругу идет.

Мальчик влюбляется, мечет и рвет.
Лошадь слепая по кругу идет.

Мальчик в окопе. В руке огнемет.
Лошадь слепая по кругу идет.

Цинковый гроб. Недолет, перелет...
Лошадь слепая по кругу идет.

Царь не заплачет, и Бог не вздохнет.
Лошадь слепая по кругу идет.

* * *

Школьный дворик.
Ночь светла,
Как страница сочиненья.
Это взгляд восьмого «А»,
Это свет мироточенья.

У распахнутых дверей —
Сашка, Юлия и Сева;
Это — Нина, там — Андрей,
Я стою четвертый слева.

Вика — косы по плечам,
Маргарита, словно рана...
Черно-белая печать
Разноцветного тумана.

Наше горе — не беда,
И прожитое не бремя.
Словно мамонт изо льда
Смотрит сказочное время.

То же все — припухлость щек,
Взгляд учителя, как зуммер...
И не верится еще,
Что вот этот мальчик умер.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

День Победы. Смертная тоска.
Как вагон, Россию отцепили...
Подменили даты и войска,
И героев павших подменили.

Мир спасен. Америке — виват!
Для России — водка и корыто.
Что ты плачешь, маленький солдат,
За проклятым Одером зарытый?

Возрождайся, память, из обид
Под сияньем воинского флага!
Что Париж, Варшава и Мадрид,
Что весь мир без взятия рейхстага?

Русский дом измазали смолой,
Оплели лукавыми словами.
Встань, солдат, над пеплом и золой,
Посмотри в утраченное нами.

Там, вдали, где праведники лбом
Бьются в пол святого каземата,
Спит Земля в сиянье голубом
Под пилоткой русского солдата.

НАЧАЛО

На тихую юность, залитую светом,
Спускается сумрак военного дня...
Так группа десанта, сносимая ветром,
Спускается в море чужого огня.

Еще не обветрены руки и лица,
Солдатский паек не всегда по нутру,
Еще не щедра на медали столица,
А значит, каптер еще скуп на махру.

Еще при дрожащем полуночном свете
Никто из ребят осознать не готов,
Что разом прибавят нам первые смерти:
Сначала — махорки, потом — орденов.

СПЯЩИЙ В ДОЛИНЕ

Опять заря на озере пирует,
Вчерашний дождь за холод не коря.
И все блестит, все дышит и чарует.
Бог любит всех — героя и червя.

А под зарей, под облаком, под небом,
Затерянный в веселых васильках,
Лежит, пропахший порохом и хлебом,
Мальчишка с удивлением в глазах.

Ему березы делают поклоны,
Сухой репей роняет на погоны
Колючие крупицы янтаря.

Засохла кровь на розовой рубашке.
Вонзились в раны черви и букашки.
Бог любит всех — героя и червя.

ЧАРЫ ЧУРОВОЙ ДОЛИНЫ

Чары Чуровой долины начались на чердаках,
Где мерцали паутины и орлы на пятаках.

Свечи. Ладанки. Иконы. А случится час ночной:
Чьи-то вздохи, чьи-то стоны, чьи-то тени за спиной.

Окаянное пространство! Наползает, хоть реви!
Запах беглого дворянства, беглой веры и любви.

Где вы, тетя, в карты дулись? Где кинули ананас?
Почему вы не вернулись — хоть разок взглянуть на нас?

Волга. Родина. Отрава... То ли небывь, то ли бывь...
И высок сундук, как слава, а откроешь — только пыль.

Времена, как льдины, тают... Что ты, маленький, не спишь?
Тени снова улетают на Мальорку и в Париж.

Долетели. Не разбились. Облачились в жемчуга.
А вот гуси возвратились. Гуси, гуси! Га-га-га!

КУКУШКА

В темной ночи, над опушкой,
Там, где туман и осот,
Сделано дело кукушкой,
Нет у кукушки забот.

Господи! Крыть даже нечем!
Спутались нечет и чет.
В маленьком гнездышке певчем
Быстро подкидыш растет.

Знают лишь змеи да совы,
Что оперится птенец,

И от предчувствия злого
Хмуриться станет отец.

В свете луны на ребенка
Будет подолгу смотреть,
Будет учить кукушонка
По-соловьиному петь.

СОН

Разливалось пространство тоской.
Что случится, мы знали едва ли...
Ты сказала мне: «Вечный покой»,
Я откликнулся: «Вечные дали».

А потом в шалаше, над рекой,
Где янтарные совы летали,
Мы впервые уснули с тобой,
Мы до этого вместе не спали.

А теперь на прощальной меже
Обнялись, как бездомные дети...
Ты, уснув, не проснулась уже,
Я проснулся в объятиях смерти.

* * *

Сживают поэта со света.
Горит за тетрадь тетрадь.
А девочки в школе балета
Уже научились летать.

Судьба холодна и превратна.
Но девочки, боже ты мой,
Куда-то летят безвозвратно,
Как будто снежинки зимой.

Летят через вечное бремя,
Летят далеко-далеко...
И так же тяжелое время
Летит над Землею легко.

И так же — явленье поэта
Похоже на выдох и вдох
Куда-то летящего света,
Куда-то бегущих веков.

МУЖ ГЛАВБУХА

Рассказ

Васька

Она в тот год уже работала главбухом в отдаленном подмосковном совхозе. Фигура!

Муж у нее был Васька, водила.

Я сидел с ним в кабине грузового газона в ожидании водки. По рыжим лужам, запятнавшим избитую шинами и гусеницами землю, по стеклянному лбу машины, уткнувшейся фарами в раскрытую пасть хранилища, по черному лоску гудронной крыши и покато му капоту лил хлесткий дождь. Время от времени Васька мягким движением руки запускал в дело «дворники», те двумя натренированными махами, схожими рациональностью движения с низким полетом косы в умелых руках, приводили лоб машины в порядок, успокаивались, но ненадолго: дождь быстро утяжелял стекло крупными бледными каплями. Гонец на Беларуси где-то застрял, а чесать без дела языки, особенно по понедельникам, Васька не любил, хотя в данной ситуации связанный со мной важным делом он чувствовал некую неловкость (впрочем, я тоже на сухую не говорун) и старался как-то исправить положение, вздыхая то и дело:

— Ну и погодка!

— Осень, — поддакивал я, прислушиваясь к шуму деревенского дождя, напоминающего овацию в большом концертном зале после выступления всеми уважаемого, ценимого и всеми избалованного певца в тот момент, когда он уже ушел навсегда, скорее всего в другой концертный зал, закончив выступление положенным по этикету количеством выходов к людям, бурно бьющим в ладони, встречающим его «браво-бис» и не желающим понять, что теперь, изяшно сыграв ручкой, он скрылся за высоким занавесом совсем, что сегодня он уже не появится.

Вот и у нас нескончаемо шумела овация дождя, а душевной радости все не было и не было на мокрой сцене жизни.

— Вдруг он вообще не появится?! — Я заволновался, хотя знал тракториста как исполнительного товарища, который обычно повторял свой номер сколько угодно раз.

— Никуда он не денется, — хмыкнул Васька, и точно в этот миг я услышал веселый рокот трактора.

Мы оба тотчас подобрели...

Васька подвез меня до щитовых бараков, где лет уже тридцать размещались рабочие подшефных предприятий, и вдруг по жирным блестящим лужам побежали неровные волны ветра, и не успел я вымыть сапоги, как облака побелели и разлетелись, подталкивая друг друга, в разные стороны. Блеснуло солнце.

Я шел к току, почему-то думая о Васькином «газоне», который наверняка стоял уже неподалеку от вагончика-сторожки в ожидании грузчиков, юркий, визгливый, с надшитыми в одну доску бортами, готовый рвануться в любую секунду в поле или на железнодорожную станцию, где скучал вторые сутки забитый наполовину вагон, а то и в Москву по какой-нибудь прихоти директора. «Газон» внешне походил на этакого тихоню-бирюка с покатыми плечами, хмуролобого, скаредного, но только внешне и до того момента, пока хозяина не было рядом. В эти ленивые минуты машина выглядела неприметно, хотя все, кто знал ее, чувствовали скрытый под заводскими вялыми овалами мощный заряд упрямой энергии, беспокойность четырехтактного «сердца», которое — заведи его только, выведи из окаменело железного состояния — будет биться в ритме Васькиных забот, всегда тревожных и опасных.

По косогору, неровно спадавшему к извилистой, невидимой даже в тридцати метрах реке, посеяны были двумя неровными рядами трехэтажные дома с балконами, украшенными разноцветной постирушкой. Между рядами лежало полукружьем неширокое шоссе, похожее с высоты птичьего полета на лезвие косы. За жилыми домами, вниз по склону, росли сорной травой постройки замысловатых конфигураций и размеров. За ними, еще ниже к реке, примостились две прямые линии недавно сколоченной плотниками сарайной улицы... Деревня! Поселили людей в квартирах с удобствами, пытались из них цивилизных граждан сделать — куда там! Прямо под окнами натыкали они времянки вечные из отходов производств, развели живность и рады-радешеньки, что у них под боком и хряк возлежит в мягкой жиже посреди огороженного осиновым колом закуточка вокруг сарая, и куры лениво бродят в общественных палисадах, и дети тут же шмыгают по классикам.

Лет пятнадцать прошло с тех пор, когда посажена была на косогоре первая трехэтажка, возле которой тут же, как грибы, вроде бы случайно или из-за вредности — по принципу мухоморов, стали появляться неказистые строеньица. За это время много воды утекло в местной речке, человечество окончательно свыклось с холодильниками и космическими по-

летами, шагнуло от широкоформатного кинотеатра к телевизору цветного изображения, стало приучать себя к счетным электрическим машинкам, заменившим в бухгалтериях «железные феликсы»...

О бухгалтерии мне подумалось на удивление вовремя: будто во сне, когда необъяснимая нить сна ведет тебя от одного сюжета к другому, третьему и вдруг прерывается у обрыва пробуждения, и ты с изумлением замечаешь, что потусторонняя жизнь, лично твоя, внутренняя, точно состыковалась с течением жизни вселенской, которая, казалось, существовала вне тебя, самостоятельно.

Мои мысли и деревенская жизнь текли в русле одной реки.

Я увидел главбуха.

Она вышла из подъезда, улыбнулась мягкой, изнутри исходящей улыбкой, и, мерно цокая металлическими набойками высоких черных сапог, пошла с неколебимой уверенностью в свое счастье, какое обычные женщины испытывают не более трех-четырёх лет после рождения первого ребенка, когда на удивление всем, даже собственным мужьям, они неожиданно хорошеют, какое везучие женщины продлевают до десяти-пятнадцати лет, а самые удачливые могут непрерывно протянуть до возраста ягодки, а то и гораздо дальше.

Главбуху до сорока пяти было далеко, но не эта временная даль украшала ее, творила ту удивительную улыбку, которая даже солнце заставила повеселеть вместе со всеми своими бесчисленными отражениями, даже мужиков-шефов, слонявшихся без дела в ожидании автобусов, отвозивших их на поля. Мужики завистливо вздыхали, забывая напрочь, что мимо проходит главбух, от которого в большой степени зависит зарплата — немалое счастье для трудяг. Женщины проходят и уходят... Нет, мужиков в тот яркий утренний миг деньги не интересовали, как, впрочем, и главбуха: она шла вверх по шоссе, пока не свернула влево на дорожку, провалившуюся в колодезь школьной густой листвы.

И тут же все успокоилось. Не спеша, вразвалочку поплыли облака. Сухо, жестко зашумела листва, мужики поникли. Надрывно взвыла на подъеме бензовозка. И я зауважал Ваську. Непростой он мужик, если счастливой выходит из дома его жена.

Осенью семьдесят третьего тетушка Маня, младшая сестра матери, выманила Нину в дальнее Подмосковье из-под областного города в центре Нечерноземья. Выпускница средней школы в родном крае не имела перспектив. Здесь было тоже не ахти, зато мечта радовала. Она и приехала за мечтой. И той же осенью чуть не сбежала домой.

Директор взял ее дояркой на ферму в бригаду к тетушке, обещал через год дать направление в сельхозинститут, перевести, если поступит, в контору. Но до конторы нужно было идти.

Нина мечтала пойти не только до конторы, но и гораздо дальше: в район, область, в Москву. Утром она надела новую телогрейку и пошла с тетушкой в свой поход. А первого сентября со всех концов света надуло в Подмосковье облака, они накрепко спаялись в небесах, спустились к земле, и полил нескончаемый крупный дождь. Лил он неделю, полмесяца, месяц.

Рано утром Нина брала с печи телогрейку (тетушка жила в добротной избе неподалеку от стройплощадки, где стоял пока лишь один деревенский высотный дом), надевала ее теплую, но жесткую, будто с чужого плеча, набрасывала поверх, если дождь уж очень горячился, брезентовый плащ, натягивала сапоги и плелась по блестевшим в свете редких фонарей лужам по своему маршруту, а по холодной траве, по рыжей глине, по брезенту жесткого плаща бил упрямый дождь.

Тетушка пыталась разговорить ее, виновато поворачивала голову. Нина чувствовала это движение, хотя и не видела из-за капюшона ее лицо, ничего она не видела, кроме быстрых, как нити ткацкого станка, струй дождя и черного неба. Ей не хотелось обижать тетушку, недавно похоронившую сына, а пять лет назад овдовевшую, но каждым утром она мечтала, как мечтают семнадцатилетние, о том, что обязательно будет солнце и счастье: не утром, так днем, когда пойдут они с фермы, не днем, так вечером...

С девчонкой-соседкой они ходили в клуб да чуть не разругались, потому что новое всегда в глаза бросается.

Пятого октября у нее выходной был. Тетушка ушла на собрание, задержалась в конторе. Нина маялась по дому: задачи по алгебре не решались, борщ не варился, белье не стиралось. Надоело все. Дождь шел. Села она напротив трюмо, посмотрела на себя, глянула в окно и, скривив яркие, подетски надутые губы, спросила в отчаянии:

— Разве может в семнадцать лет тридцать дней лить дождь?!

Ей никто не ответил: ни хозяева с фотографии военных лет, ни сын их в военной форме. И она обиделась. «Вам все равно! Вам хоть потоп! А мне!» — возмутилась и крикнула себе самой:

— Ну ты, клуша! Ты долго будешь по лужам хлюпать?! Приглашают подруги на асфальтобетонный завод. С общезнанием, в городе. Москва близко, учиться можно. Через пять лет прописка. Айда. Прямо сейчас. Отгулы есть. Справятся без меня, не маленькие.

Затем вскочила со стула и, набирая скорость, стала кидать в небольшой чемодан самые нужные на пару дней вещи, приговаривая:

— Завтра к директору АБЗ схожу. Лидку взял и меня возьмет. Благо что земляк. В час автобус, успею.

Вышла из дома, даже забыв про записку, так уверена была, так спешила. А дождь все лил, будто на небесах решили побить мировой по дождекапанию.

Мимо с сердитым рыком прошлепал старый «Беларусь», остановился.

— Эй, красивая! Тебе куда? — крикнул парень из кабины.

— За кудыкины горы, — огрызнулась она.

Чубатый парень упрашивать не стал: «Смотри сама, наше дело предложить», — и огромные колеса, откидывая назад фигурные лепешки земли, покатали вверх, толкая перед собой трактор. Она уже ругала себя: прижалась бы к нему в узкой кабине, что такого, зато ноги бы не ломала. А трактор опять остановился, мягко заверещал на нейтралке.

— Племянница, что ль, тетяманина? — спросила парень.

— Сам ты племянник, тебе какое дело?

— Мне-то никакого. Только она за тебя с директором ругается, а ты хилиешь куда-то.

— Как ругается? — Нина посмотрела в глаза незнакомца — в них было пока лишь удивление.

— Так и ругается. У вас в конторе, говорит, человек нужен, а вы скрываете, девчонку на ферму послали. Мало, говорит, я вкалывала?! И в таком разрезе.

— Тетя Маня ругается? — Нина даже на ферме не слышала от нее грубого слова.

— Ха! Ну ты даешь!

— А где она сейчас? — Нина посмотрела на чемодан, небольшой, но вдруг потяжелевший.

— Кто? — Тракторист из кабины хорошо видел ее удивленные ресницы.

— Тетя Маруся, кто же еще!

— Я откуда знаю. Может, в магазин пошла, может — домой.

— Как домой?! — Чемодан стал еще тяжелей.

— Ты чего орешь на меня?! — Парню не понравился резкий (он не резкий был — отчаянный) голос Нины, а та крикнула, сразу и извиняясь и умоляя:

— Слушай, выручай, а? Тебя как зовут-то?

— Хм-м. Васькой меня зовут ровно двадцать один год. А некоторые и Васьком. Чего тебе надо-то?

— Ой, Васек, подвези до дома, а потом...

— Это запросто. Сестренку лучшего друга как принцессу доведу.

— Ты Петю знал? — спросила она уже в кабине.

— А то как же! Мы с ним годки. В одном классе учились. Дрались тут из-за одной. Как он под провод попал, понять не могу! И не датый был. А тебе чего надо-то?

— Чего?

— Потом, когда до дома доедем.

— А! Васек, надо, чтобы тетя Маруся чемодан не заметила, понимаешь?

— Заметано.

Он ей в тот день именно этим понравился: «Заметано» и точка. Ты попросила — я сделал. А так, конечно, в телогрейке, в кепке, в старых брюках-клеш, недавно модных, в сапогах, обыкновенный, деревенский.

Подъехали к дому.

Васька вырубил движок, и тут же шум дождя неприятно впился в уши — так появляются в ненужный момент младшие братья и сестры, когда затевается что-то важное.

— Чемодан пусть в кабине лежит. Не бойся. Все будет в лучшем виде. Пошли. Я все о Петьке знаю. 17 октября у него день рождения, в январе 65-го ему вырезали гланды, в 67-м, ай, это тебя не касается.

Тетушка была дома. Нина замаялась, не зная, что сказать. Затараторил Васька. Его голос по-домашнему звучал в прихожей, на кухне, в большой комнате, заполняя дом новым, а может быть, забытым качеством. Нина пожалала плечами: что-то тут не так, а он, на ходу поздоровался с хозяйкой, сказал:

— Теть Мань, я что говорю, я ж за Ниной приехал!

— Ты чего мелешь, Емеля? — Тетушка аж испугалась.

— Нет, точно. Пусть с Аленкой-сестренкой познакомится. Мы с Петрухой не разлей вода были, и они подружатся. Им же веселей.

— Ты лучше скажи, как на целину съездил?

— На «Яву» заработал. Теперь директора буду тормошить. Обещал после целины «газон». «Яву» весной куплю. Мечта. Ну мы поехали?

— Ну баламут. Ты по-человечески можешь?

— Знаю я ваше человеческое. Сначала щей, потом молочка, блинчиков? Меня потом «сотка» не дотянет до гаража, не то что «Беларусь». Нет, честно, не хочу. Ну мы поехали?

— Погоди, я хоть соберу чего-нибудь, знаю, вы там...

Пока хозяйка ходила в погреб, Васька принес чемодан. Нина сунула его под кровать, облегченно вздохнула, спросила, быстро осмелев:

— А чего я там потеряла?

— Ничего, — Васька не обиделся, но поучительным тоном сказал. — Между нами девочками говоря, мне сегодня в семь часов будет ровно двадцать один. Круглая дата. Очко. Ясно?

— А я-то тут при чем? — Нина говорила не со зла: ей хотелось быть с тетушкой, повиниться перед ней, поплакаться.

— Смотри сама, — ответил Васька и без напряжения отыскал, как опытный шахматист в жестоком цейтноте, верный ход. — Перед тетей Маней неудобняк. Она сейчас полную сумку приволокет.

— А вот и я. — Тетя Маруся с сумкой банок, овощей, яблок вошла в комнату. Нина не смогла ответить на Васькин ход ничем.

— У нас же свое есть! — Васька испуганно вскинул руки. — Такое же!

— Не такое. Это — мое.

Нина слушала их, боялась встретиться взглядом с тетушкой, понимая, что все это делается для нее.

— Может, розовую банлоновую кофту наденешь? — спросила тетушка. — Она тебе к лицу. Ну смотри, как тебе лучше. Ой, забыла!

Она опять полезла в погреб.

— Ладно. Пойду переоденусь, — Нина с чемоданом скрылась в спальне.

Васька неуклюже стоял у круглого стола и строил рожицы в трюмо. Женщины застали его за этим невзрослым занятием врасплох. Нина хихикнула, тетя Маруся поставила на стол две бутылки из-под шампанского, закрытые самодельными деревянными пробками, влажно моргнула:

— С Петей делали, — сказала, повернула, словно в поисках чего-то, голову в сторону Нины, нашла, улыбнулась. — Хорошо тебе в ней. Ладная ты у нас.

...Весной Васька хотел купить мотоцикл, а решений он обычно не менял, хотя мужики отговаривали его: в деревне лучше «ижак», это тебе не шоссе. Васька ждал тепла, гонял на старом грузовике по Подмоскovie и ждал, и приучил уже всю деревню к тому, что совсем скоро в его сарае поселится цвета слегка недоспелой вишни двухцилиндровая «Ява» с коляской.

На току

На ток я попал после обеда. Удивительный момент деревенского бытия. Этакая урезанная русская сиеста. Рабочие-шефы уже поели, передохнула техника, успокоился

воздух от дребезжания сортировочных комбайнов, забылся кислый вкус картофельной пыли, механики смазали шестеренки, электрики похмелились. Казалось, можно начинать работу. Но никому не хочется работать. Тишина. Послеобеденный перекур. Пропала из виду воробьиная рать, сизари и вороны примостились на крышах соседних построек, важно поглядывая на людей, распределившихся кто где группами. На мешках с картошкой по-бабьи скромно, уложив руки на колени, восседают две жилистые старушки, миниатюрные, аккуратные, как первоклашки; рядом полулежа, будто так лучше отдыхается, расположились в одну шеренгу метлы и деревянные лопаты с очень мягким на вид характером, тут же, под боком у старушек, ладонями кверху, покоятся рукавицы. Говорок у старушек спокойный, словно бы им некуда спешить, хотя в этом старческом неспешании, как, впрочем, и во всех голосах обитателей тока, даже в голубином задумчивом молчании, чудится некое напряжение. На пустых мешках, уложенных пачками возле низко приспущенных хоботов-транспортёров, лежат, безвольно распластав руки, «джинсовые люди», шефы. Изредка, словно сыгравшиеся в какую-то странную игру партнеры, каждый из них произносит короткую, типа «раз», «пас» реплику.

Мне неизвестна была их игра, но я чувствовал накал слов, постепенно проникая в то, что волновало ток. Механики в промасленной одежде сидели нога на ногу на скамье под окнами сторожки, дымили по-черному. В сторожке громко пили водку грузчики, ребята грузные, к своим и чужим проблемам относящиеся с задорной (может быть, вздорной?) прохладцей, шумно, с матерком, который помогает им терпеть гудящее напряжение мышц и побеждать всех своих соперников: мешки с картошкой, совхозных руководителей, главбуха, экономиста. Много у грузчиков противников, другом же настоящим был водила Васька. Я это знал лично — сам в «грузах» ходил не год.

Его «газон» стоял чуть поодаль сторожки. Ничего в нем со вчерашнего дня не изменилось. На стеклянном чистом лбу хорошо смотрелось дальнее небо. Надшитые заботливой рукой доски кузова не делали его аляповатым, смешным, как случается иной раз с низкорослыми людьми, покупающими за большие деньги туфли на толстой подошве и высоких каблуках. Лишь резкая, прохладная тень навеса, косо, с такой хулиганской небрежностью поделившая на две неравные части кузов, кабины, бампер, вызывала недоумение: Васька всегда ставил «газон» под навес от дождей, от солнца.

В сторожке все мгновенно прояснилось: Ваську повязали, двадцать мешков картофеля обнаружили в кузове.

— Вы разгружали? — спросил я у бригадира, потому что такое случилось и в моей практике, когда очень хотелось выпить: Васька за пять-шесть мешков, оставленных в кузове, и бутылку привезет и закуску. Но двадцать мешков это не бутылка с помидорами, это — квадратик неба синего.

Грузчики промолчали. Женька-бригадир приладил к стакану с мутной жидкостью, крикнул, как каратист перед ударом, но передал самогонку мне, добродушно буркнув:

— Махни. Жаль парня. Хороший человек.

— Он врезал кому-нибудь? — Я вдруг подумал сгоряча.

— Ты Ваську не знаешь?! — воскликнул бригадир. — Заарканили его менты, он перешел в «воронок». Они акт составили, машину сюда, а самого — в отделение. Ты не волнуйся, мы вне подозрений. Васька нас не сдаст.

— Вагон добьете?

— Никаких проблем! Тяни быстрее, — бригадир устал ждать сладкий миг затянувшегося по моей вине похмелья, я глотком махнул полстакана, передал тару, принимая от мужиков хлеб, кусок селедки, разделанной явно не мужской рукой, четвертушку большого помидора.

Бригадир не спеша, с нескрываемым удовольствием, как могучий штангист перед очередным рекордом, нацедил мелкой струей дозу в стакан, понюхал корочку, похожую в его широкой руке на семечку, без видимых затруднений взял вес и от души выдохнул: «Пусть ему там будет хорошо!»

— Да не посадят его! — стакан перешел в другие руки. — У него жена главбух.

— Главбух — не главбог! — поправил Женька.

И проснулся ток, задергались хоботы комбайнов, прибыли машины с картофелем, быстро прокис воздух, занервничали на крышах голуби — ожили все, задвигались, будто последняя фраза грузчика вывела мир сельского тока из оцепенения.

Я вслушивался в разговоры рабочих, удивлялся: все обсуждали Васькину беду. Одни считали, что его посадят, другие — что «муж главбуха» выйдет сухим из воды.

— Сидел же он в тюрьме, — говорила одна старуха другой, ловко подбирая деревянной лопатой разбегающиеся по току картофелины. — И еще посидит.

— Она тогда вторым экономистом работала, а сейчас — главной. Ее в районе знают. Найдет, кого замаслить.

— Да что ты заладила: не сядет, не сядет!

— Потому как несправедливо. У моего сына жена доярка, вот он и не выходит из тюрьмы. А с этого как с гуся вода.

— А мне-то что? Пусть хоть всех пересажают. Я как работала, так и буду работать.

В начале декабря пошел первый снег. Рельефными мазками ложился он на пашни, ожиревшие от обилия влаги, на пустые леса, благоустраивал стройплощадку, прикрывая людской хлам и осенние отбросы от чужого взора, будто готовясь к приезду большого начальства, щедро набрасывал ворсистые покрывала на плоские крыши уже двух трехэтажек, на многоскаты собственников, на недостроенные здания, уныло озирающиеся по сторонам глубокими темными глазами, на острые носы штакетников, замысловатыми мандрамами исчертившими жильё людей, скота и птицы. Не забыл снег и верткое тело реки, не схватившееся еще на быстрине: сыпал снег повсюду час, другой, третий — с ночи. И устал от такой работы, обмельчал. Утром заскребли повсюду лопаты, очерчивая с запасом контуры дорожек. Надежно в минус ушла температура. Смирившись с зимой, даже на быстрых изворотах застыла тугой коркой река.

Васька гнал машину по белой ровной ленте шоссе, увидел Нину, идущую навстречу, остановился, прижался к обочине, крикнул:

— Опять в бега?

— Почему это? — Нина легко держала в руках уже известный Ваське чемодан.

— А куда же намылилась?

— В Рязань. Директор направление дал. На заочное, в институт.

— В науку, значит, как Ломоносов?

— Автобус отменили.

Было заметно, что у них есть время и желание не спешить.

Васька вдруг бросил руку к переключателю скоростей, машина развернулась в два приема, догнала Нину, тормознула. Водитель толкнул от себя дверцу, сказал:

— Садись, подброшу до станции.

— Сама дойду, — неуверенно пыталась отказаться Нина, но передумала, вскарабкалась в кабину, положила чемодан на колени, осмотрелась, как делают все женщины мира, оказавшись в незнакомом помещении.

В кабине ничего интересного не было, но Васька, почувствовав движение пытливых глаз пассажирки, сказал: «Дверь хлопни посильней», после чего, в тот миг, когда она, вывернув руку, отвлеклась от осмотра, резко сдернул с передней панели фотографию известной актрисы и отправил ее в бессрочную ссылку в бардачок.

— А мне она нравится, — пожалела фотографию Нина.

— Бывшего водилы. Он всю жизнь их собирал, — приврал Васька, впрочем, очень убедительно, и перешел к делу: — Когда обратно?

— А зачем тебе?

— Сейчас не лето в Гаграх. Дуба дашь на станции, пока автобусы будешь отмененные ждать.

— На шоссе попутку поймаю.

— Смотри сама. Наше дело предложить — ваше отказаться.

Нина вернулась через три дня. Провалила первый экзамен. Васька узнал об этом от тети Мани, вечером нагрянул к ним. Нина спокойно пекла блины. На круглом столе спокойно стояли банки со сметаной, вареньем, молоком.

— Жалеть пришел? — Девушка смачно шлепнула блин о сковороду.

— С чего ты взяла? Может, радоваться пришел, что ты раньше приехала. Обвиняет еще, — Васька со смешком поставил на стол бутылку вина, сел барином — нога на ногу — и голосом отдыхающего лучшего в мире дома отдыха сказал: — Уважаю блины с парным молоком!

...В деревне (а зимние частые праздники сблизили Нину с девушками и парнями) только Васька относился к ее желанию учиться нормально: не отговаривал, не восхищался, не охал, и, главное, совершенно искренно и бескорыстно хотел, чтобы она училась и закончила институт. Он даже сосватал ей учителя математики, подвозил к нему, старому, седому человеку. И домой с занятий провожал — уже пешком.

Весной Васька раздумал покупать «Яву» с коляской и женился. Поддеревни гуляло на свадьбе, пропивая Васькин мотоцикл, Васькину самостоятельность, удивляясь его решимости, потому что с девчонками он был не больно-то смел.

Дом отдыха

В 1985 году Васька вернулся из заключения, устроился в дом отдыха богатого министерства, отхватившего у сельсовета симпатичный склон холма на берегу реки — сразу за трехэтажками, если смотреть на совхоз с северной стороны, а Нина уже работала главбухом.

Холмов тут ровно семь. Можно построить ... Рим не Рим, Москву не Москву, а уж какой-нибудь знатный город — точно. Не построили. И правильно сделали. Городов на земле хватает, а таких мест, где и холмов семь, и вода в изобилии, и лес еще не захирел, тронутый тлей близких гигантов, где дышится легко и свободно и тихо, таких мест даже в России осталось мало. Впрочем, город строить не обязательно, что-

бы загубить красу земную. Богатое министерство облюбовало здесь склон. На небольшом плато под вершиной холма когда-то стоял полукругом дом помещика, уютный, с окнами, сфокусированными на клумбу, которую объезжали гости на каретах, направляясь к белоствольным колоннам подъезда. Клумба, заботливо ухоженная (про это можно и не говорить), ловила в летнее многоцветье либо зимним хрустальным убранством солнечные зайчики из окон, а в минуты предзакатные, чудно освещенная бронзоволиким солнцем и лучами-отражениями стекол, зашторенных светло-зеленым плюшем, играла сотнями цветов и оттенков, приковывая взоры хозяев и гостей.

От концов полукруглого дома спускались к реке липовые аллеи, образуя на склоне благоухающую, наполненную запахами трав и цветов подкову; внутри, на пересечении немногочисленных дорожек стояли на неслышном друг от друга расстоянии несколько скамеек и две беседки. Нижняя вечерами куталась в туманах и была любимым местом молодых, в верхней часто видели хозяев, русских помещиков, принявших на себя все тяжкие удары судьбы и разлетевшихся с детьми по белу свету — никто их тут уже и не помнит.

Теперь на месте дома стоят котельная с задранной высоко вверх металлической ржавой трубой и автопарк, насквозь пропитанный запахами ГСМ, местной самогонки и застоявшимся, даже материализовавшимся матерком. Место клумбы министерские умельцы залили асфальтом, липовые аллеи заменили бетонной изгородью, увенчанной колючей проволокой. На склоне внутри теперь уже бетонной подковы возвели громоздкие из красного кирпича здания о четырех этажах с унылыми рядами лоджий. Забор отгородил отдыхающих от реки...

Картошка частников

Я нашел Ваську в гараже дома отдыха. Поздоровались. Рука жилистая. Взгляд упрямый, но в голосе, в легкой походке, модной среди юного блатняка шестидесятых, когда Васька активно вступал в жизнь, чувствовалось надежно и давно поселившееся в душе равнодушие.

— Свечи смену и рванем, — сказал он. — На кой хрен согласился! Ни навару от Лидки, ничего другого.

Через несколько минут «ЗИЛ» с длинным прицепным кузовом выкатил из гаража, я сел в кабину, удивился:

— Ты же такие машины не любишь.

— Тут любую полюбишь, лишь бы в совхозе не работать, — Васька осекся, но вспомнил, что я — свой человек, и добавил: — Здесь оклад приличный, четкий рабочий день, за переработку и выходные вдвойне. И никто завистливо не смотрит: муж главбуха поехал.

Машина вышла из ворот, разогналась. Длинный кузов шумно бился по асфальту, всбугрившемуся от грубого обращения небыстрой, но массивной техники. Васька ловко увиливал от встреч с большими колдобинами, а, когда машина пошла в гору, кузов присмирел, будто ему, а не мотору, тяжело было заползать на длинный тягун, плавно огибающий лесок, в котором пряталась пустая школа, отправившая учеников и учителей на поля. На выходе из деревни поджидавший нас «уазик» пыхнул газом, дрогнул, побежал, свернул вправо, в Дегунино, где в огромном ангаре лежали наши деньги — сто тонн отборного частного картофеля.

— Вам-то выгодно, — вспомнил Васька начавшуюся у гаража тему. — Платят больше. А мне чего ради заднее место драть?!

Кузов зло задребезжал — дорога совсем испортилась. Зато видок открылся! Справа-слева перелески, поля разной жирности и ухоженности, деревушка, прижатая низким прудом к лесу, резкий подъем к утреннему солнцу, опалившему листву... Перед Дегунино взяли вправо. Погромыхав на малых оборотах по мягким кочкам, подбрили к огромному предвоенных лет сараю, на века сколоченному из массивного, сурово посеревшего горбыля.

Лида с водителем предсельсовета открыли ворота: в сарае ровными рядами до потолка стояли туго набитые, внушительных размеров мешки с картофелем. Я вздрогнул: в близлежащих деревнях богатырей не было (про подъемные механизмы и говорить нечего) — кто так аккуратно сложил тугие семидесятикилограммовые мешки с крохотными головками-узлами на такую высоту?

— Ни хрена себе! — толстяк Женька застыл на месте.

Опытный русский грузчик, а в миру, в Москве то есть, ведущий инженер известного КБ, быстрым глазом окинул сарай и заметил, что ворота широкие, но низкие — кузов не подберется задним бортом к мешкам.

— Подловила ты нас, Лидуня! — укорил Женька девушку, а та добавила по пятнадцать копеек за тонну, сказала: «Я сейчас» и юркнула в «УАЗ». Тот медленно поплыл по неухоженной дороге, чем-то напоминая глассер, продирающийся по волнам навстречу крепкому ветру.

Васька подогнал машину к воротам, качнул головой:

— Я, дурак, связался с ней, но вы же не первый раз вкалы-

ваете здесь, — поднялся в кабину, лег на сиденья, быстро уснул, не реагируя на удары сапог по металлическому кузову и гулкие буханья мешков.

Работа быстро надоела. Тугие громоздкие мешки извлекать с четвертого этажа аккуратно, чтобы не рухнула картофельная пирамида, затем волочить земле, бросать в кузов и там — тоже аккуратно — укладывать, было нелегко. Объявилась Лида.

— Я вам молочка принесла.

— Лучше бы самогонки раздобыла! — озлился Женька, но Лида хорошо знала, что делает самогонка с такими прекрасными людьми, как мы.

Махнули молока, и вдруг зарядил небойкий, но совсем ненужный дождь. Сложив капюшонами пустые мешки, мы набросили их на головы и продолжили носить картошку. Дождь омыл кузов, превратил его в скользкое полотно, а мы в своих движениях стали очень напоминать коров, которые за мизерную плату подрядились сбачать «компорсито» для Лиды. Недовольные, елозили мы по сараю, а Васька спал, и ни постукивания дождя по кабине, ни крепчающий наш матерок не могли вывести водилу из блаженных сюрреалий сна. Лида выдала нам целлофан, попросила укрывать мешки. Хлопнула дверца «ЗИЛа», явился Васька, крикнул:

— Больше девяти тонн не повезу! Ты меня знаешь, бригадир!

Он даже в счастливом нокауте сна чувствовал напряжение рессор. Девять так девять, мы остыли, азарт угас, а дождь все шлепал крупными оспинами по молчаливым лужам.

Через час машина, свернув с шоссе, пробралась по размытым колдобинам на станцию. Васька насупился:

— Все места у эстакады забиты. Теперь покорячимся.

Наш вагон, уже открытый, стоял у скользкого откоса. Подобраться по нему боком, параллельно железной дороге впритык к вагону было очень сложно. Васька понял это, но все же сделал кругов десять по площадке — не получилось. Появились советники: «Не подгонишь. Придется по трапу таскать. Не рви машину!» Васька посылал их куда подальше, гонял машину, пока не притомился, затем наскоро перекурил и решил подогнуть кузов к вагону хотя бы задним бортом. Это тоже сделать было непросто. Замок, фиксирующий кузов с кабиной, сломался! Васька злился, движок ревел на разных режимах, человек двадцать наблюдали из-под навесов за Васькиной работой. Кто-то уже сбегал за трапом, поддал нам в вагон, но после очередного захода борт очень точно остановился у нас под ногами.

...Возвращались мы вечером с большой надеждой на три литра самогонки, обещанные Васькой. Я отправил мужиков на «уазике», сам остался в кабине «ЗИЛа». Согрелся, обсох. Хозяин не жалел бензина, растопил печь как в парной. От «уазика» мы отстали, свернули вправо.

— Баба Лена в Орехово только брагу поставила, — докладывал мне Васька. — Тонька в Авдотьино завтра будет гнать. Анька начнет часов в десять, поздновато. У Сафонихи уже баночку накапало, точняк. Не промахнусь. Туда рванем.

Он попал точно в «десятку». Мы ехали домой довольные. Машина свернула с шоссе, упиравшееся в ворота дома отдыха, пошла на взгорье, где вместо асфальта тянулась жидким месивом грунтовка.

— Сядешь, — предостерег я. — Лучше сам дойду.

— Уж как-нибудь доеду, — Васька подвез меня к лагерю.

Прощаясь с ним, я предложил махнуть стопочку у нас, согреться, он хмыкнул: «У меня и своя есть, того же завода».

Мы сели за стол, втиснутый между рядами коек, но не успели разлить по стаканам самогонку, как в комнату без стука вошел местный пацан, сказал:

— Васька сел. Между баней и домом отдыха. Сто метров не дотянул до шоссе.

Я сунул ноги в уже охолодевшие сапоги, влез в куртку, пошел к бане.

Каким-то чудом «ЗИЛ» выкинуло из колеи и повернуло к ней под прямым углом. Хотел залезть в кабину, не успел. Васька стал качать длинную машину взад-вперед, раскачал, она прыгнула из ямы, но забуксовала в другой. Водитель дал назад, чуть не уперся в банный порог, рванул вперед, вывернул вправо: там тоже оказалась скрытая под лужей яма.

Васька работал напряженно, но уверенно, как на показательных выступлениях. Здесь напряжение сменилось отчаянным азартом, уверенность — злостью. Васька не жалел машину, она, поддавшись его настроению, визжала, изгибалась, прыгала туда-сюда, извернулась непостижимым образом, вырвалась из пут земли, встала точно в колею, застыла в позе «ЗИЛа поверженного». Умолк движок. Я сел в кабину. Закурили.

— Мужиков позвать?

— Мешать только будут.

— Оставь до завтра. Не украдут.

— Сейчас — разуюсь. Бабы вой поднимут: «Васька опять нажрался. Он за главбухом как у Христа за пазухой». Фу ты!

Он безжалостно сбросил в окно окурок, а я прыгнул на землю. Не знаю, что ответил он, но машина вдруг зло рывкнула, рванулась и как-то очень легко выскочила на асфальт.

Ваську посадили в тюрьму за хищение социалистической собственности очень вовремя — не прошло и трех месяцев после того, как Нина защитила диплом. На суде он вел себя с достоинством, понятным лишь жене и директору совхоза: тот не раз выручал Ваську, жалел Нину, тетю Маню, с которой познакомился в сорок третьем, когда приехал в совхоз после ранения. Но всему приходит конец. Два года получил Васька. Без конфискации.

Конфисковывать лично у него нечего было: выходной костюм, туфли, сапоги, телогрейки. Конечно, если бы они посмотрели Нинин гардероб, это да. Тут бы Васька быстро гордость потерял.

В полгода раз, на сессию, покупал он богатые обнови и сразу после сессии дарил жене что-нибудь шикарное. Это все видели и не завидовали. Нина сама относилась к своей красоте и к нарядам спокойно, с легкой независимой иронией и людей приучила к тому же. И все же сейчас ей было стыдно. Она вышла из райсуда в черном костюме, всплакнула украдкой, директор подхватил ее за локоть, посадил в «уазик», буркнул строго:

— Наука ему! Сколько можно выручать, сама посуди.

— Да я...

— Ладно, будет. Петр, поехали в райком. А ты слезы вытри да марафет наведи. Буду за тебя биться.

Он не пробил ее в тот год в главбухи. Судимость мужа подвела. Когда вернулись они в контору, директор сказал: «Ты Ваську не кори. Он все в тебя вкладывал. А главбухом станешь. Надо будет на свиданку, отпущу».

На свиданку она поехала через месяц. Радостная была, пока маялась на вокзалах и автостанциях. Но в тюрьме, где сидел ее муж, Нина в первый раз за двадцать пять лет столкнулась с жизнью, о которой (она назвала ее подземной) в газетах не пишут, с близкими не говорят, мужьям не докладывают. Потому что страшно там жизнь устроена, не так, как на земле. Вверх ногами. Земля — странное зеркало. По ней ходят люди нормально и, одновременно, некоторые ходят, хотя и тем же шагом, по той же жизни, но под землей. Зеркало — КПП тюрьмы. Более суток просидела Нина в КПП. Положена свиданка, разрешена. А начальника нет. А без него нельзя. А в воскресенье вечером или утром в понедельник надо уезжать.

В субботу Нина взорвалась, решила. Вспомнила разговор с молодой женщиной, возвращавшейся со свиданки,

свой резкий ответ: «Как-нибудь без этого обойдусь!» вышла из КПП за сержантом, улыбнулась, миг очаровала его, сунула ему, да так мастерски, что лучшие разведчики позавидовали бы, четвертной, спросила напрямую адрес. Сержант оглядел ее завистливо, пожалел, что не он (пока) начальник и, розовея от жалости к себе, назвал улицу, дом, квартиру.

«Спасибо, родной!» — слишком она его приблизила к своему роду-племени, села в автобус и через полчаса нажала кнопку звонка.

Начальник был в тренировочном фирмы «Адидас». Не удивился. Провел гостью на кухню. Предложил чай, кофе, компот — на выбор. Нина, перешагнув все пороги смелости, выбрала кофе — что дороже. Растворимый, бразильский, гранулированный. Эта смелость понравилась хозяину, хотя, заметно было, что он слегка прибалдел, жадно, с внутренней опаской оглядывая красивую женщину. Потом, входя в курс дела, он предложил коньяк, водку, вино. Она опять выбрала что подороже. А уж вечер зашумел березовыми шторами за кухонным окном.

Она выпила две стопки, поняла, что так дешевле будет, поверила на все сто процентов случайной собеседнице, заставила себя настроиться на игривый лад, а потом, когда началось у них глубоко подземное, с ужасом подумала, что мужик-то, начальник тюрьмы, — отличный, что ей с ним хорошо! И страшно ей стало — вдруг Васятка заподозрит, догадается?! Для него в подземелье нырнула, старалась для него. Да, видать, перестаралась так, что самой же стало хорошо, до слез хорошо.

Рано утром пили они кофе. Начальник, видный мужик, оправдывался перед ней, и она верила тридцатипятилетнему майору, что в первый раз он на такое пошел, что красота ее подвела его. Он каялся, и ей показалось, что оба они (майор и главбух) выкарабкиваются на землю. Они, действительно, выбрались на свет божий, если говорить о будущем. Майор (он исполнял обязанности начальника тюрьмы, гревшего косточки в Анапе) еще год прослужил во внутренних войсках, подал рапорт, уволился, уехал с семьей в родной городок под Тамбовом, купил дом, двух лошадей — по земле пошел. За месяц до увольнения он бухгалтера встретил (случайно или нет, ему известно), полчаса говорил с Ниной. В любви не клялся, у него жена, трое детей, не извинялся, а такие слова находил уважительные, что она сказала в сердцах: «Ты хороший мужик, майор. И жене твоей я завидую!» И он ей сказал такие же слова. Потом добавил: «Только я бывший майор». «Тем лучше», — скупно улыбнулась Нина. Но все это случится позже.

А в то раннее, темное утро майор позвонил, повелел, и они расстались, стесняясь пожать друг другу руки — как в публичном доме или в аналогичных учреждениях без рукопожатий и прочих слащавых ненужностей прощаются люди.

КПП оказался домом длинным. Ее провели по коричнево-му коридору в небоольшую комнату с панцирной кроватью, по-солдатски заправленной, со столом и двумя стульями. Был еще здесь умывальник.

Нина поставила баул и сумку на пол и только теперь руки почувствовали усталость. Но жалеть руки было некогда. Она с пудреницей смотрела на себя в зеркальце и думала, догадается ли муж, удастся ли ей скрыть... Он вошел, и она заплакала, и обо всем напрочь забыла. И он, радостный, ничего не заметил. И сутки пролетели кратким мигом, как пролетает в августе звезда по черному зеркалу неба: только увидел ее, вспомнил, что надо загадать, а след звезды уже сокрылся под непроницаемым пологом, оставив вместо себя легкое разочарование и надежду.

Расхититель

Не расхищать социалистическую собственность Васька не мог, хотя вором в законе не был и мыслей таких не держал. Он был вором в совхозе, этого ему хватало. Он мне так говорил: «Совхоз — огромная страна. Четыре отделения, сколько амбаров, складов, сколько полей, сколько раз студенты и прочие оглоеды оставляли ту же картошку в поле! А сколько... да что там! Воровал и буду воровать. Деньги во как нужны. Две женщины-красавицы в семье. А у них такой годовой бюджет: колготы — полторы моих честных зарплаты, парфюмерия — еще полторы, по минимуму я считаю, чтобы не выглядеть, как дурочка-Глафира, химия с ватой — еще ползарплаты отрежу, куртки летние, осенние, зимние — туда-сюда перекинул, разделил, умножил — еще зарплата, а сапоги, туфли, босоножки, кеды, трико, лифы, все такое прочее — только успевай прибавлять и делить. Это я телугу в зубы и хоть на Север, хоть на Юг. Но они-то женщины, пойми. А поесть что-нибудь человеческое! А обстановка?! Я все это пересчитал и, честно говорю, со спокойной душой пару мешков зерна свистнул и толкнул будущему куму по дешевке. Не беспокойся, и он меня выручает, когда надо. Из тюрьмы, конечно, я не мог деньги тоннами высылать, там нашему брату воровать нечего, на заводе вкалывал. Зато после освобождения я свое наверстал, не волнуйся».

Да я и не волновался. Волновалась Нина.

В тот день, когда ее назначили исполняющей обязанности главбуха, она строго попросила мужа прекратить свои дела.

— Что я, ворюга какой, что ты об этом толкуешь? — удивился он.

— И ничего нам не нужно такого... — Здесь она слукавила.

Молодая, видная Нина привыкла к дорогой одежде и понимала, что даже если муж будет вкалывать за двоих, такого разнообразия женских радостей ей не видать. Деньги она считала не хуже мужа, специальность у нее такая была. И поэтому разговоры, разгорающиеся всякий раз, когда Васька приносил деньги или подарки, заканчивались тем, что Нина принимала дары и, естественно, одаривала супруга такими чудесными ласками, о которых мечтают не только водилы дальних подмосковных деревень, но и люди повиднее.

Свобода

После освобождения Васька неделю валялся перед телевизором, за временем не следил, как в последние месяцы, недели, часы в тюрьме.

В субботу жена была в районе, вернулась к обеду.

Собрались они быстро. Вышли из дома и по косогорчику — мимо бани, по дороге — огибая лес, по полю — навстречу солнцу, по лесу — бесцельно, от дерева к дереву, побрели — никуда. Долго бродили, радовались светлomu дню, собирали подберезовики, попадавшиеся им. Сначала в руках несли, потом Васька снял рубаху, длинную майку, связал ее снизу. Получилась сумка с узлом вместо дна и лямками-ручками.

— На жареху наберем, — Васька обнял Нину, и они повернули к деревне.

Лес он знал хорошо, но привел жену к броду, удивился:

— Как изменилось все! Заросла река, затинилась, не пойму, где брод. Есть еще тракторный брод, но крюк большой.

— Здесь перейдем. Не сахарные, не растаем. Вода не холодная.

— Она у нас всегда холодная. Родниковая.

Васька снял брюки, спустился по откосу, заросшему высокой травой, и, забираясь в воду, глянул мельком на жену: та в джинсах, в кроссовках, держала в майке подберезовики и беспечально улыбалась ему.

— Ты чего? — Васька не понял ее улыбки. — Хочешь, в обходняк рванем.

— Нет! Давай здесь, — Нина разделась.

Он взял у жены одежду, майку, перешел реку, выбрался по упавшей иве на берег, повернулся, хотел крикнуть: «Иди за мной, не бойся!» и вдруг замер от неожиданности.

Жена его, главбух, шла совсем голая, по неглубокой реке, смотрела на остолбеневшего мужа и улыбалась. Сначала улыбалась, но вдруг, не выдержав, расхохоталась. То был странный смех голой женщины, переходившей холодную реку вброд. Васька пожал плечами, испугался. А Нина, глядя на него, смеялась все раскатистей, диковатистей и шла медленно по реке, и смех ее, и руки, по-детски теребившие воду, взбудоражили даже ветер лесной. Он рванулся к реке, расшевелил прибрежные ивы, они закачали мохнатыми головами, будто укоряя за что-то беспечальную женщину.

У Васьки захолонуло сердце — не случилось бы что-нибудь? Распарилась она на ходу, а тут сразу в родниковую воду.

Нина осторожно ступала ногами по дну, на середине реки уже песчаному, с камнями и камушками, посматривала на воду, ребрившуюся вокруг, на ивы, на Ваську. Он стоял, худой, с короткой, никогда не модной в деревнях стрижкой, неказистый на фоне могучих деревьев, с голубыми глазами, и в глазах его, то ли отражаясь от воды или листьев, то ли исходя откуда-то изнутри, сияли зайчики волнующим и в то же время недоверчивым, глупым светом, как у наивного дитя, которому подарили неожиданно чудесную игрушку. Глаза худого голого человека смотрели на богатый дар и не верили. Даже шум листвы, даже живое небо и яростный смех жены не в силах были убедить его: «Это твоё богатство, Васек!» Он не верил. Радовался и не верил — и это было смешно.

Крепкая фигурка Нины погрузилась по пояс в воду, примутневшую, скрывшую женские таинства от бородатых лохмачей, от снующего ветра, затем с игривым «ох!» присела глубже, скрыла от мира грудь свою и плечи. Вода охолодила, приглушила смех, обняла молодое тело, но оно, быстро утомившись от холодной ласки, вырвалось на воздух. Река обиженно фыркнула, оставив на плечах и руках, на груди и спине прозрачную тонкую мантию, впрочем, уже не утомляющую, но бодрящую. Речной ветер ревностно зашевелился вокруг нее, срывая ненадежное платье с плеч.

Вновь разразившись смехом, Нина пошла к мужу.

Васька с майкой грибов направился ей навстречу. В трех метрах от берега она обняла его, смех резко спал, будто испугался крепкой мужской руки.

— Ты чего, Нин? — Он бы тоже обнял ее, если бы не грибы, которые она очень любила.

— Ой, Васенька, ты у меня такой хороший! Я даже не знала, — она поднялась на иву. — Пошли скорей домой.

И даже не объяснила, почему смеялась, что случилось в воде.

Потом, уже дома, показала Ваське журнал с репродукцией картины Кустодиева «Перед зеркалом». Знатная такая бабеха, купчиха, любовалась собой, примеривая богатый платок — подарок мужа.

— Смотри! — сказала Нина. — Как вы похожи!

— Ничего себе, он же с бородищей! — Васька опять испуганно глянул на жену.

— Причем тут борода! Как он смотрит на нее!

— Да ну тебя! Давай лучше картошку чистить.

— Нет уж, Васек, я тебя сначала расцелую за то, что ты у меня такой замечательный!!

— Сама же грибы любишь с картошкой, — сказал Васька и крепко обнял прижавшуюся к груди жену.

Васькина злость

«Газон» разгрузили вечером, но Васька появился в деревне через пять дней. На этот раз замяли его дело. Кто выручил его: новый директор, тоже мужик неплохой, с понятием, или жена, пропадавшая в районе два дня, точно не известно, не в том суть. Он вернулся злой.

Работы было много. Стояли погожие дни. На полях, на току, в хранилище, на станции суетился люд. Ваську я видел урывками. Он ничем не выдавал внутреннее напряжение, «раздрай души», о котором я узнал в предпоследний день.

Утром опять полил дождь. Погода вся вышла. Люди моего сельхозотряда собирались домой. Работа была только в хранилище, грузчики добились его семенным картофелем, и теперь утепляли ворота. Я приехал к ним под вечер. У хранилища стоял Васькин «газон».

— Заглянул проститься с работягами. — Он открыл кабину, поздоровались.

Я прошел в хранилище. Грузчики не спешили закрывать ворота.

— Вам же премию утром дали, хватит на водку! — набросился я на них. — Вы же Ваську в тюрьму загоните.

— Человек проститься приехал, — пожал плечами Женька. — Что мы, маленькие, не понимаем?

— А зачем его машина здесь?

— Не пешком же ему ходить по дождю при машине-то?

— Вот черти! — Больше у меня слов не было, пошел к Ваське, забрался в теплую кабину.

Он сказал с грустью:

— Зря ты на них собаку спустил.

— Да ладно, — примирительно буркнул я, но не сдержался. — Тебя жалко. Наматают второй срок.

— Я с этим завязал. Точно. Во вторник в дом отдыха пере-
хожу. На мазут. Работы немного, оклад приличный. Хватит
на мелкие расходы. — Короткими фразами он пытался сбить
прорывавшуюся изнутри злость. Получалось плохо.

— Ты уже там работал.

— Где я только не работал, как Нинку повышать стали!
Меня весной новый директор уговорил из сельхозтехники
вернуться на «газон». Люблю эту машину. Думаешь, я сам
захотел?

— При чем тут директор?

— Только не надо мне морали читать. Нинка замучила про-
поведями. На мазуте я все равно больше ее заработаю. Петь-
ка идет, самогонку несет. Будешь с нами? Это мужской раз-
говор.

Грузчики закрыли ворота, мы все забрались в «уазик» (клю-
чи я взял себе), раздавили пару пузырей под черный хлеб и
кильку в томате, попрощались с Васькой и утром укатили в
Москву.

На мазуте

Через месяц Васька получил свой большой оклад, а еще
через месяц — с премией и за переработку. И, главное, к это-
му времени он точно знал, как на мазуте можно деньги вар-
ить. Небольшие, но можно. Настроение было отличное. За-
рядивший с начала декабря снег с дождем не портил его.

Он выехал из дома рано утром, чтобы засветло вернуться
назад, слить мазут, попариться в баньке, посмотреть телеви-
зор. Назавтра он с семьей собрался сходить к бабе Мане.

Машина, «ЗИЛ» с длинной черной бочкой, вела себя хо-
рошо. Васька возился с ней перед рейсом три дня. На шоссе
вышел, еще темно было, и погнал по широкобоким подмос-
ковным холмам, мурлыча под нос что-то застольное. Снег с
дождем все сыпал. По графику, без задержек, отправился с
мазутом обратно. Машина пролетела, тяжело шипя шинами,
по спине огромного холма, и перед очередным спуском Вась-
ка увидел на вершине соседней горки крепко груженный тру-
бами «КамАЗ». Трубы как трубы. Может быть, на них тоже
можно наварить. Главное, не зарываться, подумал он, сбро-
сил скорость на нейтралку, чтобы дать чуток передохнуть дви-
жку, и вдруг «КамАЗ» — он уже ревел, забираясь по горке —
резко, будто неожиданно споткнулся, кинулся на «ЗИЛ»,
боднул его боковым ударом кабина о кабину, пропорол тру-
бой цистерну, рванулся вправо, крутанулся на шоссе, утк-
нулся в обочину, завалился на бок: водитель уже был мертв.

Но Васька еще жил. В глубоком нокауте, бессознательно пытался он удержать машину. «ЗИЛ» не перевернулся, удержался, остановился в самой седловине между холмами. Заглох движок. Из распоротой бочки хлынул в кабину мазут. Он-то и убил Ваську: после вскрытия в легких обнаружили мазут.

Одинокий главбух

На следующий год я в последний раз был в подшефном совхозе. Нину Петровну, главбуха, видел. Она изменилась, хотя это еще не бросалось в глаза. Гордость, стать, женское обаяние, веселый перестук каблучков, добродушное «здравствуйте» — все было в ней прежнее, Васькино, и даже волна радости и счастья, ощущаемая незлобным людом, все так же исходила от красивой сильной женщины, но глаза ее потеряли упрямость, свойственную лишь абсолютно уверенным в себе, нос, слегка вздернутый, неожиданно покрупнел, в прическе появились непослушные волосы, которые раньше всегда покорно укладывались на свои места. И работать с Ниной Петровной стало легче. Раньше она, не доверяя подчиненным, лично проверяла наши наряды и ведомости, была строга и дотошлива.

И еще Нина Петровна по воскресеньям облюбовала дорогу на кладбище — это даже я успел заметить.

Вместо послесловия

Схоронили бабу Маню в 1994 году за десять дней до Пасхи в родовой ее могиле, как и просила она, будто предчувствуя смерть. Сердце у нее пошаливало, сердце и подвело: не проснулась она утром. Даже трехлетняя внучка, которая любила с ней спать в большой железной кровати, не смогла разбудить старшую бабушку, толкая ее ручонками в бок. Долго она толкала ее, повторяла: «Вставай, я писать хочу!» Потом перевалилась через нехолодное еще тело, заревела, намочила палас, пошла жаловаться кому-нибудь, встретила на пороге другую бабушку — младшую — бабушку Нину.

Та ее даже на руки не взяла — бегом в спальню.

Могилы бабы Мани рядом с лесом была. Там лежали ее сын, муж, дед и бабушка. Отца вот только война схоронила, сама распорядилась, что, где и как. На другом конце кладбища, со стороны поля, уходящего плавно вниз, к деревне, была могила Василия — теперь так его называла жена, рассказывая внучке о нем.

И сейчас, когда похоронили бабу Маню, когда односельчане и родные медленно поплелись домой, так медленно, что казалось, им и не хочется покидать кладбище, вдруг замедлила она шаг, сказала зятю тихо: «Веди, Сашок, людей в дом, я к Василию зайду. Догоню вас».

Сашок, хоть и знал, что догонять ей трудно будет, все же повел людей в дом бабу Мани. По склону спускались они некрутому, без спевки. Это молодые обычно спешат к столу, накрытому по любому поводу. Для стариков стол — не цель.

Нина Петровна открыла калитку, прибрала все внутри, села на скамью перед могилой: «Мы сегодня бабу Маню схоронили, — доложила мужу. — Так ее жаль. Она много хорошего нам сделала. Сердце подвело. В остальном у нас все по старому. Внучка крепкая растет, на тебя похожа».

Нина Петровна замешкалась, часто моргая, но справилась с собой, заговорила о приятном: «Виктор на днях тебя вспоминал: «Был бы, — говорит, — Васек со мной, озолотил бы его. Технику он знал, любил. Я бы ему триста зеленых платил только за то, чтобы он ездил со мной. Надежный человек». Он хорошо говорит о тебе, так приятно. Сейчас все изменилось. Сейчас тебе не нужно было бы трястись за каждый мешок. Да нет, человек ты смелый, просто обидно. Сейчас ты бы хорошие деньги зарабатывал. Да и я. Сколько у меня получается в месяц, знаешь! А тебя нет.

Можно и самим дело организовать. У меня и опыт, и связи, и кое-какие средства. Тебе любое дело по плечу. Но можно и с Виктором работать. Он понимает, что такое хороший главбух. Хотя свое дело, согласишься, лучше.

Дом отнимает у меня кое-что. Материал я оплачиваю. Но Сашок молодец. Стройку организовал, людей набрал, сам работает вечерами. Дом-то какой! На каждом этаже квадратных метров в три раза больше, чем в нашей квартире. Третий этаж, правда, меньше. Они сложную крышу задумали, передать не могу. С оранжереей, просторной летней комнатой — метров сорок пять! Целый зал заседаний. Нет, ты не волнуйся, у нас все по закону. За каждую копейку отчитываемся, налоги платим. Мы, Васек, неподсудны...»

— Мама, люди ждут, — неожиданно объявился зять.

«Так что у нас все хорошо», — вздохнула Нина Петровна, и пошла с зятем под руку, с каждым шагом прибавляя в стати.

— Машину-то зачем пригнали? — спросила.

— Виктор Иванович велел.

— Приехал?

— Очень жалеет, что не успел. Мама, а правда, что он вам «БМВ» отдает?

Нина Петровна замедлила шаг, лицо ее потеряло властность, а походка — упругость. Она будто что-то важное упустила. Возвращаться, однако, было поздно. «Да, Васек, пока с кладбища не ушла, ты же слышишь меня, — «сказала» она. — Главную новость забыла. Виктор дело расширяет. Теперь мы не только куплей-продажей будем заниматься, но и строить. Кирпичный завод в Италии покупаем. Автомат. Дел много. Я теперь и первый зам и главбух в одном лице. Он мне «БМВ» с водителем выделяет. Представь, как бы мы жили!»

Исправив ошибку, Нина Петровна преобразилась. Водитель — в строгом, черном, — вышел из машины и предупредительно, с вежливым наклоном открыл дверь:

— Тетя Нина, извините, что задержались.

— Ничего, Вовочка, поехали.

Темно-серый «БМВ», не доверяя русским кочкам, медленно пополз по дороге: будто странное дикое животное по чужой территории. На фоне старых нераспустившихся деревьев зверь потерял модность цвета, но упрямства не потерял. За лесом Нина Петровна увидела общежитие для шефов, которое так и не решились сломать, хотя место здесь для коттеджей великолепное, а дальше и асфальт прорисовался — перед загородкой дома отдыха, пустующего третий год.

— Когда за твой дом примемся, племянш?

— Сначала Санин дом перекроем, окна вставим, а потом...

— Фундамент надо смонтировать в мае, чтобы летом людей на кладку выводить, — поправила племянника Нина Петровна. — С кирпичом поможем. Бригада у меня хорошая на примете. Украинцы. Работать будут от зари до зари, качество отличное и много не берут.

— Спасибо, тетя Нина, — молодые парни — один за рулем, другой на заднем сиденье — переглянулись, улыбнулись, и машина резво рванулась вперед по асфальтовой косе.

— Вы, ребята, момент не теряйте. Стройтесь, обживайтесь, живите, как нам не удалось пожить, — сказала Нина Петровна, глянула в окна своей двухкомнатной квартиры «с удобствами». — Ясно?

— Так точно! — «БМВ», не замечая тягости подъема, взлетел на один из деревенских семи холмов.

ЧЕЛОВЕК

В страхе землю озирая
У истоков древних рек,
Бродит изгнанный из рая
Самый первый человек.

Утучняя сладкой пищей
Плоть свою — земную персть,
Бродит он и способ ищет
Двери райские отверсть.

Но не думай вор о краже —
За святой рекой Евфрат
Херувим стоит на страже
У закрытых райских врат.

Он вращает по округе
Огнedyшащим мечом.
От меча бежит в испуге
Человек, брэнча ключом.

И споткнувшись, вязнет в дверце
Рыжих пойменных болот
И в тоске срывает сердце —
С древа жизни райский плод.

АПОКАЛИПСИС

Вылезал из житейской трясины
Змей не змей — земноводная слизь,
Это чудо завидев, осины
С перепугу, как бабы, тряслись.

Выползал на большую дорогу,
На ухабах свивался в кольцо,
Гнусно корча незримому Богу
Полу-морду и полу-лицо.

Коль машина из тьмы наезжала,
То шофер уходил в тормоза:

На него, свесив грозное жало,
Зверь нездешний тарашил глаза.

И на кончике медного рога
С треском лопался визг колеса,
Из-под ног уходила дорога,
И летела душа в небеса...

КАЗАКИ

Мимо Дона тихого,
Мимо Дон-реки
Ехали угрюмые
С фронта казаки.

Грозный ветер с севера
Своем в спины дул,
На седле под буркою —
Мертвый есаул.

Кровь лампасом выщвела
На виске седом...
Краснозвездным выстрелом
Выбит белый Дон.

По другому берегу
Мимо Дон-реки
Ехали суровые
С фронта казаки.

Бился под копытами
Мировой пожар...
На руках товарищей
Мертвый комиссар.

Пуля кровью вышила
На груди кумач...
По-над Доном слышится
Материнский плач.

МУЖИКИ

Тары-бары-шаровары,
Продувные кушаки...

В городском-тверском пивбаре,
Как московские бояре,
Загуляли мужики.

Притаранили тарани
Целый ворох в сто пудов
И шумят, стирая грани,
Грани сел и городов.

Спорят нервно, но степенно
О шелках да о бобах,
И кипит пивная пена
На прокуренных губах.

Для таких любая кружка,
Как ни выкати — мала...
Вьется пена, словно стружка,
Льется пиво, как смола.

Раскраснелись, аки раки,
От заморского питья:
Кулаки крепки для драки,
Рожи гожи для битья.

А в сторонке горожане
Из столичных пиджаков
Смотрят, точно парижане,
На российских мужиков.

Мол, сцепитесь ради шутки,
Коли жизнь невесела,
На пятнадцатые сутки
Доберетесь до села...

...Тары-бары-шаровары,
Продувные кушаки...
В городском-тверском пивбаре,
Как московские бояре,
Пили пиво мужики.

* * *

Ночное светило небесным пупом
Сквозь тучи светило попихе с попом.
От луж бы до луж бы дорогой хромой
Скорей бы со службы добраться домой.

До милых поповен, до малых попят —
Они, час не ровен, все ждут и не спят,
Чтоб матушка с тятей дошли поскорей,
Прогнали бы татей от полных ларей.

Вдруг видит попиха свеченье в степи —
От вражьего лиха, Господь, укрепи! —
То бродит гнедая заблудшая Русь,
На мир нагнетая великую грусть...

Шепнула попиха на ухо попу —
И вывели лихо они на тропу.
От луж бы до луж бы житейских морей
Обратно до службы дойти бы скорей!

От ямы до яма сквозь Вечность бредут,
От срама до Храма Россию ведут.
Уснули поповны средь малых попят,
Попята неровно носами сопят.

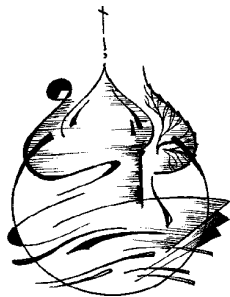
И видят с полатей Таинственный Суд,
Где матушка с тятей Россию спасут.

НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ!

Когда мы обходим молчанием Истину, то таким своим поведением не возвещаем людям спасение. Поэтому будем всегда стремиться говорить правду не только одними устами, но и стараться иметь ее в своем сердце. Подтверждать ее своими делами, поступками, помыслами, то есть — всем своим существом стремиться к Богу, Который есть Истина, стремиться к святости, к которой мы все, Христиане, призваны.

Только жизнь по правде и только Истина нас спасут. Только Истина, живущая в нашем сердце, позволит нам ходить, трудиться и исполнять свои обязанности с открытым взором, поднятой головой, чистой и спокойной совестью. Во лжи нет спасения. К сожалению, нам приходится видеть, что ложь заполонила собой все вокруг, а главное — вошла в наши сердца и души.

Поэтому с Божьей помощью будем стараться побеждать нашу робость и нерешительность по отношению ко злу. Будем говорить в нужный момент, не боясь страха человеческого и не стыдясь ложного стыда, правду друг другу для спасения наших погибающих в хрони-

В данной работе сохранена орфография автора.

СИМВОЛ ВЕРЫ

ческой лжи душ. Народная поговорка не зря гласит: «Лучше горькая правда, чем сладкая ложь!»

Хочется напомнить о том, что в настоящее время жизнь большинства людей стала устроена так, что дела второстепенные и всякая прочая суета житейская заняли место дел первостепенной важности. Маммона — скоротечное богатство материальное — заняла место богатства духовного, богатства безсмертной души, этой невесты Христовой, место духовной нищеты, жертвенности, любви, великодушия и простоты.

Вместо этих высоких качеств развились в человеке качества противоположные: гордыня духа, самолюбие и ненависть к ближнему, малодушие, сложность взаимоотношений, лесть, лицемерие, человекоугодие и многое другое, не соответствующее высокому званию христианина и гражданина православной страны, великой и Святой Руси. Человек дошел до такого безумия, что стал открыто хвалиться своими грехами, своим участием в построении глобального царства антихриста. Но мы знаем, что кого Бог хочет наказать, у того Он отнимает разум. Это и есть в большинстве случаев показатель жизни человека: кто как живет, чем дышит, что ест, куда ходят его ноги и руки, как мыслит его голова и как эти мысли претворяются в жизнь.

Что мы видим вокруг себя в настоящее время во многих местах нашего многострадального Отечества? Видим везде почти одно и то же. Возрождение нового язычества со старой начинкой: культ золотого тельца, бизнес, разврат, отступление от Истины. Человечество снова уклонилось в идолопоклонство. Небывалый технотронный расцвет, все средства для наслаждения человеческого тела, все удобства придуманы для того, чтобы отучить человека самостоятельно мыслить, творить и созидать во благо своей души, своего вечного будущего. Как раз такое будет перед концом света, по предсказаниям святых отцов.

Взять такой факт, как мобильные телефоны, которые у людей стали уже чуть ли не игрушками. Но это не такие безобидные игрушки, как людям кажется. Про них еще в 80-х годах прошлого столетия старцы говорили: «В последнее время будут волшебные телефоны без проводов и все будут ими увлекаться. Они будут соединять с космосом и люди будут заболеть от них, потому что через них антихрист будет действовать».

Про импортные машины говорили, что это грех и соблазн для священника, что можно только нашу, простую, чтобы люди чего не подумали! Пожалуй, это нужно сказать и про

всех Христиан, старающихся исполнять евангельский закон, чтобы скромнее и воздержаннее были в своих желаниях и не подавали соблазнительного примера людям, своим братьям и сестрам. Посмотрите, исполняются ли правила благочестивого и скромного поведения нынешних православных христиан. Нет! Здесь и невоздержанность, и гордость, не крайняя необходимость, а предмет роскоши, тщеславия и высокомерия: «Я не таков, как прочие человецы!» И здесь отступление от Истины, от Бога.

Много разговоров идет сейчас о духовном возрождении России, хотя на самом деле все обстоит далеко не так, как нам это преподносят. О каком возрождении можно говорить, если идет страшный геноцид русского православного народа?! Ведь возрождение России заключается не только в построенных или отреставрированных храмах, не в открытых богословских институтах и школах, не в количестве новокрещеных, не в торговле церковными принадлежностями и не в участии в каком-либо движении. Не это все главное. Главное для Христианина заключается в несении своего Креста. Через Крест совершается наше спасение, а мы не хотим принять крестную жизнь и всячески избегаем несения своего Креста.

Из-за воздействия различных технологий, этой «премудрости сатанинской», и оттого, что человек снова отступил от Бога в своей гордыне все делать по-своему, и попускаются народу в данное время все напасти и катаклизмы. При заботе только о житейском, которое, как на Западе, встало на место нового золотого тельца, в жизни человека теряется главное — забота о спасении своей бессмертной души, а значит — теряется все!

Духовные качества утрачивают свой истинный смысл даже в духовной среде. При общем отступлении и помрачении ума смирение становится уже для людей покорностью перед злом, разсудительность оборачивается разчетливостью, терпение преобразуется в уныние и равнодушие, в сдачу всех своих духовных позиций.

Исповедание чистоты Православия в наше время означает готовность стать исповедником и мучеником за веру, за Христа. Многие ли из нас готовы на такое? Отнюдь. Зато многие тешатся надеждой на отсрочку, на то, что вот, мол, мы сейчас не готовы, а лет так через десять будем готовы, тогда можно будет и пострадать. Но кто может быть уверен в том, что у него есть эти десять лет для подготовки?

Говорящий такое все больше и больше отступает от Христа и заповедей Его уже сейчас своими делами, своею жиз-

нюю, своим участием в делах тьмы посредством компромиссов и уступок наступающему злу, наступающей со всех сторон тьме. Сознание таких людей, помраченное отступлением от Истины, не смущается, и человек говорит открыто о том, что «это еще ничего, а вот когда будут ставить на лоб и на руку, вот тогда-то мы и откажемся, проявим решимость!»

... Что касается нашей русской земли, то стоит напомнить о том, что у нас идет страшный геноцид русской нации. По всей нашей необъятной России хозяйничают азербайджанцы, дагестанцы, чеченцы и прочие, не желающие честно трудиться и жить у себя на родине. Они незаконно валят наш лес и торгуют им, избивают и насилуют людей, творят многие беззакония и притеснения, а правоохранительные органы почему-то всегда встают на их сторону и защищают их.

Что же получается? Нас на своей же земле поставили вне закона! Нас истребляют на своей Родине! И власть, которой жители исправно платят налоги, вовсе не защищает свой народ. Поэтому, видя такое отношение к нам власти, мы должны ставить вопрос о власти. Именно об ответственности власти перед своим народом.

Нам нужно понять главное: если русскому народу будет плохо, то будет плохо всему миру. Черный террор захлестнул не только Россию, но и всю Европу. Россия стонет от оккупации. Поэтому лучшие сыны России должны встать на защиту своей нации и земли Русской!

Надо ясно понимать, не теша себя иллюзиями, что идет борьба за выживание нашей нации. Или мы, как нация, как народ будем жить, будем хозяевами своей земли, или исчезнем. Появление нового Гермогена во многом зависит от нас, от нашей веры, нашей молитвы, нашей жизни. И новые Минин и Пожарский, если Богу будет угодно, явятся среди нас в надлежащее время. Россия, может быть, единственное в мире государство, где уничтожается свой собственный народ. Мы не имеем права вести себя равнодушно и теплохладно по отношению к своей стране, к своему замордованному народу и даже к самим себе. Главным движущим нашим фактором должна быть наша совесть — этот голос Божий. Нужно стараться всячески слушать ее и выполнять ее повеления. Как она прикажет, так и делать.

«Наше время походит на последнее. Соль обуреует. В выших пастырях Церкви осталось слабое, темное, сбивчивое, неправильное понимание христианства по букве, убивающей духовную жизнь в христианском обществе, уничтожающей христианство, которое есть дело, а не буква. Тяжело видеть, кому вверены или кому попались в руки овцы Христовы, кому

предоставлено их руководство и спасение! Волки, облеченные в овечью кожу, являются и познаются от дел и плодов своих. Но это — попущение Божие. Находящиеся в Иудее да бегут в горы!» — Это слова великого русского подвижника Святителя Игнатия Брянчанинова, сказанные свыше ста лет тому назад, но не потерявшие своей силы до наших дней, отражающие всю горькую правду нашего времени.

Православные Христиане теперь уже ясно видят, что *«сегодня волки сняли овечью шкуру и открыто гонят ревнителей истины, не желающих соучаствовать в построении царства антихриста»*. *«Куда уж идти дальше, если те, кому вверены человеческие души для руководства ими ко спасению, ведут их не ко спасению, а к погибели?!»* — писал в середине XX века Архиепископ Аверкий (Таушев).

В пророчествах преподобного Анатолия Оптинского Младшего есть предупреждение всем нам относительно нашего времени: *«Чадо мое, знай, что в последние дни, как говорит Апостол, наступят времена тяжкие. Еретики возьмут власть над церковью, всюду будут ставить своих слуг, и благочестие будет в пренебрежении. Но Господь не оставит Своих рабов без защиты и в неведении. Он сказал: «По плодам их узнаете их». Вот и ты по действиям еретиков старайся отличить их от истинных пастырей. Это — духовные тати, расхищающие духовное стадо, и войдут они во двор овчий — Церковь, «перелазя инуде», как сказал Господь, то есть — войдут путем незаконным, употребляя насилие и попирая Божии устави. Господь именует их разбойниками. Действительно, первым шагом их будет гонение на истинных пастырей, заточение их, ссылка, ибо без этого нельзя им расхитить овец. Узнавай сих волков в овечьей шкуре по их горделивому нраву»*.

В 2003 году на торжествах в Дивеево по случаю столетия прославления преподобного Серафима Саровского произошел уникальный случай. Приехавший из Мурманска священник рассказал следующее. При отпевании у него на приходе младенца лет 5—6 младенец этот воскрес и начал говорить во всеуслышание народу следующие слова: *«Боженька меня не принимает, вернул меня, чтобы сказать сегодня всем и чтобы вы всем, всем говорили, что когда молятся православные священники за безбожную власть, Иисус Христос встает из своего трона и поворачивается спиной к ним. Он не хочет слушать их молитвы за власть, которая Его распяла, и добывает Христиан»*.

Этот случай показывает всем нам, как мы глубоко пали. Во удостоверение очевидного Господь вынужден посылать нам в назидание младенца.

Мы не хотим познавать самих себя и свое время, не хотим видеть то, что мы живем уже в период перехода не от социализма к коммунизму, а в период перехода от атеизма к сатанизму. Мы все тешимся иллюзиями, что у нас все хорошо. Но ведь нельзя обходить молчанием Истину, нельзя! Нам не позволено быть терпимыми ко злу или быть нейтральными по отношению ко злу: «Кто не со Мной, — говорит Христос, — тот против Меня!»

Святитель Марк Ефесский говорил: «Никогда то, что относится к Церкви, не разрешается путем компромиссов». Пример стояния в вере и мужества показали нам наши современники: 19-летний воин-мученик Евгений Родионов и трое его товарищей. Больше 3 месяцев ужасов чеченского плена и самые жестокие и изощренные пытки не смогли сломить их духа и поколебать веру.

Их заставляли отречься от Христа, снять Крест и принять мусульманство. Не отреклись, не сняли, все выдержали. Их казнили, но не они оказались побежденными и посрамленными, а их нелюди-мучители. Вот они — наши национальные герои и учителя благочестия. Так почему же нам про наших национальных героев ничего не говорят? Почему замалчивается их великомученический подвиг, равный подвигу христиан первых веков?

А ведь есть свидетельства явления новомученика Евгения Родионова людям, находящимся в трудных ситуациях. Мироточат его иконы, на могиле происходят исцеления, но несмотря на все это некоторые чиновники препятствуют его прославлению и канонизации. Но самая главная канонизация уже свершилась. Народ прославил его в своих сердцах и душах.

Пример всем нам — эти юные ребята. Они нашли в себе силы выстоять. Бог дал им силы. Они сделали свой верный, правильный выбор — умереть за Христа! Сможем ли мы понести подобное, если такое когда-нибудь нас коснется? Мы, опутанные мобильниками, окруженные иномарками, компьютерами, комфортом, удобствами, теплом, уютом, заботами житейскими, сможем ли отвергнуться себя и всего того, что вокруг нас, всех этих привилегий, и умереть безбоязненно за Христа? Не знаю. Пусть каждый на это ответит сам.

Можно только сделать некоторый вывод о том, что люди, имеющие все это, уже давно побеждены и поработены врагом рода человеческого и служат ему своей жизнью. Конечно, обложившись комфортом и уютом, а паче всего равнодушием, мы не знаем про то, что многим русским матерям, потерявшим там, в Чечне, своих сыновей, честно защищавших

свою страну и нас с вами, не платят ни пособий, ни пенсий. Эти пенсии и пособия, предназначенные русским матерям, разворовывают нерусские чиновники.

Зато жены бандитов, семьи убийц почему-то получают пособие на детей, как на потерявших кормильцев. Причем получают немалые пособия и за детей, и за дома, в которые они вселились, убив настоящих хозяев, русских, терских казаков. Нам как-то до всего этого дела нет. Нас это как будто не касается. Но когда коснется, то как бы поздно не было! Закрывать глаза на геноцид русской нации нельзя, а молчать — подавно. Сейчас наступило время, когда «молчанием предается Бог!» Поэтому «молчать об истине все равно что отвергать ее».

Под Петергофом есть храм. Там на алтарной двери изображен Евгений, в солдатской форме, а на выходе — Царь Николай. Вдумайтесь! Рядовой солдат, Царь и священник — настоятель Храма. Все они — воины духа! Ничего случайного в жизни не бывает. Приезжали в этот храм солдаты из ВДВ. Все причащались. Как это важно! Ведь это же духовно здоровые воины! Такие не струсят, не побегут, не предадут. У таких никакой «дедовщины» не бывает.

Любовь Васильевна Родионова, мама новомученика Евгения, молит Бога только об одном: чтобы Господь дал ей сил не свернуть с пути, чтобы дал возможность дожить до конца своих дней достойно. Вот какова ее молитва. Она желает дорасти до своего сына, то есть — прийти в его духовную меру. Ее сыну было всего 19 лет, когда он принял мученическую смерть за Христа. 19 лет! А он является для всех нас учителем благочестия, достойным подражания и удивления.

Больше трех месяцев чудовишных пыток, а после — казнили. Все выдержали, не отступили от Христа, веру не предали, на все уговоры и пытки снять Крест и принять мусульманство ответили решительным отказом. Воин-мученик Евгений и с ним еще три таких же воина-мученика. Один из них — наш земляк, из Тербунского района, село Петровское. Игорь Яковлев. Что мы знаем о нем? Ничего! Мы ленивы и нелюбопытны, не знаем своих героев, своих Святых, мы равнодушны и теплохладны к истории нашего Отечества и своего края.

О каком же тогда мистическом возрождении нам постоянно говорят, если у нас, в нашей душе, господствует разруха? Все выжжено грехом, как после взрыва атомной бомбы, так, что даже крохотных ростков милосердия и сострадания к чужому горю в нас днем с огнем не сыщешь?

О каком спасении мы тогда рассуждаем? Устами мы поем: «Чаю воскресения мертвых», а сердцем и делами весьма далеко отстоим от воскресения мертвой от грехов своей души — этой невесты Христовой, о которой мы мало стали заботиться, переводя все на рельсы материального благополучия и изобилия.

Сможем ли мы, если случится такое с нами, повторить подвиг этих четырех русских православных воинов-новомучеников, пострадавших за Христа даже до смерти? Ведь не отвергшись земного богатства нельзя приобщиться к Небесному, совершая подвиг мученичества. Ведь обо всем произошедшем и происходящем многие из нас и знать не желают. Книги выходят — люди не интересуются ими, находясь во власти своих личных забот и проблем земного происхождения и притяжения. Поэтому брать в руки и читать такие книги не все способны, ведь это же сопереживание, это чужая боль, которая должна стать своей, это страдание, это причастность духовная к их подвигу.

Не каждый из людей готов даже на перенесение нравственных мук, не говоря уже о телесных, хотя нравственные муки и бывают часто сильнее телесных страданий. К сожалению, многие современные люди настроены на волну самоугодения и приятности, а до других им никакого дела нет. Вот где кроется беда. Соборности нет, единства нет, зато разобщенность есть. Может быть, только в молитвах и происходит временами некоторое единение, но самое главное — дух-то разобщен, взаимности нет, любви нет, сострадания к ближнему не хватает, а раз духа любви нет, значит — ничего нет!

Ныне, на закате мира, который весь во зле лежит, наступили времена оскудения истинной Веры. Поэтому только такими средствами, подвигами, кровью святых мучеников, ее еще можно удержать, сохранить для желающих своего спасения. Россия для этого отдает лучших своих детей: Оптинских новомучеников, воина Константина и Ольгу в «Норд-Осте», моряков «Курска», псковских десантников, воина Владимира Наумова — казачьего полковника, генерала Льва Рохлина, замученных чеченцами священников Анатолия Чистоусова, Петра Сухоносова, Игоря Родина, воина Евгения с сослуживцами, и сколько еще безвестных нам, лучших своих чад!

Слава Богу, что Господь дает нам еще таких исполинов духа! Рождает еще Русь таких героев! Дает вера православная еще Праведников и Исповедников! Есть, значит, в нас еще сила! Нашими новомучениками, безстрашием и подвигами их разжимаются губительные тиски врагов и разрывается колючая проволока измены.

Мы живем в очень сложное время. Как и когда-то, «кругом измена, и трусость, и обман». Поэтому сегодня от нас требуется самое главное — быть верными чадами Русской Православной Церкви, хранить свою православную веру и, когда понадобится, вставать на ее защиту. Кем бы мы ни были: начальниками или подчиненными, мы, прежде всего, обязаны свидетельствовать перед людьми и своей совестью об Истине Христовой.

Мы живем в православной стране, в которой в настоящее время находится 120 миллионов русских, поэтому нам не нужно бояться быть русскими, а значит — православными. Мы все должны быть патриотами своей страны. Именно недостаток патриотизма и преданности Родине преподобный Серафим Саровский считал тяжким грехом и одной из причин человеческих страданий.

Мы видим, как за грехи народа происходит его порабощение другими нациями и странами. У русских отнимают дома, собственность, свободу, хотят отнять Родину и надежду на будущее. Русский народ разъединили и уничтожают поодиночке. Но никто не может отнять у него право на воссоединение, право на статус монархической Державы. Чтобы наши чаяния исполнились на деле, нужно все это заслужить, нужно вымолить. Необходимо всем каяться и просить прощения у Господа за содеянные грехи, а особенно за грехи вероотступничества, царубийства и клятвопреступления.

Сейчас многие инстанции выходят за рамки своих полномочий, превышают свою меру и грубо вмешиваются не в свои дела, придавая своим действиям якобы законный характер. Это относится не только к светской жизни, это относится также и к жизни духовной. Почему такое происходит? Да потому, что, как уже было сказано выше: «Кругом измена, и трусость, и обман!» Происходят события, аналогичные 1917 году.

Поражение идет за поражением почти на всех фронтах. Мы не только не побеждаем, но и отказываемся от возможности иметь раны и шрамы, полученные в борьбе с врагами России и нашего родного Православия. Мы просто предательски молчим и бездействуем. По этому поводу Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий Второй сказал: «Если мы будем молчать, нас просто уничтожат!» Народ помещают в виртуальный, коллективный сумасшедший дом, а мы молчим «страха ради иудейска», а бывает, что и архиерейска.

Писатель Иван Бунин оставил нам описание того, что творилось в стране после февральской революции 1917 года. Сколько мрази выползло на улицы, сколько похабщины

выплеснулось, какое кошмарное количество проституток, жуликов, негодяев, подонков, радовавшихся тому, что теперь все дозволено.

Не то же ли происходит и сейчас? Тайная и явная мразь выползла не только на улицы, она вползла и в духовные наши учреждения, и на своем, заданном ей уровне, делает тонко, хитро и лицемерно антихристово дело, дело погубления и вовлечения в свою пагубу православных Христиан.

Вокруг нас на всех уровнях, кроме маленьких островков православного благочестия, все более и более усугубляется языческое нечестие, принимающее размеры нечестия содомского и гоморрского.

Где же тут разцвет, о котором нам так часто и убедительно говорят наши пастыри? Не видно его в наших душах и даже не пахнет им, а пахнет, и весьма дурно, мерзостью запустения во многих местах. Люди, болеющие душой за Россию и Православие, видят, что идет планомерное унижение и уничтожение основополагающей государствообразующей русской нации. Приходится иногда наблюдать, как наши соотечественники заискивают перед всяким ничтожеством, дорвавшимся до власти, и выполняют самые подлые его приказы. У людей притупилась ответственность перед своей совестью и друг перед другом. Они живут большей частью телесной жизнью, забыв про жизнь духовную. Вместе с притуплением ответственности за свои поступки у людей притупилась, или совсем исчезла жертвенность, готовность умереть за Россию, за свою веру, за други своя.

Нужно всем нам помнить о том, что исполнение нашего личного Христианского долга не может быть отделено от нашего противостояния всякому греху, всякому злу, лжи, несправедливости, лицемерию, разврату и так далее. Мечта нашего врага — превратить Церковь во всё «красивое». Красивое пение, красивые купола, узоры, красивые фразы: «Прости меня» — «Бог простит». А ведь это святые слова, они должны быть оплачены нашей кровью, готовностью противостоять злу даже до смерти, потому что за этими словами стоит Крест Христов.

Всегда между Церковью и человеческим обществом было противостояние, ибо не может быть мира между правдой и ложью, добром и злом. С самого начала Христиане были гонимы за имя Христово, были вне закона. Так было раньше, так будет и в самом конце, все повторится и разкроется во всей своей полноте.

По предсказаниям оптинского старца Анатолия (Потапова-младшего) *«вследствие оскудения благочестия появятся в*

церквах ереси и расколы, и не будет уже тогда на престолах святительских и в монастырях людей опытных и искусных в духовной жизни. От этого ереси будут распространяться всюду и прельстят многих.

Большое притеснение от еретиков будет монахам, а жизнь монашеская будет в поношении. Обители оскудеют, иноки сократятся, а которые останутся — будут терпеть насилие. Горе будет в те дни монахам, которые связались имуществом и богатством и ради любви к покою готовы будут подчиняться еретикам. Они будут усыплять свою совесть, говоря: «Мы охраним или спасем обитель». С ересью войдет в обитель бес и будет она тогда уже не святой обителью, а простыми стенами, и благодать отступит оттуда до скончания века. Тогда желающие спасения будут избирать уединенные и пустынные места».

В толковании на «Откровение» Апостола Иоанна Богослова священномученика Гермогена (Долганова), епископа Тобольского и Сибирского, говорится о том, какова будет жизнь последних Христиан в антихристианское время:

«Истинные Христиане последних времен буквально отвергнут все гражданские законы и не будут почитать власть. У них останется одна внутренняя принадлежность к Небесному Отечеству, и за Господа Иисуса Христа они прольют свою кровь. В первые времена вся суть заключалась в идолопоклонстве, а законы и власть почитали. В антихристианское же время место идолов займет сама власть, и будут требовать поклоняться ей, не касаясь религии. Поклонившиеся будут считаться последователями антихриста. Тогда произойдет по воле Божией разделение добрых и злых: последователей Христа, и последователей антихриста. Так Господь отделит овец от козлов. Тогда совместная жизнь тех и других сделается невозможной.

Истинных Христиан, которые будут верны Господу Иисусу Христу, будут предавать и мучить, но не за религию, а как государственных преступников, не покоряющихся закону».

Во времена Римской империи Христиане отказывались в делах веры идти на компромисс с властью, и правительство смотрело на них, как на опасных возмутителей. Так же будет и в последнее время. Последнее время — это наше время. А наше время — это большей частью окружающий нас мир, то есть — общество, организующее себя без Бога, это новые язычники и сатанисты.

Преподобный Паисий Афонский говорил, что в прошлые времена монаха, занимающегося вопросами общественной жизни и политики, следовало заточить в башню. А в наше вре-

мя, добавляет он, наоборот — если монах закрывает глаза на происходящее в мире, то его за это следует заточить в башню.

Врагами Православия все продумано очень тонко и коварно. Сегодня государственная политика — это растление детей и поощрение открытого сатанизма. И если кто-то решится выступить против растления детей и сатанизма, того обвиняют в том, что он занимается политикой. Говорящие так знают, что делают. Знают они, что политика есть одна из форм духовной борьбы, а также о том, какая сила заключается в монастырях и монахах. Потому и говорят они, что дело монахов только молиться. Говоря так, они хотят лишить монахов участия в борьбе за освобождение Святой Руси от мажонского ига, действующего в лице современных правителей, являющихся поработителями и уничтожителями русского народа.

Поэтому привесить сегодня любой «липовый» ярлык на русского человека в его родной стране ничего не стоит тем, кто дорвался до власти и распоряжается ею по указке соответствующих дирижеров, мечтающих разрушить Третий Рим и его основу — Святую Православную веру, веру православных Христиан.

Сегодня мы ясно видим — открываются церкви, монастыри, общины! Но мы не видим и не знаем, что на каждую открытую церковь, приходится десять игорных домов. Это что — расцвет? Все большее и большее беснование овладевает людьми и страной.

Любой народ имеет право защищать свои права, любой, кроме русского. У русского народа эти права всякими подлыми методами стараются отобрать, максимально снизить уровень жизни русских и привести государствообразующую нацию к вымиранию. Идет великое сражение между добром и злом. Поэтому молчание сейчас, в это трудное для России время, является предательством и большим грехом. Нас уничтожают, а мы «смирненно» молчим. Нет, это не смирение, а дух лаодикийства, дух теплохладности, и за такое состояние и отношение к вере придется отвечать.

Против нас через людей воюют враги рода человеческого — духи злобы поднебесной. Они хотят уничтожить нашу веру, наше Отечество, православную семью, духовное отношение людей друг с другом. Нужно сопротивляться такому воздействию. Нельзя молчать, необходимо действовать и молитвой, и словом, и делом — всем, чем только возможно.

Разве не ясно всем нам, что несет в себе для жителей России принятие закона о свободной продаже земли и об утилизации радиоактивных отходов со всего мира на нашей тер-

ритории? Мало того, что страну разграбили, так ее еще превращают в радиоактивную свалку. Диверсия идет за диверсией. Единственная страна в мире, где в настоящее время, которое называют мирным, идет страшный геноцид коренного населения, это Россия.

Люди, живущие по духу, видят истинное положение вещей, видят, что несмотря на открытие новых храмов, началось новое открытое гонение на Церковь, а, по сути, оно и не прекращалось, просто приобрело новые, более изощренные формы. Это и показывание кошунственных фильмов, и навязывание Церкви глобализационных процессов, и яростное сопротивление введению в школах Закона Божьего и основ православной культуры.

Вот они — новые формы гонения на Церковь! Министерству образования православная культура и заповеди Божии не нужны, как не нужны они были большевикам. Как смогут они переносить заповеди Божии, если эти заповеди их обличают: «Не убий!», «Не укради!», «Не блуди!», если все это в их среде происходит?

Несмотря на то, что в России на сегодняшнее время проживает более 80 процентов русских, у власти стоят сплошь одни нерусские, которые и вершат по указке мирового правительства геноцид русского народа. Даже и в духовной жизни происходит чудовищная семитизация клира. Церковь стремительно пополняется священнослужителями еврейской национальности. На приступ Православия движутся хорошо организованные и спланированные орды «иудео-христианских» диверсантов.

Это наступление имеет уже всеобщий, глобалистический характер, ибо тотальное вековое уничтожение русского национального сознания и патриотизма привело к огромным разрушительным последствиям и потерям.

Конечно, не стоит забывать и о том, что земная власть дается нам такая, какую мы заслуживаем своей жизнью. Это духовный закон. Однако народ спит и бездействует. Корень всех зол, сребролюбие, опутал своими многочисленными побегамися небывалое количество людей. Главной идеологией в стране стала мамона. Поклонение золотому тельцу — богатству при страшной нищете народа является возрождением нового язычества, отступлением от истинного Бога.

Многие не готовы встретить опасность лицом к лицу. Но самым страшным в наше время является даже не зло, а равнодушие людей к происходящему у нас в стране и в мире. Люди замкнулись в себе и стали безразличны ко всему. А

ведь равнодушный человек — он никакой. Он всегда доволен только собой. Равнодушие ко злу делает его безучастным к добру.

Из-за равнодушия и попускается торжество зла на нашей земле, все то, что происходит с нами сегодня. Из-за равнодушия многих людей Бог попустит и пришествие в мир антихриста, как попустил уже многие катастрофы.

Спасать нас без нашего участия Господь не будет, ибо нам даны свободная воля и свободный выбор.

Господь смотрит, как мы противостояим злу, как ведем себя, когда другому человеку плохо и когда плохо всей нашей Русской православной стране. Архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский Иоанн в беседе о Страшном Суде описывает характер миротворческой деятельности антихриста. Антихрист *«будет делать всем приятное при одном условии — одобрении его деятельности и признании его верховной власти.*

Он предоставит возможность Церкви совершать богослужения, постройку прекрасных храмов, но при условии признания его «верховным существом» и поклонения ему. У него будет личная ненависть ко Христу, которая будет питаться атмосферой этого апостасийного мира. Он будет жить этой ненавистью и радоваться отступлению людей от Христа и Церкви. Будет массовое отпадение от веры, причем изменят веру многие епископы, и в оправдание будут указывать на блестящее положение Церкви».

Далее Святитель Иоанн говорит о том, что *«искание компромисса с миром станет характерным настроением людей. Прямота исповедания исчезнет. В людях, надеющихся на «человека беззакония» и радующихся примирению с ним, будет развит навык отступления от правды и сладость компромисса и греха».*

Это время уже подошло. Навык отступления от правды и компромисс с грехом уже полностью овладели людьми и стали обыденным делом. Мир, которого сейчас жаждут люди и за который борются многие государственные и церковные деятели, в дальнейшем будет достигнут ценой поклонения антихристу и обернется погибелью для тех людей, которые поклонились ему.

С самого начала своего основания Православная Церковь была островком правды и чистоты в океане языческой лжи и безнравственности. Поэтому самой большой угрозой для нее было даже не гонение, а опасность осквернения грязью этого мира, грязью тогдашней Римской империи.

Эта опасность грозит и нам. Грязь нового язычества, пропаганда растления, пошлости и вседозволенности, культ

мамоны и гордыни, снова подняли свои безстыжие головы и начали творить мерзкие и незаконные дела. В настоящее время многие люди видят, как на большие праздники по телевидению передают трансляцию Божественной Литургии.

Верующие люди спрашивают: «Почему транслируют Таинство Евхаристического канона?» Ведь по «Учению двенадцати Апостолов» никто не должен быть участником Евхаристии, кроме крещеных во имя Господне. Поэтому, в каком-то смысле, если серьезно и духовно подходить к этому, то транслирование на весь мир Божественной Литургии — все равно, что допускать к Причастию некрещеных. А ведь сказано: «Не давайте святыни псам и не мечите бисер перед свиньями, чтобы они, обратившись, не разтерзали вас!»

Понять все это нетрудно, просто никто уже не хочет понимать, потому что привыкли, потому что так приучили, все хотят идти в ногу со временем, не исключая и духовных лиц, но мало кто хочет идти вслед за Христом, многие под благовидным предлогом уклонились на левую сторону.

Ведь быть верующим — значит, быть верным! Высокое и ответственное звание Христианина обязывает человека отличаться от других людей своим образом жизни, своей высокой нравственностью, своим благочестивым поведением.

Если же мы не отличаемся от других людей высокой нравственностью и духовностью, то получается, что мы только зовемся Христианами на словах, а на деле не исполняем своего предназначения перед Богом, ближними нашими, перед своей совестью. Да, мы живем в мире, но мы призваны не смешиваться с этим миром, с его греховными делами. Мы должны отличаться от мира Божиим присутствием в нас.

Ведь отречение от Христа бывает не только делами или словами, но и молчанием, что в большинстве случаев и происходит сегодня. А ведь всем нам дается возможность заступиться за нашего Господа. Посмотрите, что делается вокруг нас: безчестие, безстыдство, кошунство. Открытое издевательство над нашей страной всяких извращенцев и иноверцев при попустительстве властей стало давно уже печальной действительностью нашего Русского православного Царства.

А мы до сих пор упорно храним молчание, которое при сложившихся обстоятельствах далеко не золото! Лишь бы нас не трогали! Лишь бы не нарушали наш покой! Лишь бы не мешали жить так, как нам хочется! В такое время, как наше, Церковь не может быть Церковью молчания, и мы, если считаемся верными чадами Церкви, также не имеем права молчать! Молчанием предается Бог!

Посмотрите, до чего домолчались, досмирялись! Упущенного времени уже не вернешь! Русская нация вырождается

не только количественно, но и качественно. Идет страшный, хорошо спланированный геноцид. Здоровые и сильные дети уничтожаются в утробе матери злонамеренно. Пропаганда и навязывание абортов идет через засланных врачей-убийц.

Слабые же и немощные дети, благодаря выросшему качеству медицины, производятся на свет целенаправленно и планомерно. Диверсия идет за диверсией! Уровень жизни у нас стал ниже, чем в Египте и Боливии. Если мы и дальше так же будем продолжать хранить молчание, которое нашими врагами воспринимается как знак нашего согласия с многообразным вопиющим беззаконием, то нас просто уничтожат.

В годы гонений очень многие хотели сберечь свою жизнь и потому отрекались от Христа, и этим своим сбережением жизни временной они губили себя для жизни вечной. И сейчас происходит то же самое. Люди непрестанно отрекаются от Христа, отрекаются тем, что хотят сберечь свою жизнь, а не душу, сберечь любой ценой: ценой компромиссов с совестью, примирением со злом, укоренением в грехах и привычкой к ним, невыполнением заповедей Божиих и других духовных законов, данных нам Богом для правильного духовного и телесного развития.

Мы часто произносим высокие слова о правде и любви, о терпении и послушании, но на деле они у нас почему-то плохо осуществляются. Чаще всего слова так и остаются только словами, дальше этого наша так называемая «духовная жизнь» редко идет.

У нас уже вошло в привычку жаловаться на свои немощи, на слабость духовную и телесную. А ведь сила-то Божия как раз в немощи и совершается. Когда я немощен, тогда силен, говорит Апостол Павел, а мы как-то забываем об этом. Господь дает Свою крепость всякой немощи человеческой, только бы у человека было произволение к добру и к стоянию за Истину и веру православную до самой смерти.

Мы должны быть Христианами в действительности, а не казаться ими, должны своим личным примером нести всему миру свет Истины Христовой, ибо мы к этому призваны. Должны стремиться к этому всеми силами души, потому что развратился и христианский мир, отступивший от Бога, развратился, увлекшись похотью плоти и гордостью житейскою.

Многие из нас, что даже не задумываясь, совершают то, что им нравится или о чем их просят, совершенно не смотря при этом на запреты своей совести и смущение души. А ведь это Сам Господь нас предупреждает: «Остановись! Не совершайте безнравственного поступка, будьте внимательны к внушениям своей совести, не ходите путями греховными!»

Возьмем пример из нашей жизни. Один священник отказался отпевать преступника, убитого в криминальной разборке, так как по церковным канонам строго запрещено такое отпевание. Священника этого посадили в машину, привезли к вырытой могиле, наставили пистолеты и сказали: «Отпевай, или мы тебя здесь закопаем». Он снова наотрез отказался. И они, после его вторичного решительного отказа, оставили его в покое. Но многие ли смогут поступить так, как этот священник?

Наша Россия, Русь-матушка, самая красивая на свете Земля. Не зря она носит название Святой Руси с древних времен. В двадцатом веке наша земля прославилась великим множеством мучеников за веру, царя и Отечество. У нас прибавилось заступников и молитвенников на небесах.

И вот мы видим, как на нашей Святой Земле сегодня процветает неслыханное торжество греха. В это трудное и жестокое время, когда нужно заниматься реальными делами, быть сплоченными духовно и телесно, среди нас происходят всякие ссоры и дразги.

Сегодня главная цель нашего врага — разрушить семью, эту малую церковь, этот малый духовный оплот, который очень многое значит для всех нас. Для чего проводится такая диверсия? Для того, чтобы в воинствующую Церковь некому было ходить, чтобы воевать оружием молитвы и поста против борющего нас супостата тоже было некому.

На восстановление храмов сейчас уходят большие силы, а враг хочет устроить так, чтобы в них некому было ходить, хочет подорвать наши моральные и духовные основы изнутри. Поэтому родителям нужно воспитывать своих детей в православном духе. Это — самое главное. Оттого в мире и происходят беды, катастрофы, революции и войны, что родители вовремя не позаботились должным образом о воспитании своих детей.

Чем можно объяснить в наше время отказ родителей от христианского воспитания своих детей? Только помрачением ума, которое происходит у родителей от их непонимания заповедей Божиих, от их невоцерковленности и желания жить по своей воле своими заботами и проблемами, но никак не по воле Божией.

Человек больше всего любит себя и то, что в мире. Поэтому он и боится идти против себя и против мира греховного. Думать о том, что за ложной радостью греха следует власть тьмы, которая готовит приход антихриста, он не хочет. Через телевидение, средства массовой информации, а часто и через людей, идет соращение человечества в погибель греха, в моральное и нравственное разложение.

Образуется все больше и больше новых обществ, которые всюду развращают добрые нравы. Потому-то Христиане и призываются быть благою вестью для всего мира, чтобы те люди, которые не читают и не знают Евангелие, смотря на жизнь Христиан, могли из этой жизни понять то, что хочет сказать всем народам Христос. В древние времена за нечестие людей произошел на земле Всемирный потоп. И это была не жестокость, это было проявление заботы Божией о всем человечестве, это была милость Божия.

Чтобы спасти одну чистую ветвь — Праведного Ноя, нужно было отсечь все остальные, чтобы они не смогли заразить греховной болезнью единственную здоровую ветвь.

В последние же времена мир очистится и обновится, как мы знаем, огнем. По толкованию из Откровение Апостола Иоанна Богослова священномученика Гермогена, епископа Сибирского и Тобольского, «те Христиане, которые встретят живыми Пришествие Господа нашего Иисуса Христа, будут переплавлены огненной лавой, они не умрут, но огнем как страданием изменятся в другой вид».

Нам, православным Христианам последних времен, нужно помнить о том, как опасен для нас компромисс со всякой ложью. Сейчас такое явление можно часто наблюдать — якобы ради спасения многих, якобы ради Церкви и даже якобы ради Господа. Но Священное Писание нас вразумляет: «Не говори: ради Господа я согрешил. Ибо Он не имеет надобности в муже грешном. То, что Он ненавидит, не должно делать» (Сир. 15, 11—12).

Поэтому нам нужно стремиться до конца быть верными Истине. **Пока в мире будет оставаться хотя бы один человек, до конца верный Истине, мир еще будет существовать.** От конкретных людей и от нас с вами, от нашего покаяния, зависят времена и сроки нашего земного существования. Человеческая история может быть продлена, если люди обратятся от злых дел к покаянию и начнут нравственно и духовно меняться в лучшую сторону.

Почему в настоящее время почти везде происходит наглое торжество лжи и разврата и мы терпим поражение на многих фронтах? Да потому что равнодушие многих и компромисс со злом уже приняты большинством как норма жизни. Вот где находится духовный смысл происходящего с нами. Сначала определенные силы приложат все для того, чтобы уничтожить русский народ нравственно, а затем примутся за его физическое уничтожение, что уже и происходит сегодня с нами.

Уничтожение России идет продуманно, планомерно и безбоязненно. Если не будет остановлена сегодняшняя агрессия

растления наших детей, если эта проблема не будет поставлена в государственных масштабах в один ряд с организованной преступностью, то у нас просто может не быть будущего.

Врагам Православия нужна такая Церковь, которая не обличает зло, которая молчит. Вот что им нужно. Сейчас нам ни в коем случае нельзя молчать, нельзя бездействовать. Нужно всем вставать на защиту нашей веры, когда это нас касается и становится нужным, а не уклоняться от борьбы под различными предложениями.

Нужно нам понять, что примирения со злом не может быть, иначе нас просто уничтожит то самое зло, с которым мы примирились. И даже сидеть в обороне не всегда件лезно, нужно переходить и в наступление. Нам нельзя жить и мыслить так, как было сказано когда-то: «В то время как на одном конце деревни будут вешать, на другом будут говорить: до нас очередь не скоро дойдет».

Если мы будем так думать, то дойдет, и очень скоро. Тешить себя иллюзиями не стоит. Нужно смотреть правде в глаза. И быть уверенным в победе, которая находится в руках Божиих. Господь силен через самых робких, хрупких и немощных людей, совершить великие и дивные дела. Чтобы все увидели, как сила Божия в немощи человеческой совершается.

* * *

В наше время, время компромиссов человека со своей совестью часто приходится видеть, как верность своему долгу, своим обязанностям у многих людей нарушена и плохо соблюдается.

Голос Божий — совесть понуждает каждого из нас добросовестно выполнять свой долг. Долг бывает разным. Есть воинский долг, есть духовный долг — у людей духовного звания. Есть материнский и отцовский долг, сыновний и дочерний, есть просто общий человеческий долг — долг христианина, нравственно-духовного человека как гражданина своей страны.

И вот мы часто видим, что отношение к своему долгу у людей разного положения бывает недобросовестным. Многие люди так или иначе стремятся воспользоваться своим служебным положением и получить из него максимальную выгоду прежде всего для себя, а потом, если что-то от этой выгоды еще останется, — то и для других.

Заповеди Божии, заповеди евангельские у нас большей частью не исполняются. Самая главная заповедь — заповедь о любви к Богу и ближнему весьма далеко отстоит от нас. А если это так, то следует чистосердечно признать, что и мы все далеко отстоим своими делами от Бога и ближнего

нашего. Следует сосредоточить на этом свое внимание, мысли, чувства, слова и дела.

В Евангелии для всех нас сказано: «Кто любит меня, то есть — Бога, тот соблюдает заповеди Мои». Значит, что же получается? Если кто не соблюдает заповеди Божии, то, значит, он не любит Бога, а, следовательно, и ближнего своего. Не любит! Хотя может долго и красиво говорить о своей любви, не подтвержденной исполнением заповедей Божиих. Поэтому не зря сказано, что вера без дел мертва.

Сам собою встает вопрос: «Как же можно тогда спасти свою душу, не любя Бога, не исполняя заповеди Его, на словах веруя, но не творя дел веры?» Часто можно видеть, как в нашей жизни происходит подмена первостепенных дел второстепенными или даже третьестепенными, происходит обман, причем обман сознательный, обман доверчивых людей на разных уровнях жизни, идет подмена истинных ценностей фальшивыми, искусственными.

На Руси снова наступило время тяжелое. Тяжелое оно прежде всего из-за упадка духа у людей, потери нравственных ориентиров, пропаганды разврата, насилия, беззакония, несправедливости по отношению к народу, прежде всего русскому, со стороны русофобствующих человеконенавистников. Мы видим и слышим, как на Русь-матушку идет новое нашествие «двунадесяти языков» — полчищ европейских, американских и прочих сектантских миссионеров. Идет вражеское нашествие, а мы молчим, бездействуем, сидим по своим углам и «смирямся»! Что же это за «смирение» новое такое, и кто его выдумал, преподнес нам? И многие приняли его!

Приведу конкретный пример: духовник Санаксарского Иоанно-Богословского мужского монастыря схиигумен Феофан на вопрос, как противостоять этому злу, ответил: «Я думаю, должен весь приход во главе со священником встать против сектантов. Я знаю одного батюшку, в приходе которого собрались молодые сильные люди, и, возглавляемые священником, прогнали вон нечестивцев. Смиряться здесь не надо. Христиане должны свое защищать».

На вопрос, как быть с экуменизмом, он ответил так: «Это ересь страшная. Это глобализация. Нужно всем епископам и священникам говорить об этом в Церкви. Я был как-то в Питере и зашел к отцу игумену Николаю. Он рассказал мне, как к нему в Храм пришли три католика и предложили помолиться вместе. Так он сказал им, что у нас с ними молитвы одной быть не может... и прогнал их».

Вот как поступают ревностные истинные пастыри. Так же должны поступать и мы, ибо каждый христианин призван

обличать зло в этом мире и свидетельствовать о Истине. Обличать зло, а не потворствовать ему и не соучаствовать в нем. Ведь соучастие может быть выражено и в молчании, и в равнодушии, лишь бы только нас не трогали и не беспокоили. Такое поведение — соучастие. Молчаливое согласие со злом.

Это страшно, когда дух спит и будить его некому, а сам человек беспомощно и безразлично взирает на то, как происходит оккупация его родной страны и совершается геноцид русского народа. Каждый год мы уменьшаемся на миллион человек! А люди занимаются своими делами, бизнесом, еще чем-то. И все-то у них вроде бы «нормально» и «чинно».

Поэтому на словах у нас все желают спасения, а на деле выходит то, что сказано в Евангелии: «Люди сии чтут Меня языком, сердце же их далече отстоит от Меня».

В июле 2006 года, в Москве, по инициативе Межрелигиозного совета России, прошел «Всемирный саммит религиозных лидеров», в котором приняли участие более ста глав и представителей различных конфессий. Около 40 из них представляли иудаизм. Накануне саммита иудеи определили новое понятие терроризма.

Теперь террористы — это все те, кто не угоден Израилю и разсеянному по всему миру еврейскому народу. То есть — всё, что неудобно нынешним евреям, — терроризм. Такое понятие приобрел этот термин на саммите религиозных лидеров. Подписались под ним и епископы Православной Церкви. Не нашлось ни одного епископа, который публично бы отверг это кошунственное «Послание» саммита.

На наших глазах и на глазах всего мира происходит предательство, отступление от отеческой веры и от заветов Святых Отцов. Сейчас нельзя молчать! Молчанием предается Бог!

Бывает предательство на войне, когда воины оказываются побежденными врагом не в открытом бою, а ценою обмана, подкупа, при внезапном нападении во время отдыха, при выдаче плана расположения войск предателями. Бывает предательство иного рода: когда сдаются без боя и без выстрелов наши земли, леса, моря, реки и прочие национальные природные богатства в руки западных врагов — давних ненавистников России и русского уклада жизни, который они подлым и преступным путем свергли, а теперь всячески стараются не допустить его восстановления.

Есть еще вид предательства: это то, что происходит сегодня с нами, в наших рядах. Без боя и выстрелов сдаются наши духовные позиции. В чем это выражается? Выражается это в нашей общей теплохладности, в потакании греху и слабом сопротивлении ему, в нашем нежелании что-либо предпри-

нять для исправления создавшегося плачевного положения и исправления отдельных членов нашего общества. Причем это отступление идет на уровне далеко не рядового состава, а затрагивает высшие эшелоны светской и духовной власти.

Конечно же, все эти устремления экуменического и глобалистического характера, все эти попытки контактов с еретиками встречают со стороны простых и искренних верующих естественное и активное сопротивление, которое просто игнорируется.

Все мы, по словам Апостола Павла, должны составлять Тело Христово, объединенное Духом Святым. Вот что по этому поводу говорит Архиепископ Аверкий (Таушев): «У нас никогда не было папизма, ни папской непогрешимости, ни деления, унаследованного на Западе от древнего языческого Рима, на «патрициев» — духовенство и «плебеев» — мирян. В Теле Христовой Церкви пред Богом все равны, хотя и исполняют разные функции».

Стоит упомянуть и о том, что многих из нас, людей Церкви, взяло в плен материальное благополучие и стремление к комфорту, уюту, теплоте и сытному углу. Желание же к лишениям и к подвижнической жизни, к самопожертвованию ради ближнего и ущемлению своих личных, часто корыстных интересов, почему-то часто не берет нас в свой спасительный плен.

При таком положении дел имеем ли право мы — духовные люди, называться таковыми и носить звание воинов Христовых, или многие из нас этого высокого звания уже давно лишены по причине умножившегося в нашей среде различного беззакония и безответственного отношения к своим обязанностям?!

Как трудно, оказывается, жить по духу и совести, жить по Божьему! Жить по своим страстям и похотям значительно легче. Вот люди и живут. Идут по пути наименьшего сопротивления, совсем забыв о том, что вся наша жизнь — непрестанная борьба со злом, с самим собой, со своими грехами — личными врагами, а также и с врагами нашей веры и Отечества!

Но это совсем не значит, что у нас хороших, честных и русских людей совсем не стало. Русских прежде всего по духу, а не только по национальности и фамилии, потому что в это лукавое время действия человека не всегда оправдываются только принадлежностью к русской национальности. Русские люди, конечно же, есть! Просто они еще пока не объединены.

Но за русскими православными людьми хитро наблюдает враг, изобретает всякие подлые и мерзкие клеветы, доносы,

сплетни и всякую мерзость напускает он на желающих своего спасения и процветания родного Отечества. Следит враг за православным христианином всячески: хитроумно, лукаво и рьяно. У русского же человека его русскость на лице написана. Не надо тут делать каких-либо изследований. Русский, даже если он и грешный, а без этого не бывает, все же выдает себя среди прочих людей сугубыми отличиями: чертами лица, манерой поведения, разговором, добрым расположением сердца в каком-либо совете, помощью в беде, каком-нибудь деле и так далее.

Однако нам навязывается идеология непротивления злу. На это можно ответить так: если мы в силах хоть как-то противостать злу, но не делаем этого, то мы уже не добры.

Если бы Минин и Пожарский не откликнулись на призыв Патриарха Гермогена спасти свое Отечество, то что могло бы произойти в дальнейшем — просто страшно представить! Еще один пример. Преподобный Сергей Радонежский послал на Куликовскую битву двух схимонахов, бывших воевод, которые бились с врагом в схимах — монашеских одеждах, не прикрытые никакими доспехами. Троице-Сергиеву Лавру защищали от польско-литовских интервентов и напрямую участвовали в битве около 20 монахов.

Так кто сказал, что монахам запрещается в моменты опасности защищать свое Отечество, если того требуют обстоятельства? Пусть каждый на своем месте выполняет свой долг. Но пример остается примером. Причем, не просто примером, а благочестивым примером. И проявлению такого духа мы должны подражать, а когда будет нужно, то и действовать.

Непротивление злу очень ярко выразилось в Чечне, в первую войну. Пограничникам не разрешалось первыми применять оружие без предупредительного выстрела вверх. И это в условиях чеченского безпредела. Иначе как сознательным предательством такие приказы не назовешь. Из-за этого, да еще из-за халатности начальства и попали в плен воин Евгений Родионов с тремя солдатами, брошенные в минуты опасности на произвол судьбы своими командирами.

А с чеченцами надо было разговаривать так, как разговаривали генералы Ермолов и Шаманов. Взяли в плен чеченцы 20 человек наших солдат. Генерал Шаманов подходит к селению, вызывает старейшин и говорит: «Если к вечеру солдаты не будут возвращены, — этого селения не будет. Слово Шаманова». К вечеру все солдаты, живые и здоровые, были возвращены в часть. Почему же другие генералы и полковники не могли так действовать? Не могли или не хотели? Вот оно — непротивление злу решительными и активными действиями.

Потому и война эта была чудовищная, предательская и грязная. Грязная от прилипших к ней денег, за которыми тянулись жадные руки высокопоставленных чиновников и банкиров.

Поэтому нужно нам всем отдавать себе ясный отчет в том, что нынешнее состояние русского народа — это болезнь, но ни в коем случае не природное его свойство.

Конечно, хочется верить в то, что в глубине народа живет еще воля к сопротивлению злу, стремление к правде и справедливости.

Но в большей своей части народ наш снова впал в идолопоклонство материального благополучия и чувственного наслаждения.

Как и до революции, так и теперь главная опасность заключается во внешней видимости. Многие сейчас внешне веруют в Бога, но в сердце своем полагаются на земную силу: «на колесницы и на коней», то есть на свой ум, на себя и на технические средства, взявшие в плен человеческую душу.

Святитель Феофан Затворник говорил о пришествии антихриста, что он не явится до тех пор, пока будет в силе царская власть. Она не даст ему развернуться, будет мешать ему действовать в своем духе. Вот это и есть удерживающее. Когда же царская власть падет и народы всюду заведут самоуправство (республики, демократии), то есть то, что было и что есть сейчас у нас, тогда антихристу действовать будет просторно. Некому будет наложить властное «вето». Смирненное же заявление веры и слушать не станут.

Итак, когда заведутся всюду такие порядки, благоприятные раскрытию антихристовых стремлений, тогда антихрист и явится. Сопоставьте слова Святителя Феофана с нашим временем и увидите, как все это уже сбылось и сбывается, и те из нас, которые не обольщены духом времени, ясно все это видят и сознают.

А теперь давайте снова вернемся к 1917 году как к дате порабощения нашего Российского государства врагами Веры, Царя и Отечества и еще раз пристально посмотрим, что же все-таки произошло в те давние, искаженные советскими историками годы? Плененный своими же генералами-изменниками в поезде под Псковом, Император и Самодержец Всероссийский Николай Второй, покинутый Церковью в лице ее иерархов, преданный и народом и министрами, пишет в своем дневнике: «Кругом измена, и трусость, и обман!» Генералы Рузский, Алексеев, Эверт, Брусилов и думские масоны требуют у Царя отречения от Престола в пользу Наследника.

События, связанные с отречением Государя, начались с февраля 1917 года. В Петрограде, под лозунгом «Долой вой-

ну» и «Да здравствует республика!» начались революционные беспорядки. Разрастался народный бунт, спровоцированный масонским заговором. Масоны рвались к всевластию в России. Им мешал монархический строй. На их пути стоял Государь.

Но... события развиваются вопреки воле Государя. Его приказы не выполняются. Генерал Иванов не доводит своих солдат до Петербурга. Солдаты петербургских полков отказываются подчиняться генералу Хабалову. Дума противится указу Государя о приостановке ее работы, организует Временный комитет, а затем, на его основе — Временное правительство.

Одни изменяли Царю сознательно, другие покорялись изменникам из-за трусости, третьи лгали ему, на самом деле стремясь к свержению монархии в России. Свора подлецов и предателей России: Родзянко, Гучков, Милюков, Керенский, Шульгин были объединены злобою на Русское Самодержавие и делали все возможное и невозможное для его свержения.

По сей день историков озадачивают непостижимые факты: как могла Красная Армия, в основном состоявшая из дезертиров и всякого сброда, стаяй воронья налетевшая на лозунг «Грабь награбленное», как могла эта армия теснить Белую гвардию, громить Корнилова, Деникина, Врангеля, Колчака, лучших учеников лучших военных академий, опытейших военачальников, закаленных в боях и умудренных победами и поражениями многих войн? Почему вопреки неоспоримым преимуществам Белая Армия под началом лучших офицеров России потерпела поражение?

Да потому, что на каждом из них: и на Корнилове, и на Деникине, и на Алексееве, и на Колчаке, так же, как и на каждом солдате и офицере лежал тяжкий грех клятвопреступника, предавшего своего Государя, Помазанника Божьего. Для православного христианина ответ ясен: Бог не дал им победы.

Грех клятвопреступления стал причиной поражения всей Белой Армии и трагической судьбы каждого воина: от солдата до командующего. Генерал Рузский в 1918 году был зарублен чекистами в Пятигорске. Генерал Иванов умер в 1919 году от тифа. Адмирал Колчак разстрелян большевиками в 1920 году. Генерал Корнилов погиб в ночь перед наступлением белых на Екатеринодар. Такова была цена предательства.

За трагедией Армии встает трагедия Русской Православной Церкви. Почему ее, единую, с почти тысячелетней историей, мощную, родившую многих великих Святых, вдруг в одночасье поразил гибельный пожар расколов, распрей, жестоких гонений со стороны безбожников и иноверцев? Поче-

му многие христиане «страха ради иудейска» отвернулись от своего христианского имени, но все-таки попали под мстительный меч репрессий? Где были их прежние духовные вожди и наставники, кто бы мог остановить повальное богоотступничество?

Когда духовные вожди Церкви благословили цареотступничество, маленькие люди, её верные чада, промолчали. Маленькие люди посчитали себя слишком маленькими, чтобы отстоять Русское Царство. Не встала Православная Русь спасать своего Белого Царя. Отступили от Императора те из духовных лиц, кто по долгу своему должны были ни на шаг не отступать от него.

Лишь немногие пошли за Царской Семейей сначала в ссылку, потом в заточение, а затем и на жестокие, безчеловечные мучения. Не истинно же подданные спасали свои жизни. Епископ Екатеринбургский Григорий имел возможность помочь спасению узников и облегчить их положение, однако ничего для этого не сделал и даже не выразил сочувствия мученикам.

В уездах и губерниях собирались большие собрания людей для того, чтобы засвидетельствовать свою поддержку «новому строю». Духовенство различных городов «выражало свою радость в наступлении новой эры, приветствовало новые условия жизни нашего Отечества, отрекалось от старого режима и присоединялось к новому, приветствовало обновленный строй. Прихожане Томской губернии приносили благодарность новому правительству за упразднение старого строя и приветствовали «новый строй жизни». Безумие охватило всю страну. Духовенство всей России — от Витебска до Владивостока, от Якутска до Сухума было представлено в подобных предательских телеграммах.

Какое-то затмение нашло на всех этих людей, облеченных долгом перед Царем, перед Россией, перед своей совестью и душой. Как легко доверились они революционной пропаганде и изменили своему долгу, изменили присяге на верность Государю Императору, которую они приносили при поставлении в священнический сан.

Результаты такого отступления не замедлили сказаться. Размеры революционных и послереволюционных бедствий, как мы знаем, были огромны и чудовищно жестоки для всей страны и людей, в ней живущих. Пришел час расплаты. Зверские убийства священников, архиереев и мирян поражали своей безпощадностью и жестокостью. Это они совсем недавно приветствовали новый строй, новую жизнь, новую эру, «свободу и счастье».

В убийстве Царской Семьи виновны все. Эту вину нужно признать и раскаяться в ней. Оправдываться нельзя. Все виноваты: кто прямым участием, кто соучастием, кто равнодушием и безволием, кто трусостью, кто безбожием.

Многие до сих пор не хотят почитать Царя, не стремятся обратить свои сердца к мыслям к покаянию в грехах царевбийства и богоотступничества, не хотят изменять свой образ жизни и образ своего мышления. По внешности, они вроде бы и верующие: бодро читают, резво поют, могут рано вставать и нести те или иные подвиги, но по духу они глубоко чужды евангельскому закону: положить души свои за друзей своих, за ближнего своего. А ближний наш — всякий человек, оказавшийся рядом с нами по Промыслу Божию и просящий нашей помощи.

Иной раз при внимательном наблюдении за событиями можно увидеть, что в нашу среду каким-то образом попали люди, чуждые православному духу и просто даже обычной человеческой нравственности, люди не русские, люди-provокаторы и люди-артисты. Они не хотят ни прославления Царя, ни его почитания, выполняющие вроде бы послушание, но на самом деле творящие свою дерзкую, самочинную волю под покровом лицемерного благочестия и смирения.

Хочется спросить у самого себя и у других: где же оно — наше безкомпромиссное стояние в вере, надежде, любви, стояние в Истине и Православии? Где находится безкомпромиссность нашей совести в тот момент, когда ее соблазняют различными приманками и толкают на грех? Где хотя бы правильный взгляд на жизнь, не затуманенный западными стереотипами, и четкое понимание того, что происходит сегодня с нами и нашей страной? Мы до сих пор не хотим понять, что находимся в плену и живем в оккупации.

Многие люди свыклись, смирились ложным смирением с различными беззакониями, происходящими у нас в стране и со страной, и вольно или же невольно становятся прямыми или косвенными участниками этих беззаконий. Мол, жизнь такова, иначе, мол, не проживешь, все так живут. Какое нам дело до всех? Нам нужно жить не как все, а как положено, по евангельскому закону и в этом отношении не смотреть на других. Человек без помощи Божией немощен.

27 мая 2006 года в Москве проводилась акция протеста православной общественности против парада содомитов, который они планировали провести на Красной площади. В этой акции принял участие главный тренер сборной команды России и ЦСКА по кик-боксингу Константин Юрьевич Новиков. Вот что он рассказывает: «Когда эти извращенцы

попытались осквернить своим парадом нашу православную столицу, я не мог остаться в этот день в стороне. Рад, что принял участие, буду участвовать в таких мероприятиях и впредь. Со мной в этот день были ребята из кик-боксерского клуба «Пересвет» из города Реутова, которые все как один изъявили желание участвовать в марше. В современной обстановке открытый протест народа — это единственное доступное средство воздействия на власть. Мы обязаны защищать свои святыни — только в этом случае мы можем называться народом».

Чем же все это закончилось? На выходе из метро главного тренера и всех его ребят задержала милиция и отвезла в КПЗ. Там у них спросили: «Вы что, их бить собирались?» Их — это содомитов. На это Новиков ответил: «Оружие православных — слово Истины и молитва, а если бы мы собирались их бить, то никакая милиция вместе с ОМОНОм их бы не спасла». Продержав три часа в отделении, их всех отпустили. В протоколе задержание объяснили проведением профилактической беседы.

Во время так называемой профилактической беседы одного из 18-летних парней запугивал следователь, а потом открыто угрожал ему, если тот в будущем не откажется от участия в подобных акциях. Вот и получается, что милиция защищала содомитов, а не православных ребят. И если бы эти ребята не защитили столицу от глумления, содомиты провели бы свой парад. Вот, оказывается, какая еще есть у нас патриотическая молодежь, и какая, оказывается, есть милиция.

Подобное же произошло и на Камчатке. Там православные ставят пикеты против проведения сеансов экстрасенса Кашпировского в Петропавловске. Правда, он себя называет уже по-другому — психотерапевтом. Так вот, помощники Кашпировского несколько раз совершали нападения на православный пикет. Представитель Кашпировского на Камчатке избил женщину, которую потом с сотрясением мозга увезли в больницу. И что же? По указанию властей местная милиция вместо того, чтобы изгонять нечисть из родного города, встала на защиту оккультиста и начала «усмирять» православных, вставших на защиту своего Отечества. Вот и подумайте — в какой стране мы живем и кто ею управляет? Подумайте и сделайте вывод: что нам сейчас прежде всего нужно? Ответ на этот вопрос таков: прежде всего нужно покаяние и нужна молитва, а также нужны и здоровые, энергичные национальные силы, скрепленные той же молитвой и добрыми делами ради Христа, способные в решительный момент прийти на помощь стране и русским людям.

Духовные борются на духовном фронте, преимущественно духовным оружием, молодежь и воины борются с внутренними врагами внутри страны и на ее окраинах оружием вещественным, не забывая также и оружия духовного: молитвы и Слова Божия. Духовные люди, живущие в монастырях и на приходах, поддерживают воинов молитвою, воины поддерживают духовных крепостью духа, смелостью и решительностью. Одно дополняет другое, а в результате получается целое: единство духа, единство мыслей и действий. По крайней мере, должно получаться. Все для блага и могущества родной страны, процветания Державы Российской и спасения человеческих душ.

Следует признать, что на духовном нашем фронте далеко не все выглядит безоблачным и спокойным. Идет предательство в форме заигрывания с еретиками-папистами. Папа римский Бенедикт XVI говорил недавно о главной цели латинской конфессии в экуменическом диалоге. Эта цель заключается в признании всеми конфессиями папской власти как власти наместника Бога. Папа римский говорил о незыблемости первенства кафедры римского епископа и о своем желании принять в лоно католической церкви и других верующих.

И вот — эти папские еретические басни слушают некоторые наши начальствующие и часто общаются с еретиками, оправдывая свое общение проповедью Православия. В результате они сами заразились экуменической ересью и пытаются внушить нам эту ересь, что, мол, католики наши братья, и с ними надо жить в мире и согласии. Но все же, несмотря на то, что внутри нашей Церкви немало экуменически настроенных иерархов, врата адавы не одолеют ее и истинность и целостность ее сохранятся, даже если останется всего лишь один епископ, свято чтущий каноны и догматы Православия.

В Евангелии Господа нашего Иисуса Христа мы видим, как Он был категоричен в Своих действиях. Он не проявлял дипломатии, как у нас принято сейчас, не вступал в диалоги с отпавшими, так как знал, что Истина принимается лишь смиренным сердцем, а для гордых она закрыта. Поэтому хочется сказать о том, что брани и нестроения и раньше были. А попускаются они нам за наши грехи и для того, чтобы выявились искусные в битве, истинные последователи Христова и еще для того, чтобы произошло отделение зерен от плевел, чистой пшеницы от мусора, хлеба от мякины.

В заключение хочется всем вам пожелать, братья и сестры, прежде всего истинного покаяния и сердца смиренного, ибо Бог гордым противится и только смиренным дает Свою бла-

годать, Свою радость духовную, дух мирный и спокойный при любых обстоятельствах жизни. Смиряться же нужно не перед злом, существующим в мире, и не перед порабителем нашего Отечества, а прежде всего перед Богом, перед Промыслом дивным Его, перед теми обстоятельствами, в которые мы попадаем по Его благой воле.

Также хочется пожелать безкомпромиссного стояния за Истину веры Христовой, нелицемерного и безбоязненного исповедания себя православным христианином во всех, даже самых малых обстоятельствах жизни, ибо малая закваска квасит все тесто — всего человека. И ни за что не идти против своей совести, если она нас в чем-то обличает и не велит идти на тот или иной безнравственный и безответственный поступок.

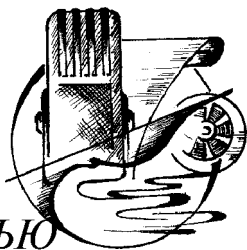
Очень трудно сохранить себя от многообразного насилия греховного, от многих соблазнов, которые мы часто видим и которым временами поддаемся. Любой человек не без греха, но помните — Господь победил грех и смерть Своею Крестною Любовию, отдав за грехи человечества Свою безгрешную жизнь и пролив Свою чистую кровь. Поэтому — «Мужайтесь! — говорит Господь, — ибо я победил мир!» Желая всем с Божьей помощью победить мир, плоть и диавола. Желая вам победы над самим собой, ибо кто победил себя, свои страсти и желания, тот есть человек совершенный. Желая вам с Божьей помощью достигнуть совершенства!

г. Задонск Липецкой обл.,
Рождество-Богородицкий мужской монастырь

ГЛОБАЛЬНОЕ КИДАЛОВО

(События международной жизни этого года прокомментировал член идеологической комиссии партии «России — здравый смысл» Антон СУРИКОВ)

— Ваши впечатления о новом президенте США Бараке Обаме?
— Впечатление такое, что Обама — подставная фигура, как наш Сергей Владиленович Кириенко, принявший на себя груз ответственности за дефолт 17 августа 1998 года. Я пришел работать в аппарат правительства России через несколько дней после дефолта и хорошо помню атмосферу того времени. В дефолте обвинили Кириенко, а также Чубайса, Гайдара, Задорнова, Дубинина и Алексащенко — шесть человек, которые между собой совещались, прежде чем были обнародованы соответствующие решения. Обвинили отчасти справедливо. Но мало кто знает, что настоящим «крестным отцом» российского дефолта были не они, а Лоуренс Саммерс, тогда замминистра финансов США. Сейчас Саммерс — главный экономический советник Обамы. Видимо, на этот раз, как говорят мне мои весьма информированные американские источники, ему предстоит стать «крестным отцом» глобального «кидалова», политическую ответственность за которое предназначено взять на себя Обаме. После того, как будут аннулированы издержки на «избыточное» потребление долларов всякого рода паразитариев внутри США («латиносов», «афроамерикан-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

цев) и за их пределами, Обама уйдет, на его место придет вице-президент Джозеф Байден, и в мире будет установлен глобальный американо-китайский кондоминиум по Киссинджеру — Бжезинскому.

— *Что вы понимаете под «глобальным кидаловом»?*

— Детали мне неведомы. Ясно лишь то, что в финансово-экономической сфере США, а значит, и всего мира, произойдет нечто из ряда вон выходящее. Может быть, даже уже произошло, но мы пока еще этого не ощутили. Нельзя вечно жить в кредит или за счет сырьевой ренты, как у нас, нельзя вечно накапливать безнадежные долги. Существующая глобальная экономическая система требует аннулирования накопленных долгов и резкого сокращения потребления. Помимо этого объективно неизбежен процесс радикальных изменений структуры мировой экономики, и прежде всего американской. Один политолог обратил мое внимание на экономическую программу Демократической партии США. Согласно ее разработчикам, есть две стратегии борьбы с кризисом. Первая — реиндустриализация. Ведь значительная часть производств выведена из Америки в Китай и другие страны. Вернуть производство в США — это реиндустриализация. Но американская элита — не сторонница этого плана. Она — сторонница того, чтобы продолжать движение в направлении создания инновационной экономики. А именно — ставка не на индустрию XX века, а на «хай-тек». Более того, проработаны конкретные направления такого движения, которые им кажутся наиболее важными и которые вытянут, по их мнению, американскую телегу, а вслед за ней, естественно, и всю мировую телегу вперед. Это такая сложная комбинация молекулярной биологии, нанотехнологий и когнитивной науки. То есть это тройная комбинация — туда входит когнитивная психология и целый ряд вещей, связанных с компьютерами, физикой и так далее. Это мотор, который, по их представлениям, потянет США вперед. Еще они говорят о новых технологиях в области энергетики, об альтернативной, не углеводородной энергетике. Это очень важный момент, который не сулит России ничего хорошего, но снимет в дальней перспективе конфликт между ведущими странами, прежде всего между США и Китаем, за доступ к запасам нефти и газа.

— *Этим вы объясняете появление идеи американо-китайского глобального кондоминиума, о котором в последнее время говорят Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер?*

— Этим в том числе, но не только. Экономики США и Китая — не конкуренты, они существуют в разных плоскостях. Америка (как и некоторые страны Западной и Север-

ной Европы и Израиль) идет к инновационной модели, и нынешний кризис, призванный снять накопившиеся издержки, лишь ускорит это движение. Китай строит индустриальную модель, конкурируя с Индией, Индонезией, Южной Кореей, отчасти с Японией, но не с США. Китай — крупнейший экспортер американских технологий, крупнейший импортер ширпотреба и крупнейший государственный инвестор в США. Противоречия между Америкой и Китаем — это противоречия продавца и покупателя на рынке, которые вообще-то друг без друга не могут, а не противоречия двух продавцов, каждый из которых мечтает, чтобы другой исчез. Как выразился один эксперт, «не прав тот, кто говорит об американо-китайском антагонизме. Противоречия между США и Китаем существуют, антагонизм — нет. В силу этого американо-китайская война невозможна, а американо-китайский глобальный кондоминиум не просто возможен, но и практически неизбежен».

— *Между тем Бжезинский и Киссинджер, авторы идеи кондоминиума, не занимают в США официальных должностей...*

— Да, они не занимаются оперативным управлением американской внешней политики. Они занимаются стратегией, идеологией, если хотите. Нам в России сложно понять значение стратегии и идеологии, потому что у нас этим не занимается никто, все во главе с Путиным занимаются ситуационным «разруливанием». Поэтому говорить с российской так называемой элитой, с провинциальными чекистами о стратегии и идеологии — это все равно, что обсуждать с домашним зверьком алгебраические формулы, не поймет, хоть ты тресни. Впрочем, люди старой школы еще могут понять или почувствовать грядущее. Смотрите, пока все были увлечены газовой войной и войной в Газе, в Пекине состоялось мероприятие, посвященное очередному юбилею восстановления отношений между США и КНР. В ходе его Збигнев Бжезинский в интервью агентству Синьхуа заявил: «На фоне стремительных перемен в международной обстановке США и Китай должны укреплять взаимодействие в глобальном масштабе». На следующий день Бжезинский в интервью «Financial Times» развил свою мысль: «В практическом плане нам следует укреплять и углублять наше геостратегическое сотрудничество, не ограничиваясь, естественно, такой текущей задачей, как тесное взаимодействие в борьбе с экономическим кризисом... Необходимо образовать неформальную «двойку» США—Китай. Отношения между Китаем и США должны носить характер всеобъемлющего партнерства». Буквально следом Генри Киссинджер в «Independent»

указывает: «Ядро будущего мирового порядка должны составить США и Китай». И практически сразу же в Москве выходит книга Евгения Примакова под характерным названием: «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость». По работе в аппарате правительства я хорошо знаю, как ответственно Евгений Максимович подходит к работе над своими текстами. Не сомневаюсь, он понял или почувствовал нечто, чего не в состоянии понять Путин и тем более его интеллектуально убогое окружение.

— *Вы полагаете, кондоминиум США и Китая будет создан за счет России?*

— В первую очередь за счет Российской Федерации и Центральной Азии, а за чей же еще счет? Тот же Бжезинский в «Financial Times», доказывая важность американо-китайского партнерства, сделал такой исторический экскурс: «В 1978 году президент Картер направил меня в Китай для тайных переговоров, результатом которых стала нормализация отношений между США и КНР, и практически сразу мы начали сотрудничать в сфере безопасности, что обернулось реальными выгодами как для США, так и для Китая. Результатом этого сотрудничества стало изменение расстановки сил на глобальной шахматной доске холодной войны — не в пользу СССР». Любопытная аналогия. Есть еще показательные моменты. После 5-дневной войны с Грузией Путин дал понять российским держателям частных и групповых счетов в западных банках, что было бы неплохо от греха подальше перевести их куда-нибудь в другое место. Но куда? В самой России такую денежную массу невозможно стерилизовать. Такие новые финансовые центры, как Дубай, Мумбай или Сан-Паулу, не подходят из-за наличия там значительного американского, или британского, или саудовского влияния. Остановились на банках стран Восточной Азии, подконтрольных китайцам. Но скоро выяснилось, что российских держателей счетов там стали бесцеремонно и грубо «кидать» на огромные суммы, исчисляемые десятками миллиардов долларов, если не больше. Но если китайцы кого-то «кидают», это значит, что этих людей или эту страну они мысленно уже похоронили.

— *И что нам теперь делать?*

— Пока существует режим Путина, ничего сделать нельзя. Когда этот режим развалится, появится шанс, который может быть использован, а может быть не использован. Единственный способ выжить такой стране, как Россия, — как можно скорее уйти от моносырьевой модели экономики, означающей разлагающее паразитирование как «элиты», так

и всего общества за счет нефтегазовой ренты. Нам нельзя забывать, что произошло с СССР. Участник тех событий, известный польский диссидент Лешек Мочульский, организатор Конфедерации независимой Польши, если кто помнит, пишет: «В 1970-е годы произошли два серьезных нефтяных кризиса, которые помогли Советскому Союзу занять главное место на мировом рынке. Во время первого кризиса, в 1973 году, пертурбации были страшные, особенно в США, позже в Голландии, но уже во время второго, в 1979 году, мировая экономика и наиболее развитые страны были подготовлены значительно лучше. Поворот в обратную сторону совершил в 1986 году Рейган, склонив Саудовскую Аравию к резкому и значительному увеличению добычи нефти — цена за баррель упала с 32 до 8 долларов. Для СССР это был *coup de grace* — последний удар, которым добивают раненого, чтобы прекратить его страдания». И это при том, что СССР обладал несоизмеримо бóльшим запасом прочности, чем нынешняя Российская Федерация. Мочульский продолжает: «Советскую экономику нельзя сравнивать с нынешней российской экономикой. В советские времена, где-то с 1960-х годов решающее значение имела перерабатывающая промышленность. Парадоксально, но СССР при всем своем отставании старался быть для того времени страной современной. Разными методами добывались новые технологии, а некоторые из них, такие, например, как технологии космические, ракетные или ядерные, по уровню равнялись западным. Все-таки СССР совершил огромный индустриальный и технологический скачок — хотя и не в состоянии был сократить дистанцию, отделявшую Советов от Запада, где уже происходили постиндустриальные процессы. Это правда, что он функционировал от кризиса к кризису и что в 1970-е годы уже не мог существовать без западной помощи — и именно тогда сделали ставку на добывающую промышленность. Такая сырьевая, а точнее, моносырьевая экономика характерна, скорее, для стран третьего мира. Только нефть и газ сегодня дают России половину ВВП. Россию можно сравнить с банановыми странами, которые в больших количествах предлагали другим один лишь этот привлекательный товар. Классическим примером является Сан-Сальвадор в 1930-х годах прошлого века: если бананы на континенте не уродились, и цена была высокой, то страна процветала, а катастрофа большого урожая вгоняла страну в нищету. В России за последние три-четыре года нефтегазового бума ВВП вырос в два раза, но в экономически развитых странах такого

не бывает. Реально российская экономика по величине соответствует южнокорейской, только южнокорейская гораздо современнее».

— *Давайте перейдем к только что завершившимся конфликтам начала года. Начнем с сектора Газа. Комментируя итоги войны, глава МИД Ирана Манучехр Моттаки дословно заявил: «Объявленное сионистским режимом одностороннее перемирие говорит о поражении этого режима в достижении заявленных им целей». С другой стороны, выступая на заседании правительства министр обороны Ихуд Барак сообщил, что Израилем были достигнуты все цели операции «Литой свинец», в частности, организации ХАМАС был нанесен самый тяжелый удар за все время ее существования, а также прекратились ракетные и минометные обстрелы израильской территории. По словам Барака, другим результатом операции стало «создание эффективного механизма борьбы с контрабандой оружия в сектор Газы, при участии Египта, США и Европейского союза». Одновременно представитель Исламского движения сопротивления в Ливане Усама Хамдан заявил: «Ни авианосцы, ни воздушное и морское наблюдение не смогут помешать нам вооружить сектор Газа и Западный берег реки Иордан». Так он прокомментировал усилия по предотвращению контрабанды оружия в прибрежный анклав. Ваше мнение?*

— Барак выдает желаемое за действительное. Не надо иллюзий: оружие в Газу будет поступать и через короткое время у организации ХАМАС появятся ракеты, способные достигать Тель-Авива. В начале января международная обстановка для Израиля сложилась крайне благоприятно. Обама еще не вступил в должность и поэтому был волен воздерживаться от комментариев, которые в любом случае были бы для него невыигрышными. Буш досиживал последние дни, но этого было достаточно, чтобы заблокировать принятие в международных организациях любого антиизраильского решения. Евросоюз, ставший синонимом политической импотенции и конформизма, никто в мире не воспринимает всерьез. Умеренные арабские режимы — Саудовская Аравия, Египет, Иордания — втайне мечтали, чтобы Израиль разгромил ХАМАС. Об этом же мечтало руководство Палестинской автономии. И что же произошло, чем все закончилось? ХАМАС остался в Газе у власти, его военная инфраструктура не уничтожена, большинство его лидеров живы. Это значит, что ХАМАС выстоял, а у Израиля не хватило политической воли его разгромить.

— *Каковы последствия войны в Газе для ситуации в регионе?*

— Израиль продемонстрировал свое безволие и свою беспомощность. Это значит, что полностью снят с повестки дня

активно будировавшийся израильянами вопрос о нанесении авиаудара по ядерным объектам Ирана, вероятность которого и так была невелика после избрания Обамы. Наоборот, сейчас резко интенсифицируется американско-иранский диалог: и по ситуации в Ираке, и по энергетическому сотрудничеству. В частности, по поставкам в Турцию и далее в Европу иранского газа, а также иракского и туркменского газа через Иран и подключению Ирана к проекту «Nabucco» и в перспективе к проекту «White Stream» — газопроводу по дну Черного моря на Украину, о котором год назад говорила Юлия Тимошенко. На этом фоне США и Европа окончательно закроют глаза на иранскую ядерную программу, и через 2—3 года Иран станет полноценной ядерной державой. Следом ядерными державами станут опасаящиеся иранцев Саудовская Аравия, Египет и, возможно, Турция.

— *Перейдем к другому январскому конфликту — газовой войне между Россией и Украиной. Как теперь выясняется, после опубликования текста контракта между «Газпромом» и «Нафтогазом» на сайте «Украинской правды» с финансовой точки зрения интегральные показатели — стоимость транзита через Украину и среднегодовая стоимость газа для Украины — мало отличаются от того, что было согласовано между Алексеем Миллером и Олегом Дубиной еще 30 декабря, но не было тогда подписано. Зачем надо было начинать 20-дневную, совершенно беспрецедентную по скандальности газовую войну, если в конечном итоге пришли к тому, с чего начали?*

— Глубоко неправы те, кто ищет в газовой войне финансовые причины, будь то желание «Газпрома» заработать лишний миллиард, когда в российской газовой сфере расхищаются десятки миллиардов долларов в год, будь то желание Тимошенко перехватить денежные потоки от Ющенко и Януковича (напомню, что Путин «сдал» Тимошенко и Медведчуку «Росукрэнерго» и Фирташа, а значит, Януковича и Партию Регионов еще в октябре 2008 г.). Тем более странно читать, когда серьезные эксперты пытаются доказать, что газовая война была нужна для того, чтобы Тимошенко с большей для себя выгодой могла бы спекулировать на рынке газа в Восточной Европе. Абсолютно прав Бжезинский, заявивший в «New York Times»: «В газовом споре Москвы и Киева решалась стратегическая, а не финансовая проблема».

— *Что это за проблема?*

— В украинской политике важно отличать форму от содержания. По форме это цирк, на арене которого мы видим одних и тех же актеров — Ющенко, Тимошенко, Януковича, Литвина и других. Но это лишь видимость. Ведь что при

Кравчуке, что при Кучме, что после «оранжевой революции» политика Украины, в том числе внешняя, принципиально не менялась, изменялся лишь ее стиль. Это, по логике, должно было бы подтолкнуть тех, кто хочет понять сущность, задаться вопросом: почему так? Если принципиальные моменты украинской политики слабо зависят от ее публичных персонажей, может быть, дело не в них, а чем-то другом? Я уже говорил и продолжаю настаивать, что существует такой фактор, как идеология украинского национализма. К ней можно относиться по-разному, но она — реальность. В России нет никакой идеологии, объединяющей большие группы, кроме идеологии радикального исламизма, охватывающей в основном лиц нерусской национальности и нацеленной на уничтожение Российской Федерации как таковой и на создание на ее месте Халифата. Правда, в России существуют еще такие идеологии, как либеральная и левая, неотроцкистская. Но эти идеологии охватывают ничтожно малую часть политизированного населения. Власть же в России полностью деидеологизирована, ее интересуют лишь коррупционно-финансовые операции и аппаратная интрига.

На Украине же, в отличие от России, носителями националистической идеологии является как минимум миллион человек, в основном на западе страны. Это, конечно, меньшинство в 43-миллионном государстве. Однако это вполне достаточное число людей, чтобы навязать свои политические цели, свою волю лишенному всякой идеологии большинству — люди идеи всегда сильнее людей без идеи. И второе — роль спецслужб. На Украине она внешне не так видна, как в России. Но, видимо, правы те, кто утверждает, что при принятии принципиальных, стратегических решений она там даже больше, чем в России. И это при том, что убежденные носители националистической идеологии глубоко интегрированы в украинские спецслужбы и госаппарат. В такой ситуации реальное содержание украинской внутривнутриполитической интриги следующее. Ющенко — полностью подставная фигура, хотя и идеологизированная. Янукович — тоже подставная фигура, но безыдейная. Тимошенко — также безыдейная, но она не подставная фигура, не марионетка, ее цель — единоличная власть. Все последние три года носители националистической идеологии в украинских спецслужбах и госаппарате пытаются договориться с Тимошенко о передаче ей власти под гарантию реализации ею их стратегических установок, но надежных гарантий пока придумать никак не получается. Возможно, это получится сделать в оставшееся до президентских выборов время. Тогда Тимошенко станет

президентом. Если же не получится, тогда продолжится нынешний политический цирк. И еще одна проблема. Носители националистической идеологии убеждены, что Украина, формально независимая, на деле является страной с ограниченными суверенитетом, нечто наподобие стран социализма в период существования СССР. Они объясняют это тем, что Российская Федерация и режим Путина де-факто пытаются ограничить возможности Украины по своему разумению вступать в военно-политические блоки, торговать оружием с третьими странами, ликвидировать базу ВМФ РФ в Севастополе, проводить необходимую, с точки зрения националистов, языковую и церковную политику, интерпретировать украинскую историю. Я не хочу сейчас обсуждать, правильно ли это или нет, я говорю о восприятии. Особенно о тех случаях, когда Кремль и спецслужбы РФ создают так называемые «пророссийские» политические группы на Украине, финансируют их деятельность и их политические мероприятия антиукраинской направленности. Результатом подобного восприятия является то, что носители идеологии украинского национализма считают себя в состоянии войны с режимом Путина и РФ как государством. Газовая война — это одна из форм этой большой войны. Хотя есть для газовой войны и другие причины. В частности, желание США продемонстрировать уязвимость газоснабжения Европы, совпавшее с желанием украинских националистов наказать Европу за отказ интегрировать Украину в ЕС и НАТО, и лоббистскими устремлениями сторонников газовых проектов «Nabucco» и «Nord Stream», а также сторонников развития атомной и угольной энергетики в самой Европе.

— *Что вы думаете о последствиях газовой войны?*

— Украина убедилась, что она может игнорировать и Россию, и Европу. Более того, на период кризиса отработана схема теневого управления украинским политикомом в кризисной ситуации. Если вы заметили, все украинские политики, до 31 декабря 2008 г. поливавшие друг друга помоями, с 1 по 19 января вдруг как по команде дружно замолчали, как в рот воды набрали, а когда газовая война завершилась, они вновь принялись прилюдно поливать друг друга грязью. Полагаю, следующим крупным шагом станет дефолт, отказ Украины платить западным финансовым институтам корпоративный долг. Полагаю, это вновь легко сойдет украинцам с рук, ничего им Европа не сделает и на этот раз. А затем произойдет формальное возвращение Украине статуса ядерной державы, что случится, как только это же сделает Иран и следом крупные арабские страны. Важно понимать, что с техноло-

гической точки зрения Украина — не Иран и не КНДР, а все тот же Советский Союз. Также важно вспомнить историю с продажей Украиной стратегических крылатых ракет Х-55 Китаю и Ирану в 2000—2001 годах и трезво оценить, что собой реально представляла международная сеть «отца пакистанской ядерной бомбы» доктора Абдул Кадир Хана, за счет чего и за счет кого она поддерживалась. Ну и, наконец, следует знать, что в понимании украинских националистов, им нет необходимости иметь крупные ракетно-ядерные силы, достаточно нескольких боезарядов на авиационных средствах доставки.

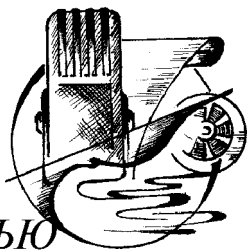
— *Что из этого следует?*

— Разрастается кризис, кончаются резервы. Скоро нефtedолларов вообще не останется, и тогда схватка на вершине власти неизбежна. А по 1990-м годам мы хорошо помним, что московские политические разборки всегда отображались и во многом вершились на Кавказе. Достаточно вспомнить операцию «Преемник» в 1999 году, вторжение Басаева и Хаттаба в Дагестан, взрывы домов в Москве и Волгодонске, «учения» в Рязани. Не исключено, что нас ждет своего рода очередной повтор...

ИСЦЕЛЯЮЩАЯ МУЗЫКА

«Своими целебными свойствами народная и классическая музыка резко отличается от современной, которая почти вся... отравлена. Подобно наркотику она дезорганизует здоровые силы организма, выводит его из строя разрушительными вибрациями, — считает руководитель Центра славянской музыки и Государственного академического концертного оркестра «Боян» народный артист СССР и России профессор **Анатолий ПОЛЕТАЕВ**. — Многим мое заявление, наверное, покажется неожиданным, но в последние годы оружием массового уничтожения стала... музыка. Конечно, не вся, а та, в которую нас погружает Запад. Эта отравленная музыка разрушает здоровье души и тела. Музыку превратили в наркотик, без которого не могут обойтись многие молодые люди. Некоторые из них даже понимают, что их убивают музыкой. Однако все равно не могут оторваться от нее.

Люди становятся зависимы от звукового наркотика точно так же, как от химического. Их организм требует отравленной музыки. Не от хорошей жизни они беснуются на дискотеках, где собираются многотысячные толпы меломанов. Их возбужденное состояние само по себе создает мощное биополе, оно служит энергетическим допингом. Но главная причина опьянения в том, что людей обрабатывают особыми звуковыми схемами, подавляющими волю и интеллект, вво-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

дящими в гипнотическое состояние, когда человек становится послушным исполнителем злой воли. Молодежь от 15 до 30 лет, составляющая большую часть публики, буквально за 2–3 часа зомбируется этой музыкой настолько, что становится готовой колоться, насиловать, убивать».

— *Анатолий Иванович, звуковыми схемами вы называете введение в подсознание команд, записанных на обратном ходу, которые потом «всплывают» как собственные мысли?*

— И такое может быть. Но сейчас уже не нужны изошренные методы обработки психики, которые испытывали на меломанах десятки лет назад. Молодежь зомбируют более простыми методами — например ритмами. Возьмите искусство шамана: оно невозможно без ритмических структур. А если сделать их еще и гармоническими, то они будут воздействовать на подсознание и весь организм на глубинном, клеточном уровне.

— *Но шаманы лечат людей, а вы говорите о калечащей музыке.*

— Одной музыкой можно исцелять, а другой — убивать. Приведу позитивный пример, о нем хорошо знают специалисты: ни одна медицинская школа не лечит эпилепсию, потому что не знает природу этой болезни. Но люди избавляются от нее... слушая ре-мажорную сонату Моцарта для фортепьяно. Обнаружив такой неожиданный эффект, медики и музыканты исследовали огромное количество произведений разных композиторов, но ничего подобного не нашли. Только соната Моцарта останавливает приступы и прекращает эпилепсию. Лаборатории Соединенных Штатов и Великобритании несколько лет изучают этот феномен и не могут найти ему объяснения.

А причина здесь, очевидно, в том, что звуковые формулы — ритмические и гармонические — несут информацию, которая воздействует на гены и клетки, весь организм, изменяют их, нормализуют, дают ресурс для восстановления и борьбы со своими противниками.

— Почему вы считаете, что это не психологический эффект, а глубинное воздействие на клеточном и даже генетическом уровне?

— У растений нет психики, по крайней мере, в привычном понимании этого слова. Тем не менее, они реагируют на музыку подобно людям. Лабораторные исследования показали, что одни виды музыки угнетают растения, а другие — вызывают их цветение. Но улавливать разницу ритмов они могут разве что на клеточном уровне.

Я знаю российского фермера, который позаимствовал у немцев очень интересный метод разведения животных. Дело в том, что в Германии на фермах звучит... классическая и народная музыка, и не только немецкая. От нее повышаются удои и даже яйценоскость. Благодаря этой музыке лучше расцветают и плодоносят растения в оранжереях. А так называемая современная музыка задерживает рост растений и животных, вызывает у них болезни. Ведь произведения современных профессионалов трудно назвать музыкой. Это не музыка, а звуковое оформление патологии композиторов.

Созидательная музыка, как правило, написана классическими композиторами. Они потому и классики, что идут по Божественному пути и нужны человечеству, которое хранит их в своей памяти. Эта музыка всегда имеет успех у слушателей. Но сейчас она не доходит до них. Им не дают выбора.

Молодежи же навязывают патологическую музыку. Дети с 15 лет созревают в половом отношении, и их старательно обрабатывают сексуальными ритмами. Они привыкают к звуковым формулам разврата, «давят на педаль» инстинкта, заняты только этой проблемой и ничего другого не хотят.

Музыка — это важнейшая форма воспитания человеческой души. Еще Конфуций говорил, что правильной музыкой можно управлять государством. А в Древней Греции за нарушение музыкальных канонов воспитания души полагалась не ссылка, не темница, не лишение прав — смертная казнь! Древние прекрасно знали ценность этих канонов и опасность, которую несет их нарушение. Сейчас эти подходы преданы забвению, а тем, кто понимает проблему, не дают возможности говорить об этом в средствах массовой информации.

Между тем целебную силу народной и классической музыки, которую исполняет наш оркестр «Боян», подтвердили научные исследования. Причем мы не стремились к этой проверке, просто играли свою любимую музыку, но наши слушатели обнаружили ее лечебные свойства.

Мы восстановили из руин московский храм святого Власия и выступали в нем с концертами классической и народной музыки. Некоторые слушатели приходили туда больными, а уходили здоровыми. Например, за время концерта высокая температура тела понижалась до нормальной. Подобных случаев было много, они уже стали привычными, однако мы не афишировали их, потому что не считали лечение своим главным делом.

Но на наши концерты стала регулярно водить своих пациентов очень опытный терапевт, заслуженный врач России Таисия Кузнецова. Она наблюдала у них поразительные слу-

чай исцеления от самых разнообразных недугов. Причем многие из этих хворей возникли в результате «отравления» современной «музыкой». Ее действие на организм оказалось подобным химиотерапии, которая временно улучшает самочувствие, но в итоге понижает иммунитет, обрекая людей на тяжелые болезни и преждевременную смерть.

А народная и классическая музыка, наоборот, повышала иммунитет, и в результате организм больных самостоятельно избавлялся от недугов. Убедившись в этом, Таисия Андреевна очень сожалела, что может приводить только десяток пациентов, а не двести — тогда она организовала бы группу здоровья, которая заказывала бы нам лечебные концерты. Как опытный врач, Кузнецова пыталась понять, каким же образом музыка управляет здоровьем.

— *Ей это удалось узнать?*

— Таисия Андреевна рассуждала примерно так. Когда ребенок начинает курить, у него кружится голова и появляется рвота. Но он продолжает травить свой организм, который вынужден приспособливаться к отравленной среде. Познав вредность табака, ребенок уже не может от него отказаться, потому что привыкает к этому допингу. Аналогичная зависимость возникает от алкоголя и других вредных веществ, а также... от современной музыки. Человек попадает в эту отравленную среду и борется за жизнь до тех пор, пока у него есть ресурсы.

Прогрессивная медицина поняла порочность химиотерапии и ставит целью повысить защитные силы организма, делая его способным противостоять отравленной среде. Этого можно добиться с помощью физических и психологических упражнений. Но оказалось, что иммунитет можно поднимать и средствами музыки.

— *Какими именно?*

— Феномен Орфея известен очень давно: музыка снимала агрессию, делала миролюбивыми людей и зверей, использовалась вместо заговоров для лечения больных. Наши концерты показали, что за этими мифами и легендами кроется реальная способность музыки лечить тела и души человеческие. А механизм ее целебного воздействия сумели расшифровать заинтересовавшиеся нашими результатами специалисты из проблемной лаборатории научного обоснования традиционных методов диагностики и лечения при Минздраве России, которую возглавляет доктор биологических наук Станислав Зенин.

Они пришли к нам со своей методикой. Давно известно, что обычная вода хранит информацию, которую ей передают

с помощью звуковых вибраций. В какой-то степени этим можно объяснить целебные свойства воды, освящающейся в храме, — ведь там поют молитвы, звонят в колокола и так далее. Грамотные люди молятся перед трапезой, а во время ее говорят за здравные тосты, поют жизнерадостные песни — все это улучшает качество напитков и еды, тоже содержащей воду. Более чем на 80 процентов из нее состоит человеческий организм, поэтому он тоже «записывает» и хранит информацию звуковых вибраций, которыми на него воздействуют. Следовательно, для нашего здоровья далеко не безразлично, какую музыку мы слушаем.

— *Но как узнать, полезна она или вредна?*

— Это можно сделать с помощью современных приборов, они есть в лаборатории Станислава Зенина.

Его сотрудники ставили воду для исследований в концертном зале, а контрольную держали в другом кабинете. Потом они изучали ее излучение и сравнили его с тем, что начинает выдавать вода, обработанная народной и классической музыкой. Опыты показали, что на наших концертах вода приобрела целебные свойства и потом долго хранила их. Она становилась в прямом смысле слова живой водой, которой можно лечить различные недуги, и как небо от земли отличалась от воды, которая превратилась в мертвую после обработки современной патологической музыкой.

Таким образом было доказано физическое воздействие музыки на воду. Наиболее сильные целебные свойства почему-то приобретала вода, побывавшая на Втором концерте Рахманинова.

Потом в лаборатории измеряли приборами, как изменяются параметры различных органов и систем организма, когда человек слушает нашу музыку. Графики показывали, что за время концерта нормализовалась деятельность нервной системы, благодаря чему многие органы начинали работать более согласованно и эффективно.

Эти и другие исследования позволили ученым выдать нам официальное медицинское заключение с печатью Минздрава о лечебном воздействии народной и классической музыки, которое можно получить, находясь на концертах или прослушивая их запись. Это было настоящей сенсацией: впервые в истории исполнительства музыканты получили медицинский сертификат о том, что их произведения целебны.

— *Как вы представляете себе энергетическое воздействие музыкального коллектива на слушателей?*

— Коллектив — это экран, он отражает накал дирижера, увеличивая его, подобно зеркальной линзе, и направляя на

зрителей. Образно говоря, чтобы в зале поднять температуру до ста градусов, в оркестре должно быть сто пятьдесят, а уж я-то должен выдавать как минимум двести!

— *Насколько я понял, классическая и народная музыка благотворна сама по себе не только в исполнении вашего оркестра?*

— Конечно. Например, на концертах в Большом зале Московской консерватории нередко слушатели очищаются от негативной энергии и улучшают свое самочувствие. Многие убедились в этом на собственном опыте и не жалеют денег на дорогие билеты, чтобы попасть на эти сеансы оздоровления. Если есть хороший дирижер, хороший оркестр, хорошая музыка, то это просто санаторий! Высокая музыка чистит и лечит душу и тело.

Вот характерный случай. Мой старый приятель — начальник управления в одной из сырьевых компаний — заболел раком. Несмотря на усилия врачей, болезнь быстро прогрессировала. Пациент таял прямо на глазах, от пышного тела остались кожа да кости, он перестал ходить и не мог даже пошевелиться без боли. Тогда его отправили домой умирать, предупредив жену, что близок летальный исход. Но я передал ему через знакомых нашу запись Второго концерта Рахманинова, полагая, что эта музыка может облегчить его страдания.

Я ждал сообщений о смерти, но через месяц мне неожиданно позвонил сам больной и рассказал, что с огромным удовольствием слушает этот концерт по нескольку раз в день — и забывает о своем недуге. А еще через пару месяцев позвонила его жена и с восторгом сообщила, что, вопреки прогнозам врачей, супруг быстро поправляется, начал ходить и приглашает на застолье всех своих друзей. Мы приехали к нему и были поражены происшедшей переменой: недавний «σκεлет» оброс мясом, был полон энергии и радости жизни.

Но по наивности мы позвонили врачам, которые лечили его. Они положили пациента в больницу, стали обследовать его и снова лечить. Он не знал, что в музыке Рахманинова его спасение (ее целебные свойства медики открыли позже) и перестал ее слушать. Как и следовало ожидать, болезнь возобновилась с новой силой, и вскоре несчастный умер...

— *Как вы думаете, почему именно Второй концерт Рахманинова оказывает самое сильное лечебное воздействие?*

— Я не могу привести точных доказательств, но думаю, что разгадка феномена кроется в истории создания этой музыки. Из сильнейшей депрессии композитор вышел победителем. После провала его Первой симфонии он был раздавлен критикой и клеветой. Очень тяжело переживал, не мог ни играть, ни писать и просто умирал. Но его вернул к жизни

талантливый врач-психотерапевт Владимир Даль, он смог убедить композитора снова заняться творчеством, потому что ему суждено написать великую музыку, которая будет нужна всему человечеству. Это была битва за жизнь.

И Сергей Рахманинов действительно написал великую музыку. Он посвятил свой Второй концерт врачу Владимиру Далю. Ведь в некотором смысле они были соратниками в этой битве за жизнь. И неудивительно, что их произведение имеет целебные свойства. Второй концерт Рахманинова несет в себе колоссальнейший заряд победы!

— *Вы полагаете, что Сергей Васильевич сумел выразить в музыке высокое состояние победы над смертью, торжества жизни, творческого восторга, которое он испытывал после выхода из тяжелейшей депрессии?*

— Да, он закодировал это состояние в звуках. Во время исполнения концерта оно передается музыкантам и слушателям.

Ведь Рахманинов по своей сути благороднейшее существо — жизнелюбивейшее и добрейшее, очень высокого — элитарного духа. И когда из бездны отчаяния он выходил на великую победу, фиксируя это в звуках, получилось гениальное произведение, которое служит сильнейшим духовным и физическим лекарством для его исполнителей и слушателей.

Звуком можно убивать и воскрешать из мертвых. Что это за энергия и как она действует, надо изучать физикам и медикам. И они уже начали эти исследования. Например, генетики открыли, что в клетке есть особый механизм, регулирующий происходящие в ней процессы, реагируя на внешние звуки...

Мы, музыканты, не знаем этих законов, но пользуемся ими на практике. Возьмите и уберите из церкви песнопения, колокольный звон, акустику, которая усиливает и облагораживает звуковую среду, — и храм завянет. Перестаньте играть народную и классическую музыку — люди одичают, начнут болеть и истреблять друг друга.

Зона агрессивного «хэви металл», «панк-рока» и тому подобных, примитивной, морально распущенной «попсы» — это вообще не музыка в точном понимании этого слова. Людей загоняют в нее с помощью отравленной звуковой среды, которая формирует определенное состояние души и тела. Зона — это состояние организма: развращенное, преступное, одичалое. Такое состояние уже десятки лет кодируется электронными СМИ с помощью тотальной агрессивной рекламы: на телевидении и радио, в сфере быта, поездах и самолетах, на курортах, в ресторанах и столовых, магазинах и кон-

цертных залах, шоу-бизнесе — везде и всюду. Конечно, не вся современная музыка отравлена. Например, некоторые барды создают хорошие песни, если следуют Божественным законам красоты. Бывает и джаз здоровой и полезной музыкой.

Я убежден, что настоящая музыка — это нечто неземное. Такую музыку, как и научные законы, не создают, а только открывают. Эта музыка существует вечно.

— *Музыку можно услышать, но нельзя придумать?*

— Да, она существует в природе, как тепло и свет. Ее можно открыть, но нельзя создать, ибо она была создана Богом до появления человечества. Сейчас музыкой называют любую звуковую среду. Но, по моему убеждению, настоящая, вечная музыка — это состояние Божественной красоты, нравственной чистоты, доброты, любви, восторга. Человек же создает свои формы из уловленных им Божественных звуков, проявляя себя как новое существо в новом времени. Бог создает жизнь, а человек — жилье, то есть свою временную форму. Классические формы живут долго, несклассические — гораздо меньше. Все в мире есть яд или лекарство — в зависимости от дозы, времени, места и обстоятельств. Энергия может быть и созидательной и разрушительной. Это зависит от того, в чьих она руках: человека, который идет по Божественному пути или который избрал путь дьявольский. Все состояния души можно выразить звуковыми формулами. Эти звуки создают вокруг нас и внутри нас соответствующую среду — либо экологически чистую и здоровую, либо грязную и вредную.

Один красивый аккорд — уже музыка. Но огромные звуковые полотна многих современных профессионалов, мягко говоря, музыкой не являются.

Человеку дана жизнь, чтобы он занимался созиданием, был богоподобным. Но он нередко становится звероподобным и занимается разрушением окружающего мира и самого себя. И уподобляется поэтому подопытной крысе, которой вживили в мозг электрод, возбуждающий центр удовольствия, и в результате у нее пропал инстинкт выживания. Она нажимала на педаль, которая обеспечивала это возбуждение, до тех пор, пока не умирала от истощения. Даже самый сильный и живучий экземпляр не мог отказаться от губительного удовольствия. Так и некоторые люди, повторюсь, стремятся получать музыкальный наркотик до тех пор, пока не сведет в могилу болезнь или несчастный случай.

На мой взгляд, не дозированное, бесконтрольное удовольствие — наикратчайший путь к деградации. Бог дал нам удовольствие для непродолжительного отдыха как средство от

перенапряжения. И заложил в нас потребность стремиться к высшим, духовным удовольствиям, отказываясь от низших.

На наши концерты приходили и горделивые, снобствующие американцы, которые садились в первом ряду, развалившись, задрав ноги и засунув руки в карманы брюк. Но через несколько минут они меняли позы, опускали ноги на пол, клали ладони на колени и сидели смиренно до конца концерта. А потом вставали и долго аплодировали. Ведь мы играли им такую музыку, которая сильнее «першингов».

Когда в коллективе начинают петь русские песни, то и на смерть легче идти. Одиному человеку тяжело, а в массе с такими песнями ничего не страшно и все по плечу.

Возьмите вальс-фантазию Глинки — это же высочайший уровень интеллекта, души, культуры. Это вальс не для ног, а для головы и сердца — тончайшая вещь. И туристы понимают, насколько это отличается от всего, что они видели в России. Ведь отели, рестораны, казино у них во много раз лучше, чем у нас. После посещения наших ужасных туалетов, после общения с официантами, похожими на мародеров, у них создается впечатление, что это дикая, варварская страна. И вдруг на нашем концерте они встретились с подлинной красотой, которой у них нет! Западные туристы никак не ожидали, что встретят такое в России. Не Бах, не Бетховен, не Моцарт, а нечто другое, не менее высокое и духовное. И они преисполнились благодарности, понимания и простили те недостатки, с которыми столкнулись здесь.

Я много раз бывал в Германии и общался с немцами, которые также бывали в России, и видели, в каком унижении живет наш народ. Они не могут понять, каким образом такие люди, которых они имеют право не уважать и даже презирать, победили их шестьдесят лет назад — дали по морде германскому образу собранности, дисциплины, доблести, который сокрушил все европейские армии? Почему они оказались слабее нас?

Мы должны хорошо отдавать себе в этом отчет и всеми силами препятствовать размыванию нашего генотипа, превращению русских в американцев, китайцев или других иностранцев. А ведь это методично осуществляют те, кто обрабатывает наш народ звуками зоны. Слушайте русскую классику, наши народные песни, давайте их слушать другим — и наш народ будет непобедим.

— *Жителей западных стран начали обрабатывать отравленной музыкой гораздо раньше, чем наших соотечественников. Поэтому здоровье у них сильно ухудшилось — особенно душевное. И, быть может, единственную надежду на выжи-*

вание им дает русская музыка, народная и классическая, — как показали исследования, наиболее благотворна для людей. Наша музыка (и культура в целом) очень нужна всему миру. Нужен народ, способный ее создавать...

— Я совершенно с вами согласен. Мы бывали с концертами во многих зарубежных странах. И везде нам устраивали продолжительные овации, аплодируя стоя. Потому что, независимо от языка, все слушатели улавливали великую доброту и человечность, которые несет наша музыка. Ведь русские песни и романсы самые популярные во всем мире не потому, что кто-то их рекламирует (на это не хватит никаких денег), а потому, что в них закодированы добродушие, добросердечие, человеколюбие. Даже злодеям приятно, когда с ними обращаются ласково, по-доброму.

— *Но в песне, которую вы назвали «молитвой», звучит могучий бас, он несет не только доброту, но и великое мужество, бесстрашие, уверенность в победе и способность победить...*

— Да, в этой песне есть и вера, и надежда, и любовь — все, чем богата душа русского человека. Певец Николай Дмитриев сумел передать в ней высокое духовное состояние воина Христова, готового к суровым испытаниям, способного душу положить за други своя и сделать это с радостью, ради жизни вечной в мире ином. Я записал эту песню в его исполнении, кто-то услышал ее и пригласил его работать в храме. Сейчас он служит диаконом и очень доволен жизнью.

— *Так в чем же смысл музыкального творчества, Анатолий Иванович?*

— Все дороги ведут к храму. А если они не ведут в него, то зачем они? Музыка — мой путь к храму. Я говорю это искренне, без кривляния: музыка дает мне возможность служить Правде. И это есть Бог.

Я не считаю себя поэтом и композитором, но жизнь заставила взяться за несвойственные мне занятия. Я сам написал музыку и текст «Гимна славян». Его пафос в том, что нам нужна сила: духа, физическая, организационная, военная. Только силу уважают противники. А за слабость никого не любят. Всепрошение и смирение сейчас не для нас — мы и так вымираем. Нам надо собирать силы, чтобы воспротивиться вырождению. И эти силы нам даст музыка великих предков.

Беседу вел Михаил ДМИТРУК

ОН УНЕС В СЕРДЦЕ РОССИЮ...

В своей мемуарной трилогии «Я унес Россию. Апология эмиграции» выдающийся писатель Русского зарубежья первой волны эмиграции Роман Борисович Гуль (1896—1986) рассказывает: родился он в дворянской семье, имеющей древнее, широко разветвленное генеалогическое древо. Отец его — Б.К. Гуль (шведского происхождения) был видным общественным деятелем Пензы, нотариусом, домовладельцем и помещиком. Мать происходила из потомственного дворянского рода Вышеславцевых.

Воспитанный на гуманистических канонах Православия, традициях русского национального патриотизма, Р. Гуль решительно отринул нигилистическо-разрушительные, антидержавные принципы октябрьской революции. «Подпольщики-большевики, в октябрьские дни захватившие власть над Россией, в большинстве своем носили псевдонимы: Бронштейн-Троцкий, Радомысльский-Зиновьев, Скрябин-Молотов, Судрабс-Лацис, Валлах-Литвинов, Оболенский-Осинский, Гольдштейн-Володарский и т.д. По-моему, в этом есть что-то неслучайное и страшное, — писал он. — Тут дело не только в конспирации при «царизме». Псевдонимы прикрывали п о л у л ю д е й. Все эти

КРУГ ЧТЕНИЯ

заговорщики-захватчики были природно лишены естественных человеческих чувств... Жизни псевдонимов были вовсе не жизнью людей. Их жизнью была исключительно партия. В партии — интриги, склока, борьба, но главное — власть, власть и власть над людьми» (Гуль Р.Б. *Ледяной поход*. М., 1990; далее цитирую это издание). Сказанное, разумеется, не означает, что убеждения Р. Гуля формировались гладко, не зная сомнений и противоречий. Вступление на путь открытой борьбы с большевиками тысяч и тысяч таких русских граждан, как Р. Гуль, сопровождалось мучительными раздумьями о судьбах Родины, драмой выбора своего пути в кровавом месиве братоубийственной мясорубки. Выбор этот был предрешен ходом самой истории.

Верный патриотическому долгу, офицерской присяге и чести, Р. Гуль вступает в Добровольческую армию Корнилова, однако довольно скоро осознает бесперспективность той борьбы, что ведется без поддержки большинства народа. Его мучает сомнение не в правомерности политического выбора, но в необходимости, пусть даже во имя высшей государственной целесообразности сохранения единой и неделимой России, — стрелять в соотечественников. «Убить русского человека мне трудно. Не могу. Да и за что? У меня же нет с ним никаких счетов. За что же я буду вразумлять его пулями?» — терзается Р. Гуль и пытается уйти от дальнейшего участия в гражданской междоусобной бойне. Даже в самые отчаянные мгновения жизни им не овладевала бешеная злоба к народу, одурманенному неистовой жадной истреблять друг друга, топтать православные святыни, вековые традиции своих отцов и дедов. «Эти люди ломали нашу старинную мебель красного дерева, рвали мои любимые старые книги, которые я студентом покупал на Сухаревке, рубили наш сад и посаженные мамой розы, сожгли наш дом... Но у меня нет к ним ненависти или даже жажды мести, мне их только жаль. Они ползувери, они не ведают, что творят...»

Трагедия революции, как размышлял Р. Гуль, заключалась в том, что «к белым народ не хотел идти. Здесь сказался один из самых больших грехов старой России: ее сословность. И связанный с ней страшный разрыв между интеллигенцией и народом... В этом была беда и мужика, и всей России».

...3 января 1919 года Р. Гуль навсегда покидает Россию. Став эмигрантом, он берется за перо, чтобы записать все, что видел и пережил в кровавой Гражданской войне. Первым воплощением его творческого замысла стал роман «Ледяной поход», своим острием направленный и против «красных», и против «белых», против братоубийственной Гражданской

войны как социального и нравственного безумия, играющего на руку международным антирусским кругам.

Принятый доброжелательно М. Горьким, издателем З.И. Гржебиным, уверявшим, кстати, что видел «Ледяной поход» на столе у В.И. Ленина, и другими почитателями правдивой литературы, роман Р. Гуля в советской России все-таки не прижился, да и не мог прижиться в условиях жестко укоренявшейся методологии непримиримой «классовой борьбы». Советская критика или замалчивала писателей-историков русской эмиграции, или давала им негативные оценки до неприличия. Даже известный своей оценочно-художественной объективностью М. Горький писал: «Напрасно было бы искать у этих писателей «исторической правды».

Примечательно, что примерно в то же время, весной 1924 года, В. Мейерхольд в «Театре революции» демонстрировал каннибальскую пьесу «Человек-масса», весь «классовый гуманизм» которой сводится к известному люмпен-дезертирскому завету: «За одно око — два, за один зуб — всю морду». Вот лишь одна характерная сцена из многих в этой «новаторской» пьесе: группа осужденных к расстрелу за «буржуйское» происхождение просит у конвоиров разрешения... потанцевать, и на сцене сменяется буйный канкан мелодичным вальсом, причем танцующие пары состоят из смертников и конвойных. Затем свисток — и кавалеры-расстрельщики безжалостно волокут несчастных барышень к месту казни, невзирая на их стоны и мольбы. Вот в каком чудовищном «классовом искусстве» нуждались brave революционеры.

...Существенное место в творчестве Р. Гуля занимают историко-художественные биографии кормчих Октябрьской революции и Гражданской войны, деятелей, как выражался писатель, «с выкрашенной в один цвет душой», «попов революции» — по слову Штирнера. Одним из наиболее ярких произведений этого жанра является повесть «Дзержинский», впервые увидевшая свет в Париже в 1935 году; в России ее опубликовал журнал «Москва» (1991 г., № 5).

Долгое время «железный Феликс», как и другие лидеры большевистской партии, рисовался в советской литературе в ореоле революционной святости, кристально честным и благородным рыцарем без страха и упрека (пример тому — известный роман Ю. Семенова «Горение»).

Под пером Р. Гуля это совершенно другой человек, точнее, античеловек, крайне ожесточенный, властолюбивый, нетерпимый, кровожадный, жаждущий расстрелами в затылок создавать немедленный коммунизм. Написанная по горячим

следам бурных социальных потрясений, подтвержденная с точки зрения фактологии целым рядом документальных исследований и свидетельствами очевидцев, повесть «Дзержинский» написана в форме живых свидетельских показаний современника, на глазах которого разыгралась невиданная в истории кровавая междоусобная драма.

Ее «жестокий», «беспощадный» стиль живо напоминает повествовательную манеру «Красного террора» Мельгунова, «Щепок» Зазубрина, «Солнца мертвых» Шмелева, «Окаянных дней» Бунина. Строгий документализм произведения подчеркнут частыми указаниями автора на конкретное место и время подлинных событий и действий, реальные имена их участников, обильным цитированием дневника Дзержинского, извлечениями из воспоминаний его коллег по ВЧК и т.д.

Фигура Дзержинского нарисована сочно, колоритно, выразительно, но откровенно неприязненно, бичующе сатирическими тонами. «Высокий, похожий на скелет, одетый в солдатское платье, висевшее на нем, как на вешалке, 20 декабря в Смольном на расширенном заседании Совнаркома появился Феликс Дзержинский. Под охраной матросских маузеров, в куреве, в плевках, в шуме, в неразберихе событий, среди «страшных» и «веселых чудовищ» большевизма, кого в минуту откровенности сам Ленин определял: «У нас на 100 порядочных 90 мерзавцев», после многих речей, «пламенея гневом», выступил и октябрьский Фукье-Тенвиль. Феликс Дзержинский говорил о терроре, о путях спасения заговорщической революции. В его изможденном лице, лихорадочно блестящих глазах, заостренных чертах чувствовался фанатик. Он говорил трудно, неправильным русским языком, с сильным польским акцентом и неверными ударениями. Говорил, волнуясь, торопясь, словно не сумеет, не успеет сказать всего, что надо.

— Революция всегда сопровождалась смертями, это дело самое обыкновенное! И мы должны применять сейчас все меры террора, отдать ему все силы! Не думайте, что я ишу форм революционной юстиции, юстиция нам не к лицу! У нас не должно быть долгих разговоров! Сейчас борьба грудь с грудью, не на жизнь, а на смерть — чья возьмет! И я требую одного — организации революционной расправы! — криком заканчивал свою речь изможденный, насквозь больной человек, похожий на переодетого в солдатское платье монаха».

Как же эволюционировал этот Фукье-Тенвиль образца октября 1917 года?

Дзержинский не уродился жестокосердным вампиром. Юношеские портреты будущего председателя ВЧК чрезвы-

чайно схожи с портретом юного Рафаэля: он был хрупок, женствен и строен, «как тополь киевских высот». Но уже с детства этот нежный, малокровный дворянский ребенок отличался необузданной вспыльчивостью, капризами воли и бурным темпераментом. Живой как ртуть, он был баловнем матери и дома назывался не иначе как «феникс семьи».

Потрясает воображение следующий парадокс: экзальтированный, щеголеватый шляхтич из родовитой дворянской семьи, в высшей степени повелительный и нервный, с малых лет обуреваемый религиозно-католической одержимостью, вдруг кардинально меняет взгляды и становится столь же фанатичным богоборцем, проповедником радикальной революционности, наконец, главой беспощадного коммунистического террора...

«Что-то надломленное чувствовалось уже в этом отроке, чуждом неподдельной жизнерадостности. Из светло-зеленых глаз нежного юноши глядел узкий фанатик. И не фанатик-созерцатель, а фанатик действия, фанатик насилия. Мать и духовник-ксендз отговорили будущего главу большевистского террора от пути католического священнослужителя. Но сущность, разумеется, была не в пути, а во всем душевном строе, в страстях неистового Феликса. У «рафаэлевски» красивого юноши Дзержинского в том же году внезапно произошел душевный переворот. Он писал сам: «Я вдруг понял, что Бога нет!»

Р. Гуль выявляет истоки предательства юноши в самом себе. В его неустойчивой вере, в светлых юношеских идеалах, обреченных на скорое умирание. Нет, жизнь Дзержинского и ему подобных радикал-революционеров — это не трагедия заблуждения, и «железный Феликс» — не трагическая личность, это крайний индивидуалист с болезненным расщепленным сознанием, жертва собственных разрушительных инстинктов, нашедших выход наружу в условиях всеобщего социального хаоса и нравственного разложения смутного времени. Здесь нет трагедии веры, ибо вера безболезненно, даже с каким-то дьявольским сладострастием поправа. Трагическое и морально-уродливое, как известно, несовместимы, взаимоисключают друг друга. Подлинно трагическому чуждо отвратительное, пошлое, циничное. Между тем, «как всякий фанатик, в своем агитаторстве Дзержинский, не замечая того, подчас доходил до комизма. Так, приехав в гости к своему дяде в имение «Мейшгалы», щеголеватый шляхтич с лицом Рафаэля занялся исключительно тем, что агитировал дядину челядь, пытаясь, хотя и безуспешно, увести конюхов и кучеров к «богу Эрфуртской программы».

И вот когда большевистская революция разлилась по стране кровавой огневой лавой, сорокалетний Дзержинский, человек, большой телом и духом, этот «вдохновитель всероссийского убийства», «октябрьский Фукье-Тенвиль», «эпилептически-нервный фанатик с металлической душой и стеклянными безучастными глазами», «кровавая кукла октябрьского паноптикума, палач русского народа», «воплотитель бредовой идеи террористическо-полицейского коммунизма» и прочая, и прочая, пришел к пределу политического изуверства — к посту коммунистического Торквемады.

Писатель анализирует этот характер-тип в контексте своей эпохи, в совокупности социально-политических и нравственно-психологических отношений, во взаимодействии общего и индивидуального: тут и активное культивирование в семье Дзержинских пафоса национальной польской борьбы против «поработительницы Польши — России» (в 1922 году, когда Дзержинский был уже главой Всероссийской Чeka, он написал жуткие слова об этих своих юношеских чувствах к русским: «Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей»), и болезненная мания величия рефлектирующего юноши-католика, а вскоре революционера-максималиста, уверовавшего в свое «высшее» предназначение на земле. Это по-своему весьма богатая артистическая натура, которую, быть может, потеряла театральная сцена. Р. Гуль показывает, как в зависимости от конъюнктуры жизненных обстоятельств Дзержинский мог быть и ухищренным комедиантом, и непревзойденным Хлестаковым, и «оскорбленным барином», и безжалостным палачом...

Писатель блистательно вскрыл природу революционных бесов, о которых писал еще великий Достоевский: «Любовь Дзержинского к революции, как и у Марата, была порождена ненавистью. Этой ненавистью Дзержинский и был одержим. В ребенке она жила в желании, надев «шапку-невидимку», перебить всех москалей, в юноше — в тюремной клятве «мстить», в председателе ВЧК — в жуткой беспощадности расправы. Охваченный ненавистью ко всему миру, Марат был живым кровавым бредом революции. В нем, как и в Дзержинском, революционный энтузиазм дошел до конвульсий. И они оба, Дзержинский и Марат, олицетворяли в себе смутные кровавые инстинкты человеческой черни. Это не философские размышления Робеспьера. Это — нож, револьвер, пулемет... Арифметически председателя ВЧК Дзержинского можно определить так: это был на одну треть Робеспьер (без его ума) и на две трети Марат (без его дарования). Для исто-

рической фигуры смесь не особенно увлекательная. Впрочем, принадлежность людей к истории не часто измеряется их талантами».

Безоговорочно отвергая беспощадный революционно-кровавый террор кутонов, маратов, сен-жюстов образца 1917 года против собственного народа, Р. Гуль заключает: «Фигуры этих вошедших в революцию «дворян», воплощений бредовой идеи террористическо-полицейского коммунизма, были различны во многом. Нетерпеливый, горячий, заносчивый, нервный поляк Дзержинский и спокойный, с хитрой сметкой, монголообразный циник Ленин. Общим у них было одно — у обоих совершенно «не поворачивалась шея»; кроме всероссийской социальной революции оба не видели ничего. Малообразованного, недалекого, не питавшегося ничем, кроме брошюрок, Дзержинского Ленин, конечно, превосходил и умом, и образованием на две головы. Но Дзержинский и не претендовал на роль коренника объединенной партии. Зато Ленин сразу понял, что этот фанатичный поляк — замечательная пристяжная в той тройке, в которую Ленин впрягся коренником и которая разомчит всю Россию. И Ленин «обласкал», приблизил к себе этого «инфернального молодого человека», понимая, что именно такие нужны для его, ленинского дела».

С этим выводом читатель вправе не согласиться в виду его очевидной жесткости и категоричности, но и не принять его в расчет, если хочешь всерьез, всесторонне и объективно расследовать трагическую историю России, нельзя.

Особого внимания заслуживает благородный гуманистический пафос писателя, убедительно доказавшего, что даже самая праведная цель становится несправедливой, если достигается несправедливыми средствами. Разумеется, в революцию шли не только безумные фанатики, люмпены, прирожденные преступники, отщепенцы и прочие маргиналы, жаждавшие обогатить руки кровью, но и, увы, порой порядочные, благовоспитанные граждане, ставившие перед собой высокие цели. Воистину благими намерениями вымощена дорога в ад... Попав под пресс беспощадной социальной бойни, они быстро утрачивали запас нравственной прочности, превращаясь в антигуманистов и кровавых поделщиков кормчих революции. Мысль эта многожды доказана ходом самой истории, но, видимо, не утратила своей жгучей актуальности, поскольку человечество еще не научилось усваивать сполна горький опыт истории и с упорством, достойным лучшего применения, продолжает повторять те же ошибки...

...Российские читатели хранят память о замечательном русском писателе-патриоте Романе Борисовиче Гуле, поки-

нувшем навсегда свое Отечество 90 лет назад. Его повесть «Дзержинский» не только не устарела, не потеряла своей острой социально-нравственной поучительной значимости, но обрела особую, жгучую актуальность в наше неппростое время. Не секрет, и ныне находятся горячие головы — неореволюционеры, русофобы всех мастей, взалхлеб разглагольствующие о свободе, гласности, плюрализме, прочих завоеваниях нашей эпохи, втайне же они лелеют мечту о самой жестокой диктатуре. Это они, охваченные жуткой эйфорией, торжествуют и восторженно аплодируют принятию законодательных проектов, попирающих свободу слова и гражданское волеизъявление. Это они без устали вдохновляют агрессивных инициаторов закрытия патриотических газет в России, приписывая им несуществующий мифический «экстремизм», «шовинизм», «фашизм», «антисемитизм» и прочие «измы».

Это они усаживают на скамью подсудимых с помощью клеветы и доносов в правоохранительные органы неугодных редакторов, журналистов, всякого, кто посмеет им перечить в их неумемной жажде кровавого антирусского террора. Безусловно, многие антигерои нашего времени узнают себя в персонажах произведений Р. Гуля.

МИНИАТЮРЫ

УРОКИ ЧИСТОПИСАНИЯ

Да, были когда-то такие уроки в школе.

Помню, учительница давала нам наказ принести с собой на следующий день тетради в частую или редкую косую линейку и, соответственно, такие-то или такие-то перья. И вот сосредоточенно корпим над палочками и крючочками, поглядывая время от времени на черную школьную доску, где они изображены мелом. Сверяя начерченное нами с образцами.

А потом — работа с нажимом пера: тут вот надо потолще, тут — «волосяной» крючок, а тут соединительная линия, тоже тоненькая.

Надо сказать, что у некоторых ребят получалось это самое чистописание очень даже хорошо, у большинства — вполне подходяще, а у некоторых — никудашне, с ними наша учительница занималась дополнительно.

В общем, чисто писать научились все. Но, правда, позже, в старших классах, о прежнем навыке кое-кто подзабыл, выползли на белый свет каракули.

Мне отступать особо от правил было никак нельзя. Старшая сестра — пример! — писала идеально, старший брат — высокий пример! — чуть скученно, мелкими буквами, но тоже красиво.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

...В машбюро — скажу правду — мои да некоторых других моих коллег статьи, заметки и репортажи особо не залеживались, девушки их выуживали из папки чуть ли не в первую очередь, кому охота возиться с каляками-маляками...

...Недовольный моим чтением вслух кто-то из дружной шайки-лейки выхватывал из моих рук листок со стихами и продолжал без единой запинки декламировать дальше. А какая могла быть запинка, коли написано вполне разборчиво.

Спасибо, милая Валентина Сергеевна! Ваши уроки чистописания были настоящими. Как была настоящей «Русская речь» с чудными картинками.

Но все это вышесказанное — сугубо о почерке, о начертании букв. Есть же еще более важное, главное. Как сочинителю чисто писать? То есть чисто мыслить. Чисто видеть окружающий нас мир. Людей. Траву. Деревья. Муравьев. Собаку. Реку. Как не напитаться озлоблением, завистью, неверием, нелюбием человека и не выплеснуть это на чистую бумагу? Наверное, это непросто. Я, к примеру, долго и трудно учу себя чистому писанию, вслушиваясь и вглядываясь в людей, в утренние зори и закаты, в легкие облака и громоздкие тучи... Иногда мне кажется, что такие уроки самообучения дают плоды.

Странное иной раз бывает ощущение: скажем, пишешь очередной или внеочередной опус, за окном ярко сияет солнце, перо авторучки то быстрее, то медленнее скользит по бумаге, скользит движимое мыслью и тут вдруг — то ли краем глаза, то ли сознания — видишь, что перо улавливает частички законного света (или дождя — в непогоду) и вносит их в слово, в строку. Так ли на самом деле? Не знаю. Судить об этом не писателю, а — читателю.

Слово, еще слово, предложение... Они сами, представляется мне, хотят чистоты, наполненности земным и небесным.

Один мой знакомый сочинитель детективов — столько-то лет назад — сел за пишущую машинку и усмехнулся:

— А что тут, собственно, сложного? Неделю работы — и повесть в редакции. Вот смотри, начинаю: «Алая, как флаг, заря уже широко плескалась над землей...»

А романист в ответ на мой вопрос — о потоке стертых до нельзя фраз в его сочинении — пожал плечами: а что тут такого? Главное сюжет, поставленные проблемы, а слово, слова — это мелочевка.

Не знаю, не знаю... Я все еще учусь и учусь светлому чистописанию.

РЕЧКА

Имя (название) ее, конечно же, для всех не обнаружу; во-первых, оно мне слишком дорого, а во-вторых, оно мало кому-то что-то скажет, как имя моей школьной любимой (да и на берег речки она, милая и красивая девочка, наверное, никогда не приходила, — не видел. А в классе седьмом она уехала в другое место, куда-то. Ее родители были скромны, серьезны и, кажется, какие-то начальники).

О речке, однако, о речке...

Есть серьезные русские знаки — Волга-матушка, батюшка Дон, Псел, да Днепр, да Енисей, да Лена-река...

О речке, однако, о речке...

Я, помню, захлебывался, тонул в запруде, которую при мне за час-другой соорудили из «кирпичей» дерна старшие ребята... Они плескались, баловались, а я — у них на виду — пытался ручонкой поймать веточку наклоненной к воде ракиты, ухватиться...

Еле успел.

...Лето. Жарища.

Бегу легкими ногами по тропинке — вдоль нее, речки, бегу среди огромной зеленой толпы маленьких и больших деревьев — к воде! А потом еще — по бережку — к любимому месту купания; там зеленая полянка, устланная мягким ковром гусиных лапок с желтыми цветочками, окруженная мелкими кустиками. И вдруг глянул — слева, в моей любимой речке — стоит, уткнувшись носом в корягу, большущий налим! Как ухватил его, не знаю, — диво да и только!..

Увидеть ее теперь? Речку?.. Говорят, преобразователи земли уж столько-то лет назад спрямили ее русло; говорят, близ ее живут теперь большей частью люди иных, южных племен.

Увидеть?.. Не знаю, не знаю...

А бережок, мягкий, ровный, зеленый иногда снится. Зачем?..

КРАЙ

Давно уже закончились споры на тему: где бытует свобода, а где — воля? Все более-менее серьезные люди сошлись на том, что свобода нынче разлита почти во всем мире, а воля давным-давно крепко и нежно ужилась лишь в сердцах двух народов — цыганском да русском.

Но это, так сказать, вопрос большого порядка.

Но есть вопрос и помельче, считай, каждодневный.

Не раз и не два замечал такое: идешь себе веселый или

озабоченный по тротуару, по мостовой — мимо — пролетают, скользят, плывут машины... И всё — ладком. Ты идешь по тротуару, машины — мимо, рядом — по мостовой... Но стоит войти в тихую полупустынную улочку — и... Ноги сами собой ступают на мостовую — и шагаешь по ней, и как-то просто становится тебе, как-то легко, вольно.

Я думал, заметив такое дело, что только мои ноги сей фокус проделывают, что только мне по мостовой шагать и просто и вольно. Ан, нет! Чуть появился прогал на дороге — народ туда, и старики, и старухи, и подростки... И тротуар широк, и толчеи на нем никакой, а вот, видишь...

И не профессор-интуитивист какой чувствует в себе подобную необъяснимую тягу — все, за малым, быть может, исключением. Выходит, сдерживает, ограничивает русского человека даже этот к р а й — край пешеходной дорожки. И так, если здраво рассуждать, казалось бы, разница какая? Твердое покрытие, оно и есть твердое. Шагай себе по делам, да поскорее, думай на ходу — путь чист и прям. Чего тебе еще, человече?

Нет, — за к р а й, за барьеры, на невеликий хотя бы простор! А что уж тут говорить о реке, о поле, о степи, о небе...

И получается, не просто так. Нескончаемые колонны автомобилей, автобусы, электрички везут-увозят в канун выходных дней людей туда — в летнее, воздушное, б е с к р а й н е е .

ИМЯ

С грустью посматривая на изрядные залысины и поседелые волосы моих сверстников, думаю: «Как же летит времечко! Как же незаметно превратились мы из легкотельных, бойких мальчишек в осанистых неторопливых мужчин! Эх, годы-годики!...» Да и именуют нас люди сторонние иначе, нежели прежде. Был — Вовка, теперь — Владимир Александрович, был — Колька, теперь — Николай Иванович, а Сашка — Александр Алексеевич... Правда, меж собой мы называем друг друга по-прежнему, привычно.

Был тут-то как-то по делам в знакомой редакции. Сидим с моим знакомым, говорим о деле. Входит парень, компьютерщик, и обращается к моему знакомому:

— Жень, скажи мне...

Когда сей красавец с черной аккуратной бородкой и широкими аккуратными баками удалился из кабинета, я спросил Женью:

— А что это он тебя по имени, ласково так?.. Ты же по возрасту в отцы годишься.

— А теперь почти во всех офисах мода такая.

Надо же!..

А через неделю-другую болтал о том о сем с одной девицей. Между прочим упомянула она о том, что к ним в банк приехал работать — контролировать какие-то операции — шестидесятипятилетний американец Дэвид.

— И как же вы к нему обращаетесь, — поинтересовался я.

— Как, как... просто, по-американски: эй, Дэвид!..

Ну, с американцами все понятно. Люди деньги зарабатывают, на службе и дома думают о них. Народ такой. Кому какое дело — чей ты сын и брат, какого роду-племени... У нас же обычай иной. Николай — хорошо, а если еще Петра сын — еще лучше, а если еще Сорокин — не того ли Сорокина, что в Усмани слыл знатным кузнецом?.. — вовсе замечательно. Назвали тебя по батюшке — и оживили в тебе, пусть на миг, твоего отца. А как частенько за семейным или дружеским столом рассказывают о своем деде или прадеде, о дядьях! Послушаешь и выходит, что не зря, не впустую люди родные жили. Работали — да как... Веселились!.. А какие песни!.. Не можем мы без предания, без истории рода, без наших тетей, дядей, дедушек да бабушек жить полнокровно на белом свете. Какие-то страны, народы могут, считая прошлое излишним грузом, призывая поскорее от него освободиться. А зачем о нем помнить? Работа, потом — развлечения, шоу. Или же аккуратная толкотня на корпоративном пикнике с натянутыми на лице резиновыми улыбками. Поел, попил — спать. Живите только днем сегодняшним. Откушала лошадь сегодня овса — и довольна; откушала завтра сена — и довольна. О чем думать? О смысле жизни, что ли? Начнешь думать, глубины в себе искать, а то и мудрости учиться... Слишком уж серьезное это дело. Так можно и настоящим человеком стать. А как же общество потребления?..

...Моя знакомая была потрясена, когда ее дочь, ровесница перестройки, однажды заявила:

— Я сама себя вырастила и воспитала!

Да-с... А мы-то думали, что...

Здравствуйте долго, Петровичи, Алексеевичи, Николаевны, Геннадиевны, Васильевны!.. Здравствуйте долго, люди с памятью о живущих и живших, умеющие оглядываться благодарно и смело глядящие в будущее!

Имя твое живет во времени.